

2022

33
1762

Г. ТАРДЪ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

801-17
243

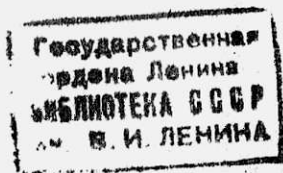
ТОЛПА

Переводъ съ французскаго
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
П. С. КОГАНА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. № 5
1902

2015188250

133869-48

Дозволено цензурой. Москва, 4 мая 1902

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

ТОЛПА

Переводъ съ французскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. С. КОГАНА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. № 5
1902

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА. Художествен-

ное изданіе въ трехъ томахъ съ портретомъ автора — В. А. Свирова и 67-ю рисунками, исполненными художниками: А. Е. Архиповымъ, А. Н. Бенуа, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Н. В. Досъкинскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, С. А. Коровинымъ, Е. Е. Лансере, И. И. Левитаномъ, С. В. Малютинскимъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Сомовымъ, В. И. Суриковымъ и В. А. Свировымъ. Рисунки воспроизведены цинкографическимъ способомъ въ Парижѣ. М. 1899 г. Цѣна 6 р. Въ трехъ англійскихъ коленкоровыхъ переплетахъ, тисненыхъ золотомъ по рисунку художника М. А. Врубеля 8 р. 25 к. Также съ 6 гелиографурами и одною хромогелиографурой въ краскахъ (à la poirée) (Дуэль изъ „Евгенія Онегина“ рис. И. Е. Рѣпина), напечатанными въ Парижѣ въ мастерской Дюкурсью и Гильяра, цѣна 10 рублей, въ переплетъ 12 р. 25 к. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя читальни.

ДЖОНАТАНЪ СВИФТЪ. Путешествіа

Лемьюэля Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта.

Съ біографіей автора и примѣчаніями Джона Франсиса Уоллера, составленными по Оррери, Дилени, Шеридану, Хоокесвортсу, Куку Тейлору, Вальтеръ Скотту, Теккерею, Джонсону и другимъ. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго и В. Яковенко. Съ портретомъ автора и рисунками. Изданіе 2-е. М. 1901. Цѣна 1 руб. 50 коп. Содержаніе: Путешествіе въ Лилипуту. — Путешествіе въ Бродбиньягъ. — Путешествіе въ Лапуту. — Путешествіе къ Гуингаммъ.

ДАНИЕЛЬ ДЭ-ФО. Жизнь и удивительныя

приключенія Робинсона Крузо, іорскаго моряка, рассказанныя имъ самимъ. Полный переводъ съ англійскаго Петра Канчаловскаго въ 2-хъ частяхъ съ рисунками. Изданіе 2-е, 1 р. 50 к. Одобрено М. Н. Просвѣщенія для сред. уч. завед. Изданіе 3-е. Цѣна 1 р. 35 к. Допущено М. Н. Пр. для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ. Лекціи объ ис. 'сствѣ.

Переводъ съ 9-го англійскаго изданія П. С. Когана, съ портретомъ автора. М. 1900 г. Ц. 1 руб.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ. Современные художники.

(Общіе принципы. — Правда въ искусствѣ). Переводъ со 2-го англійскаго изданія П. С. Когана. М. 1901. Ц. 2 р. 25 к., на веленовой бумагѣ (печатано 300 экземпляровъ) 3 р. 50 к., въ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ 4 р. 25 к.

(Продолженіе на 3 страницѣ).

Предисловіе.

Выраженію *коллективная психологія* или *соціальная психологія* часто придаютъ фантастическій смыслъ, отъ котораго прежде всего необходимо освободиться. Онъ заключается въ томъ, что мы представляемъ себѣ *коллективный умъ*, *коллективное сознание*, какъ особое *мы*, которое будто бы существуетъ внѣ или выше индивидуальныхъ умовъ. Нѣтъ надобности въ такой точкѣ зрѣнія, въ такомъ мистическомъ пониманіи, для того чтобы совершенно отчетливо провести грань между обыкновенной психологіей и психологіей соціальной, которую мы скорѣе назвали бы интерспиритуальной. Въ самомъ дѣлѣ, первая касается отношеній ума ко всей совокупности другихъ внѣшнихъ предметовъ, вторая изучаетъ или должна изучать взаимныя отношенія умовъ, ихъ вліянія: одностороннія или взаимныя, — одностороннія сначала, взаимныя потомъ. Между первой и второй существуетъ такимъ образомъ то различіе, которое существуетъ между родомъ и видомъ. Но видъ въ этомъ случаѣ имѣетъ характеръ столь важный и столь исключительный, что его необходимо выдѣлить изъ рода и трактовать при помощи методовъ, специально ему свойственныхъ.

Отдѣльные этюды, которые найдетъ здѣсь читатель, представляютъ собою фрагменты этой обширной области коллективной психологіи. Ихъ соединяетъ тѣсная связь. Пришлось перепечатать здѣсь, съ цѣлью опредѣлить его настоящее мѣсто, этюдъ о *толпахъ*, составляющій прибавленіе въ концѣ книги. Въ самомъ дѣлѣ, *публика*, которая составляетъ спеціальнѣйшій главный предметъ настоящаго изслѣдованія, есть не что иное, какъ

разсѣянная толпа, въ которой вліяніе умовъ другъ на друга стало дѣйствіемъ на разстояніи, на разстояніяхъ, все возрастающихъ. Наконецъ, *мнѣніе*, являющееся результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій на разстояніи или при личномъ соприкосновеніи, составляетъ для толпы и публики нѣчто въ родѣ того, что мысль составляетъ для тѣла. И если среди этихъ дѣйствій, въ результатѣ которыхъ является мнѣніе, мы станемъ искать самаго общаго и постояннаго, то безъ труда убѣдимся, что таковымъ является *разговоръ*, элементарное, социальное отношеніе, совершенно забытое социологами.

Полная исторія разговора у всѣхъ народовъ во всѣ времена была бы въ высшей степени интереснымъ документомъ социальнаго знанія; и если бы всѣ трудности, которыя представляетъ этотъ вопросъ, удалось побѣдить съ помощью коллективной работы многочисленныхъ ученыхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что изъ сопоставленія фактовъ, полученныхъ по этому вопросу у самыхъ различныхъ между собою народовъ, выдѣлился бы большой запасъ общихъ идей, которыя позволили бы сдѣлать изъ *сравнительнаго разговора* настоящую науку, немного уступающую сравнительной религіи, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря политической экономіи.

Но само собою разумѣется, что я не могъ претендовать на то, чтобы набросать планъ подобной науки на нѣсколькихъ страницахъ. За отсутствіемъ свѣдѣній, достаточныхъ хотя бы для самаго эскизнаго наброска, я могъ указать только ея будущее мѣсто, и я былъ бы счастливъ, если бы, высказавъ сожалѣніе объ ея отсутствіи, я возбудилъ въ какомъ-нибудь молодомъ изслѣдователѣ стремленіе заполнить этотъ важный пробѣлъ.

Г. Тардъ.

Май, 1901.

ПУБЛИКА и ТОЛПА.

I

Толпа не только привлекаетъ и неотразимо зоветъ къ себѣ того, кто видитъ ее; самое ея имя заключаетъ въ себѣ что-то заманчивое и обаятельное для современнаго читателя, и нѣкоторые писатели склонны обозначать этимъ неопредѣленнымъ словомъ всевозможныя группировки людей. Слѣдуетъ устранить эту неясность и особенно не смѣшивать съ толпой *публику*, слово, которое опять-таки можно понимать различно но которое я постараюсь точно опредѣлить. Говорятъ: публика какого-нибудь театра; публика какого-либо собранія; здѣсь слово публика обозначаетъ толпу. Но этотъ смыслъ упомянутого слова не единственный и не главный, и въ то время какъ онъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе или же остается неизмѣннымъ, новая эпоха съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія создала совершенно особый родъ публики, которая все растетъ и безконечное распространеніе которой является одной изъ характернѣйшихъ чертъ нашего времени. Психологія толпы уже выяснена; остается выяснить психологию публики, взятой въ этомъ особомъ смыслѣ слова, т. е., какъ чисто духовную совокупность, какъ группу индивидуумовъ, физически раздѣленныхъ и соединенныхъ чисто умственной связью. Откуда происходитъ публика, какъ она заро-

ждается, какъ развивается, ея измѣненія, ея отношеніе къ своимъ главарямъ, ея отношеніе къ толпѣ, къ корпораціямъ, къ государствамъ, ея могущество въ хорошемъ или въ дурномъ и ея способъ чувствовать или дѣйствовать — вотъ что будетъ служить предметомъ изслѣдованія въ настоящемъ этюдѣ.

Въ самыхъ низшихъ животныхъ обществахъ ассоціація состоитъ по преимуществу въ матеріальномъ соединеніи. Помѣръ того, какъ мы поднимаемся вверхъ по дереву жизни, социальныя отношенія становятся болѣе духовными. Но если отдѣльные индивидуумы удаляются другъ отъ друга настолько, что не могутъ уже болѣе встрѣтиться, или же остаются въ такомъ отдаленіи другъ отъ друга дольше извѣстнаго, весьма краткаго промежутка времени, они перестаютъ составлять ассоціацію. Такимъ образомъ толпа въ этомъ смыслѣ представляетъ собою до нѣкоторой степени явленіе изъ царства животныхъ. Не является ли она рядомъ психическихъ воздѣйствій, въ сущности истекающихъ изъ физическихъ столкновеній? Но не всякое общеніе одного ума съ другимъ, одной души съ другой обусловлено необходимой близостью тѣла.

Это условіе совсѣмъ отсутствуетъ, когда обозначаются въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ такъ называемыя *общественныя теченія*. Не на сходкахъ, которыя происходятъ на улицахъ или площадяхъ, рождаются и разливаются эти социальныя рѣки ¹, эти огромные потоки, которые приступомъ

¹ Замѣтимъ, что эти *гидравлическія* сравненія естественно напрашиваются всякій разъ, когда заходитъ рѣчь какъ о толпѣ, такъ и о публикѣ. Въ этомъ заключается ихъ сходство. Толпа, движущаяся вечеромъ во время публичнаго празднества, медленностью своего теченія и многочисленностью водоворотовъ напоминаетъ рѣку, текущую безъ опредѣленнаго русла, такъ какъ меньше всего можно сравнить съ организмомъ толпу, если не считать публики. — Это потоки воды, жизнь которыхъ не опредѣлена въ точности.

захватываютъ теперь самыя стойкія сердца, самые способные къ сопротивленію умы и заставляютъ парламенты и правительства приносить имъ въ жертву законы и декреты. И странно, тѣ люди, которые увлекаются такимъ образомъ, которые взаимно возбуждаютъ другъ друга, или же, скорѣй, передаютъ одинъ другому внушеніе, идущее сверху, эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышатъ другъ друга; они разсѣяны по обширной территоріи, сидятъ у себя по домамъ, читая одну и ту же газету. Какая же связь существуетъ между ними? Эта связь состоитъ въ одновременности ихъ убѣжденія или увлеченія, въ сознаніи, проникающемъ cadaго, что эта идея или это желаніе раздѣляется въ данный моментъ огромнымъ количествомъ другихъ людей. Достаточно человѣку знать это, даже не видя этихъ другихъ людей, и на него влияетъ вся ихъ совокупная масса, а не только одинъ журналистъ, общій вдохновитель, самъ невидимый и невѣдомый и тѣмъ болѣе неотразимый.

Читатель вообще не сознаетъ, что подвергается настойчивому, почти неотразимому вліянію той газеты, которую онъ обыкновенно читаетъ. Журналистъ же скорѣе сознаетъ свою угодливость по отношенію къ публикѣ, никогда не забывая ея природы и вкусовъ. У читателя даже еще меньше сознанія: онъ абсолютно не догадывается о томъ вліяніи, какое оказываетъ на него масса другихъ читателей. Но оно тѣмъ не менѣе неоспоримо. Оно отражается на степени его интереса, который становится живѣе, если читатель знаетъ или думаетъ, что этотъ интересъ раздѣляется болѣе многочисленная или болѣе избранная публика; оно отражается и на его сужденіи, которое стремится приспособиться къ сужденіемъ большинства или же избранныхъ, смотря по обстоятельствамъ. Я развертываю газету, которую я считаю сегодняшней, и съ жадностью читаю въ ней разныя новости; потомъ вдругъ я замѣчаю, что она помѣнена числомъ отъ прошлаго мѣсяца или вчерашнимъ, и она

тотчасъ же перестаетъ меня интересоватъ. Откуда происходитъ это внезапное охлажденіе? Развѣ факты, сообщенные тамъ, стали менѣе интересны по существу? Нѣтъ, но у насъ является мысль, что мы одни читаемъ ихъ, и этого достаточно. Это доказываетъ, что живость нашего интереса поддерживалась безсознательной иллюзіей общности нашего чувства съ чувствами массы другихъ людей. Номеръ газеты, вышедшій наканунѣ или два дня тому назадъ, по сравненію съ сегодняшнимъ есть тоже, что рѣчь, прочитанная у себя дома по сравненію съ рѣчью прослушанной среди многочисленной толпы.

Когда мы безсознательно подвергаемся этому невидимому вліянію со стороны публики, часть которой мы сами составляемъ, мы склонны объяснять это просто обаяніемъ *злободневности*. Если насъ интересуетъ самый послѣдній номеръ газеты, это происходитъ будто бы отъ того, что онъ сообщаетъ намъ злободневные факты и будто бы при чтеніи насъ увлекаетъ самая ихъ близость къ намъ, а отнюдь не то, что ихъ одновременно съ нами узнаютъ и другіе. Но проанализируемъ хорошенько это столь странное *впечатлѣніе злободневности*, возрастающая сила котораго является одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ цивилизованной жизни. Развѣ „злободневымъ“ считается исключительно то, что только что случилось? Нѣтъ, злободневымъ является все, что въ данный моментъ возбуждаетъ всеобщій интересъ, хотя бы это былъ давно прошедшій фактъ. Въ послѣдніе годы было „злободневно“ все, что касается Наполеона; злободневно все то, что въ модѣ. И не „злободневно“ все то, что вполне ново, но не останавливаетъ на себѣ вниманія публики, занятой чѣмъ-либо другимъ. Во все время, пока тянулось дѣло Дрейфуса, въ Африкѣ или въ Азіи происходили событія, весьма способныя возбудить нашъ интересъ, но въ нихъ не находили ничего злободневнога, словомъ, страсть къ злободневности растетъ вмѣстѣ съ обществен-

ностью и она есть не что иное какъ одно изъ самыхъ поразительныхъ ея проявленій; а такъ какъ періодическая, въ особенности же ежедневная пресса по самому свойству своему говоритъ о самыхъ злободневныхъ предметахъ, то не слѣдуетъ удивляться при видѣ того, какъ между обычными читателями одной и той же газеты завязывается и укрѣпляется нѣчто въ родѣ ассоціаціи, которую слишкомъ мало замѣчаютъ, но которая принадлежитъ къ числу чрезвычайно важныхъ.

Разумѣется, чтобы для индивидуумовъ, составляющихъ одну и ту же публику это *внушеніе на разстояніи* сдѣлалось возможнымъ, нужно, чтобы они привыкали, подѣ вліяніемъ интенсивной общественной жизни, жизни городской, къ *внушенію на близкомъ разстояніи*. Мы въ дѣтствѣ, въ юношескомъ возрастѣ начинаемъ съ того, что чувствуемъ *вліяніе взгляда другихъ*, которое безсознательно выражается у насъ въ нашихъ позахъ, въ жестахъ, въ измѣненіи хода нашихъ идей, въ беспорядочности или чрезмѣрной возбужденности нашихъ рѣчей, въ нашихъ сужденіяхъ, въ нашихъ поступкахъ. И только послѣ того какъ мы цѣлыми годами подвергались и подвергали другихъ этому внушающему дѣйствию взгляда, мы становимся способны къ *внушенію* даже посредствомъ *мысли о взглядѣ другаго*, посредствомъ идеи, что мы составляемъ предметъ вниманія для личностей удаленныхъ отъ насъ. Равнымъ образомъ лишь, послѣ того, какъ мы долгое время испытывали на себѣ и практиковали сами могущественное вліяніе догматическаго и авторитетнаго голоса, слышаннаго вблизи, намъ достаточно прочесть какое-нибудь энергическое утвержденіе для того, чтобы подчиниться ему, и просто самое сознаніе солидарности большого числа подобныхъ намъ съ этимъ сужденіемъ располагаетъ насъ судить въ одинаковомъ съ нимъ смыслѣ. Слѣдовательно образованіе публики предполагаетъ духовную и общественную эволюцію, значительно болѣе подвинувшуюся впередъ, нежели образованіе толпы. То чисто идеальное внушеніе, то зараженіе безъ соприкосновенія,

которыя предполагаетъ эта чисто абстрактная и тѣмъ не менѣе столь реальная группировка, эта одухотворенная толпа, поднятая, такъ сказать, на вторую степень сила, не могло зародиться ранѣе, какъ по прошествіи цѣлаго ряда вѣковъ соціальной жизни болѣе грубой, болѣе элементарной.

II

Ни на латинскомъ, ни на греческомъ языкахъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *публика*. Есть слова, обозначающія народъ, собраніе гражданъ вооруженныхъ или невооруженныхъ, избирательный корпусъ, всѣ разновидности толпы. Но какому писателю древности могло прійти на умъ говорить о своей публикѣ? Всѣ они не знали ничего, кромѣ *своей аудиторіи*, въ залахъ, нанимаемыхъ для публичныхъ чтеній, гдѣ поэты, современники Плинія Младшаго, собирали немногочисленную, сочувственную толпу. Что же касается тѣхъ немногочисленныхъ читателей манускриптовъ, переписанныхъ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, то они не могли сознавать, что составляютъ общественный агрегатъ, который, составляютъ теперь читатели одной и той же газеты и даже иногда одного и того же моднаго романа. Была ли публика въ средніе вѣка? Нѣтъ, но въ эти времена были ярмарки, паломничества, безпорядочныя скопища, охваченныя благочестивыми или воинственными чувствами, гнѣвомъ или паникой. Возникновеніе публики стало возможнымъ не раньше начала широкаго распространенія книгопечатанія въ XVI в. Передача силы на разстояніи — ничто по сравненію съ передачей мысли на разстояніи. Не есть-ли мысль соціальная сила по преимуществу? Вспомните *idées-forces* Фулье. Когда Библия была въ первый разъ издана въ милліонахъ экземпляровъ, то обнаружилось въ высшей степени новое и богатое неисчислимыми послѣдствіями явленіе, а именно благодаря ежедневному и одновременному чтенію одной

и той же книги, т. е. Библии, соединенная масса ея читателей почувствовала, что составляетъ новое соціальное тѣло, отдѣленное отъ церкви. Но эта нарождающаяся публика сама еще была только отдѣльной церковью, съ которой она смѣшивалась; слабость протестантизма и заключается въ томъ, что онъ былъ одновременно публикой и церковью, два агрегата, управляемые различными принципами и по самому существу своему непримиримые. Публика, какъ таковая, выдѣлилась болѣе ясно только при Людовикѣ XIV. Но и въ эту эпоху, если и были толпы, не менѣе стремительныя, нежели теперь, и не менѣе значительныя, при коронованіяхъ монарховъ, на большихъ празднествахъ, при бунтахъ, возникавшихъ вслѣдствіе періодическихъ голодовокъ, то публика составлялась изъ незначительнаго количества избранныхъ „*honnêtes gens*“, которые читали свой ежемѣсячный журналъ, въ особенности же книги, небольшое количество книгъ, написанныхъ для небольшого количества читателей. И кромѣ того эти читатели были по большей части сгруппированы, если не при дворѣ, то вообще въ Парижѣ.

Въ XVIII в. эта публика быстро растетъ и раздробляется. Я не думаю, чтобы до Бейля существовала философская публика, которая отличалась бы отъ большой литературной публики или начала отъ нея отдѣляться; я не могу назвать публикой группу ученыхъ, хотя они и были объединены, несмотря на свою разбросанность по различнымъ провинціямъ и государствамъ, однородными изысканіями и чтеніемъ однихъ сочиненій; эта группа была такъ малочисленна, что они всѣ поддерживали между собой письменныя сношенія и почерпали въ этихъ личныхъ сношеніяхъ главную пищу для своего научнаго общенія. Публика въ спеціальномъ смыслѣ начинаетъ обрисовываться съ того, трудно поддающагося точному опредѣленію, момента, когда люди, преданные одной и той же наукѣ, стали слишкомъ многочисленны для того, чтобы лично сноситься другъ съ другомъ, и могли почувствовать завязы-

вающіяся между ними узы солидарности только при помощи достаточно частыхъ и регулярныхъ сношеній, не имѣющихъ личнаго характера. Во второй половинѣ XVIII в. зарождается политическая публика, растетъ, и вскорѣ, разлившись, поглощаетъ, какъ рѣка свои притоки, всѣ другіе виды публики—литературную, философскую, научную. Однако, до революціи жизнь публики была мало интенсивна сама по себѣ и получаетъ значеніе только благодаря жизни толпы, съ которой она еще связана вслѣдствіе необыкновеннаго оживленія салоновъ и кафѣ.

Революція можетъ считаться датой настоящаго водворенія журнализма и слѣдовательно публики; революція — моментъ лихорадочнаго роста публики. Это не значитъ, что революція не возбуждала толпы, но въ этомъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ междоусобицъ войнъ въ XIV, въ XVI вѣкѣ, даже въ эпоху Фронды. Толпы фрондеровъ, толпы приверженцевъ Лиги, толпы приверженцевъ Кабоша—были не менѣе страшны и, можетъ-быть, не менѣе многочисленны, чѣмъ толпы 14 іюля и 10 августа; толпа не можетъ возрасти выше извѣстнаго предѣла, положеннаго свойствами слуха и зрѣнія, не раздробившись тотчасъ же и не утративъ способности къ совмѣстному дѣйствію; впрочемъ, дѣйствія эти всегда одинаковы; это—сооруженіе баррикадъ, разграбленіе дворцовъ, убійства, разрушеніе, пожары. Нѣтъ ничего болѣе однообразнаго, какъ эти, повторяющіяся въ теченіе вѣковъ, проявленія ея дѣятельности. Но 1789 г. характеризуется явленіемъ, котораго не знали предыдущія эпохи, именно—огромнымъ распространеніемъ газетъ, пожираемыхъ съ жадностью. Если нѣкоторыя изъ нихъ и были мертворожденными, то зато другія представляютъ собою картину безпримѣрнаго распространенія. Каждый изъ этихъ великихъ и ненавистныхъ публицистовъ¹, Марать, Демуланъ, отецъ Дю-

¹ „Слово публицистъ,—говоритъ Литтре,—появляется въ Академическомъ Словарѣ только начиная съ 1762 г.“ и фигурируетъ тамъ,

шенъ, имѣлъ свою публику; и эти толпы грабителей, поджигателей, убійцъ, людоедовъ, опустошавшихъ тогда Францію съ сѣвера до юга, съ востока до запада, можно считать злокачественными наростами и сыпями тѣхъ группъ публики, которыми ихъ злокозненные виночерпны,—препровожаемые съ триумфомъ въ Пантеонъ послѣ смерти,—подливали ежедневно губительный алкоголь пустыхъ и яростныхъ словъ. Это не значитъ, что бунтующія толпы состояли даже въ Парижѣ, а тѣмъ болѣе въ провинціяхъ и въ деревняхъ, исключительно изъ читателей газетъ; но послѣдніе составляли въ нихъ если не тѣсто, то, по крайней мѣрѣ, закваску. Точно такъ же клубы, собранія въ кафѣ, сыгравшіе такую важную роль во время революціоннаго періода, родились отъ публики, между тѣмъ какъ до революціи публика была скорѣе слѣдствіемъ, нежели причиной собраній въ кафѣ и въ салонахъ.

Но революціонная публика была по преимуществу парижской публикой, внѣ Парижа она обозначалась не ярко. Артуръ Юнгъ, во время своего знаменитаго путешествія, былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что газеты такъ мало распространены даже въ городахъ. Правда, это замѣчаніе относится къ началу революціи, немного позднѣе оно уже потеряло бы долю вѣрности. Но до самаго конца отсутствіе быстрыхъ сообщеній ставило непреодолимое препятствіе интенсивности и широкому распространенію общественной жизни. Какъ могли газеты, приходящія только два-три раза въ недѣлю и, притомъ, недѣлю спустя послѣ своего появленія въ Парижѣ, дать своимъ читателямъ на югъ то впечатлѣніе злободневности и то сознаніе одновременной духовной общ-

по его словамъ—какъ еще и теперь въ большинствѣ словарей—только въ значеніи автора, пишущаго о государственномъ правѣ. Смыслъ этого слова при ходячемъ употребленіи расширился только въ теченіе нашего столѣтія въ то время, какъ значеніе слова *публика* въ силу той же причины все сужалось, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его употребляю.

ности, безъ которыхъ чтеніе газеты не разнится по существу отъ чтенія книги? На долю нашего вѣка, благодаря усовершенствованнымъ способамъ передвиженія и моментальной передачѣ мысли на всякое разстояніе, выпала задача—придать публикѣ, всякаго рода публикѣ, безпредѣльное пространство, къ которому она такъ способна, и которое создаетъ между ней и толпой столь рѣзкій контрастъ. Толпа—это социальная группа прошлаго; послѣ семи она самая старинная изъ всѣхъ социальныхъ группъ. Она во всѣхъ своихъ видахъ, — стоитъ ли или сидитъ, неподвижна или движется,—не способна расширяться дальше извѣстнаго предѣла; когда ея вожаки перестаютъ держать ее *in tact*, когда она перестаетъ слышать ихъ голосъ, она распадается. Самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ аудиторій—это аудитория Колизея; но и она вмѣщала въ себя только сто тысячъ человекъ. Аудитории Перикла или Цицерона, даже аудитории великихъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ, въ родѣ Петра Пустынника или св. Бернарда, были безъ сомнѣнія значительно меньше. Также не замѣчается, чтобы могущество краснорѣчія, будь то политическое или религіозное, значительно подвинулось впередъ въ древности или въ средніе вѣка. Но публика безконечно растяжима и, такъ какъ, по мѣрѣ ея растяженія, ея социальная жизнь становится болѣе интенсивной, то нельзя отрицать, что она станетъ социальной группой будущаго. Такимъ образомъ, благодаря соединенію трехъ взаимно поддерживающихъ другъ друга изобрѣтеній—книгопечатанія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, приобрѣла свое страшное могущество пресса, этотъ чудесный телефонъ, который такъ безмѣрно расширилъ древнюю аудиторию трибунъ и проповѣдниковъ. Итакъ, я не могу согласиться съ смѣлымъ писателемъ, д-ромъ Лебономъ, заявляющимъ, что нашъ вѣкъ—это „эра толпы“. Нашъ вѣкъ—это эра публики или публикѣ, что далеко не похоже на его утвержденіе.

III

До извѣстной степени публика сходна съ тѣмъ, что называется *міромъ*—„литературный міръ“, „политическій міръ“, и т. д.; разница лишь въ томъ, что это послѣднее понятіе предполагаетъ личныя сношенія между лицами, принадлежащими къ одному и тому же міру, какъ-то: обмѣны визитами, приемы, что можетъ и не существовать между членами одной и той же публики. Но между толпой и публикой разстояніе огромно, какъ мы уже видѣли, хотя публика частію и ведетъ свое начало отъ извѣстнаго рода толпы, а именно отъ аудитории ораторовъ.

Между толпой и публикой существуетъ много и другихъ различій, которыя я еще не выяснилъ. Можно принадлежать въ одно и то же время, какъ это обыкновенно и бываетъ, къ нѣсколькимъ группамъ публики, какъ можно принадлежать къ нѣсколькимъ корпораціямъ или сектамъ; но къ толпѣ одновременно можно принадлежать только къ одной. Отсюда гораздо болѣе нетерпимость толпы, а слѣдовательно и тѣхъ націй, гдѣ царитъ духъ толпы, потому что тамъ человекъ захватывается цѣликомъ, неотразимо увлеченъ силой, не имѣющей противовѣса. И отсюда преимущество, связанное съ постепенной замѣной толпы публикой, превращеніе, сопровождающееся всегда прогрессомъ въ терпимости или даже въ скептицизмѣ. Правда, сильно возбужденная публика можетъ породить, какъ это иногда и случается, фанатическія толпы, которыя расхаживаютъ по улицамъ съ криками: *да здравствуетъ* или *смерть* чему-либо. И въ этомъ смыслѣ публика могла бы быть опредѣлена какъ толпа въ возможности. Но это паденіе публики до толпы, въ высшей степени опасное, вообще случается довольно рѣдко; и не входя въ обсужденіе того, не будутъ ли, невзирая ни на что, эти порожденные публикой толпы менѣе грубы, чѣмъ толпы, образовавшіяся внѣ всякой публики, остается оче-

виднымъ, что столкновение двухъ публикъ, всегда готовыхъ слиться на своихъ неопредѣленныхъ границахъ, представляетъ собой гораздо меньшую опасность для общественнаго спокойствія, нежели встрѣча двухъ враждебныхъ толпъ.

Толпа, какъ группа болѣе естественная, болѣе подчиняется силамъ природы; она зависитъ отъ дождя или отъ хорошей погоды, отъ жары или отъ холода; она образовывается чаще лѣтомъ, нежели зимой. Лучъ солнца собираетъ ее, проливной дождь разсѣиваетъ ее. Когда Балли былъ парижскимъ мэромъ, онъ благословлялъ дождливые дни и огорчался при видѣ проясняющагося неба. Но публика, какъ группа высшаго разряда, не подвластна этимъ измѣненіямъ и капризамъ физической среды, времени года или даже климата. Не только зарожденіе и развитіе публики, но даже крайнее возбужденіе ея, эта болѣзнь, появившаяся въ нашемъ вѣкѣ и растущая все сильнѣе, не подвержены этимъ вліяніямъ.

Наиболѣе острый кризисъ этого рода болѣзни, по нашему мнѣнію, а именно дѣло Дрейфуса, свирѣпетовало во всей Европѣ въ самый разгаръ зимы. Возбудило ли оно больше страстности на югѣ, нежели на сѣверѣ, какъ случилось бы, если бы рѣчь шла о толпѣ? Нѣтъ! Скорѣе оно наиболѣе волегло умы въ Бельгіи, въ Пруссіи, въ Россіи. Наконецъ, отпечатокъ расы гораздо менѣе отражается на публикѣ, чѣмъ на толпѣ. И это не можетъ быть иначе въ силу слѣдующаго соображенія.

Почему англійскій митингъ такъ глубоко разнится отъ французскаго клуба, сентябрьская рѣзня отъ африканскихъ судилищъ по закону Линча, итальянскій праздникъ отъ коронаціи русскаго Царя? Почему хорошій наблюдатель по національности толпы можетъ почти съ увѣренностью предсказать, какъ она будетъ дѣйствовать — съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ предсказать, какъ поступитъ каждый изъ индивидуумовъ, составляющихъ ее — и почему, несмотря на огромныя измѣненія, происшедшія въ нравахъ и идеяхъ Франціи или Англіи за послѣднія три-четыре столѣтія, французскія толпы нашего времени, буланжистскія или антисемитическія, похожи въ столькихъ чертахъ на толпы приверженцевъ Лиги или Фронды, а нынѣшнія толпы англичанъ — на толпы временъ Кромвеля? Потому, что въ образованіи толпы индивидуумы участвуютъ только своими сходными національными чертами, которыя слагаются и образуютъ одно цѣлое, а не своими индивидуальными отличіями, которыя нейтрализуются; при составленіи толпы углы индивидуальности взаимно сглаживаются въ пользу національнаго типа, который прорывается наружу. И это происходитъ вопреки индивидуальной склонности себя чувствовать, но всегда находитъ противовѣсъ во взаимодѣйствіи тѣхъ, кого они ведутъ.

Что же касается того вліянія, какое оказываетъ на свою публику публицистъ, то оно если и является гораздо менѣе интенсивнымъ въ данный моментъ, зато по своей продолжительности оно болѣе сильно, чѣмъ кратковременный и преходящій толчокъ, данный толпѣ ея предводителемъ. Мало того, вліяніе, которое оказываютъ члены одной и той же публики другъ на друга, гораздо менѣе сильно и никогда не противодѣйствуетъ, а, напротивъ, всегда содѣйствуетъ публицисту, вслѣдствіе того, что читатели сознаютъ одновременную тождественность своихъ идей, склонностей, убѣжденій или страстей, ежедневно раздуваемыхъ однимъ и тѣмъ же вѣтромъ.

Можно, быть-можетъ, несправедливо, но съ извѣстнымъ правдоподобіемъ и видимымъ основаніемъ, оспаривать ту мысль, что всякая толпа имѣетъ вождя; и дѣйствительно, часто она сама ведетъ его. Но кто станетъ оспаривать, что всякая публика имѣетъ своего вдохновителя, а иногда и со-вѣдателя? Слова Сентъ Бѣва, что „геній есть царь, создающій свой народъ“, особенно примѣнимы къ великому журналисту.

Сколько публицистовъ создаютъ себѣ публику! ¹ Правда, для того, чтобы возбудить антисемитическое движеніе, было необходимо, чтобы агитаторскія усилія Эдуарда Дрюмона соотвѣтствовали извѣстному умственному состоянію среди населенія; но, пока не раздался одинъ громкій голосъ, давшій общее выраженіе этому состоянію умовъ, оно оставалось чисто индивидуальнымъ, мало интенсивнымъ, еще въ меньшей степени заразительнымъ и не создавало само себя. Тотъ, кто выразилъ его, создалъ какъ бы коллективную силу, быть можетъ искусственную, но тѣмъ не менѣе реальную. Я знаю французскія области, гдѣ никто никогда не видалъ ни одного еврея, что не мѣшаетъ антисемитизму процвѣтать тамъ, потому что тамъ читаются антисемитическія газеты. Точно такъ же социалистическое или анархическое направленіе умовъ ничего не представляло собою, прежде чѣмъ его не выразили нѣкоторые знаменитые публицисты, Карлъ Марксъ, Крапоткинъ и др., и не пустили въ обращеніе, давъ ему свое имя. Послѣ этого легко понять, что на публикѣ гораздо ярче отражается индивидуальный отпечатокъ ея создателя, нежели духъ національности, и что обратное справедливо относительно толпы. Точно такъ же не трудно понять, что публика одной и той же страны въ каждомъ изъ своихъ главнѣйшихъ развѣтвленій представляетъ въ очень короткій промежутокъ времени, если смѣняются ея предводители, и что, напримѣръ, современная социалистическая публика во Франціи ни въ чемъ не походитъ на социалистическую публику времени Прудона—въ то время какъ французскія толпы всякаго рода сохраняютъ сходную фیزیономію въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Можетъ-быть, возразятъ, что читатель какой-нибудь газеты располагаетъ гораздо больше своей умственной свобо-

дой, нежели индивидуумъ, затерянный въ толпѣ и увлекаемый ею. Онъ можетъ въ тишинѣ обдумать то, что онъ читаетъ, и несмотря на его привычную пассивность, ему случается перемѣнять газету до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ подходящую или такую, которую онъ считаетъ для себя подходящей. Съ другой стороны, журналистъ старается ему понравиться и удержать его. Статистика увеличенія и уменьшенія подписки является великолѣпнымъ термометромъ, съ которымъ часто справляются и который предупреждаетъ редактора относительно того, какихъ дѣйствій и мыслей слѣдуетъ держаться. Такого характера указаніе обусловило въ одномъ извѣстномъ дѣлѣ внезапный поворотъ одной большой газеты, и такое отреченіе не представляетъ собою исключенія. Итакъ, публика реагируетъ временами на журналиста, но этотъ послѣдній дѣйствуетъ на свою публику постоянно. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, читатель выбралъ себѣ газету, газета собрала себѣ читателей, произошелъ взаимный подборъ, отсюда—взаимное приспособленіе. Одинъ наложилъ свою руку по своему вкусу на газету, которая угождаетъ его предрасудкамъ и страстямъ, другая—на своего читателя, послушнаго и довѣрчиваго, которымъ она легко можетъ управлять при помощи нѣкоторыхъ уступокъ его вкусамъ—уступокъ, аналогичныхъ съ ораторскими предосторожностями древнихъ ораторовъ. Говорятъ, что нужно бояться человѣка одной книги; но что значить онъ въ сравненіи съ человѣкомъ одной газеты! А этотъ человѣкъ—въ сущности каждый или почти каждый изъ насъ. Вотъ гдѣ опасность новаго времени. Итакъ, не препятствуя публицисту имѣть на свою публику въ концѣ концовъ рѣшительное вліяніе, этотъ двойной подборъ, двойное приспособленіе, дѣлающее изъ пу-

¹ Мы скажутъ, что если всякій великій публицистъ создаетъ свою публику, то всякая сколько-нибудь значительная публика создаетъ себѣ своего публициста. Это послѣднее предположеніе гораздо менѣе

вѣрно, чѣмъ первое: мы знаемъ очень обширныя группы, которыя въ продолженіе многихъ лѣтъ не могли выдѣлится изъ своей среды писателя, способнаго помочь имъ оріентироваться. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время католическій міръ.

блики однородную группу, легко управляемую и хорошо извѣстную писателю, позволяет послѣднему дѣйствовать съ большей силой и увѣренностью. Толпа, вообще, гораздо менѣе однородна, нежели публика: она всегда увеличивается и укрѣпляется этой связью. Каждый изъ благодаря массѣ любопытныхъ, полусообщниковъ, которые, покупая то, что соотвѣтствуетъ его потребностямъ, немедленно увлекаются и ассимилируются, но тѣмъ не менѣе затрудняютъ общее руководство разнородными элементами

IV

Можно оспаривать эту относительную однородность поддѣляется такимъ образомъ симпатическимъ отношеніемъ, къ тѣмъ предлогомъ, что „мы никогда не читаемъ одной и той же книги“ точно такъ же какъ „никогда не купаемся въ одной рѣкѣ“. Но помимо спорнаго характера этого древняго парадокса, вѣрно ли; что мы никогда не читаемъ одной газеты. Могутъ подумать, что такъ какъ газета болѣе разнообразна, нежели книга, то вышеприведенное изреченіе къ ней приложимо еще въ большей степени, чѣмъ къ книгѣ. А между тѣмъ въ дѣйствительности каждая газета имѣетъ свой гвоздь и этотъ гвоздь, выдѣляясь все съ большей и большей рельефностью, привлекаетъ вниманіе всей массы читателей, за гипнотизированныхъ этой свѣтящейся точкой. Дѣйствительно, несмотря на пестроту статей, каждый листокъ имѣетъ свою видимую окраску, присущую ему, свою специальность, будь то порнографическая, диффаматорская, политическая или какая-либо другая, которой все остальное приносится въ жертву, и на которую публика такого листка набрасывается съ жадностью. Ловя публику на эту приманку, журналистъ по своему усмотрѣнію ведетъ ее куда ему угодно.

Еще одно соображеніе. Публика въ концѣ концовъ есть извѣстный родъ коммерческой *кlienтуры*, но родъ весьма своеобразный, стремящійся затмить всякій другой видъ *кlienтуры*. Уже одно то, что люди извѣстнаго круга покупаютъ продукты въ магазинахъ одного разряда, одѣваются у одной

той же модистки или портного, посѣщаютъ одинъ и тотъ же ресторанъ,—устанавливаетъ между ними извѣстную социальную связь и предполагаетъ между ними сродство, которое укрѣпляется и подчеркивается этой связью. Каждый изъ нихъ имѣетъ болѣе или менѣе смутное сознаніе, что этимъ самымъ онъ выражаетъ и изъясняетъ свое единство съ тѣмъ социальнымъ классомъ, который питается, одѣвается, удовлетворяетъ себя во всемъ почти аналогичнымъ образомъ. Экономическій фактъ, одинъ замѣченный экономистами, усложняется такимъ образомъ симпатическимъ отношеніемъ, которое заслуживало бы также ихъ вниманія. Они смотрятъ на покупателей одного продукта или одной работы, только какъ на соперниковъ, которые оспариваютъ другъ у друга предметъ своего желанія; но эти покупатели являются въ то же время людьми однородными, схожими между собой людьми, которые стремятся укрѣпить свое единство и выдѣлиться изъ толпы, что не похоже на нихъ самихъ. Ихъ желаніе питается желаніемъ другихъ и даже въ ихъ соревнованіи есть скрытая симпатія, заключающая въ себѣ потребность роста. Но какъ глубоко и интимнѣе та связь, которая возникаетъ между читателями, благодаря обычному чтенію одной и той же газеты! Здѣсь никому не придетъ въ голову говорить о конкуренціи, здѣсь есть только общность внушенныхъ идей и сознаніе этой общности — но не сознаніе этого внушенія, которое, несмотря на то, остается очевиднымъ.

Точно такъ же, какъ у всякаго поставщика есть два вида клиентовъ, покупатели постоянные и покупатели случайные, газетъ и журналовъ есть два сорта публики: публика постоянная, прочная, и публика случайная, непостоянная. Произвѣстія этихъ двухъ родовъ публики весьма неодинакова для различныхъ листковъ; у старинныхъ листковъ, органовъ старыхъ партій не числится, или числится очень мало, публики той категоріи, и я согласенъ, что здѣсь вліяніе публи-

циста особенно затруднено вслѣдствіе нетерпимости той сфѣры, куда онъ попалъ и откуда будетъ изгнанъ при обнаруженіи малѣйшаго разногласія. Но за то это вліяніе, раз оно достигнуто, становится продолжительнымъ и глубокимъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что публика постоянная и привязанная по традиціи къ одной газетѣ близка къ исчезновенію: она все болѣе и болѣе замѣняется болѣе непостоянной публикой, на которую вліяніе талантливаго журналиста если не такъ прочно, за то гораздо легче достижимо. Мы можемъ съ полнымъ правомъ пожалѣть о такой эволюціи журнализма, потому что постоянная публика создаетъ честныхъ и увѣжденных публицистовъ, тогда какъ измѣнчивая публика создаетъ публицистовъ легкомысленныхъ, измѣнчивыхъ и безъ принциповъ. Но, повидимому, эта эволюція теперь неизбежна: почти безповоротна, и мы видимъ все увеличивающіяся перемѣны въ поведеніи публики, которая она открываетъ передъ людьми пера. Можетъ-быть, она будетъ все болѣе болѣе подчинять посредственныхъ публицистовъ капризамъ ихъ публики, но она навѣрное подчиняетъ все болѣе и болѣе деспотизму великихъ публицистовъ ихъ порабощенную публику. Эти послѣдніе въ гораздо большей степени чѣмъ государственные люди, даже самые высшіе, творятъ мнѣніе и руководятъ міромъ. И когда они утвердятся, какъ пречень ихъ тронъ! Сравните столь быстрое изнашивание политическихъ дѣятелей, даже самыхъ популярныхъ, съ тѣмъ продолжительнымъ и неразрушимымъ царствованиемъ журналистовъ высокой пробы, которое напоминаетъ долговѣчность какого-нибудь Людовика XIV или вѣчный успѣхъ знаменитыхъ комиковъ и трагиковъ. Для этихъ самодержавныхъ властителей нѣтъ старости.

Вотъ почему такъ трудно создать опредѣленный законъ для прессы. Это все равно, что мы захотѣли бы регламентировать суверенитетъ великаго короля или Наполеона. Проступки, даже преступленія прессы почти ненаказуемы, какъ

или ненаказуемы проступки, совершенные на трибунѣ въ публичности и проступки на кафедрѣ въ средніе вѣка. Если бы были правы поклонники толпы, постоянно порождающіе, что историческая роль отдѣльныхъ индивидуальныхъ личностей обречена на то, чтобы уменьшаться все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ совершается демократическая эволюція общества, то слѣдовало бы особенно удивляться увеличенію значенія публицистовъ. Целью и вѣнцомъ жизни и дѣятельности публициста является день ото дня значеніе публицистовъ. Нельзя, однако, отрицать, что они въ критическихъ случаяхъ вѣдаютъ общественное мнѣніе: и если двое или трое изъ великихъ вождей политическихъ или литературныхъ группъ захотятъ соединиться во имя одной цѣли, то какъ трудно имъ будетъ это сделать. Если же они захотятъ действовать разрозненно, то какъ дурна она ни была, можно съ увѣренностью предсказать торжество. Замѣчательно то, что послѣдняя изъ образцовыхъ группировокъ, т. е. социальная группировка по разнымъ видамъ деятельности, даетъ выдающимся индивидуальнымъ характерамъ наибольшую возможность проявить себя, а оригинальнымъ индивидуальнымъ мнѣніямъ наибольшій просторъ для распространенія.

V

Итакъ, достаточно открыть глаза, чтобы замѣтить, что раздѣленіе общества на разнаго рода публику, раздѣленіе психологическаго характера, соответствующее различію рода состоянію умовъ, стремится, хотя не замѣнить, конечно, но заслонить собою все съ большей и большей очевидностью религіозное, экономическое, эстетическое экономическое и политическое подраздѣленіе общества на корпораціи, секты, ремесла, школы и партіи. Это не только раздѣленіе прежней толпы, аудиторій трибунъ и проповѣдниковъ, въ которыхъ господствуетъ или которыя увеличи-

чиваетъ соотвѣтствующая публика, парламентская или религиозная; нѣтъ такой секты, которая не желала бы имѣть свою собственную газету для того, чтобы окружить себя публикой, разсѣянной далеко внѣ ея, создать нѣчто въ родѣ атмосферической оболочки, въ которую публика была бы погружена, нѣчто въ родѣ коллективнаго сознанія, которое озаирало бы ее. И, конечно, это сознаніе нельзя назвать просто *эпифеноменомъ*, который самъ по себѣ недѣйствителенъ и бездѣятеленъ. Точно такъ же нѣтъ профессіи, большой или незначительной, которая не желала бы имѣть свою газету или свой журналъ, какъ въ средніе вѣка каждая корпорація имѣла своего священника, своего обычнаго проповѣдника, какъ въ древней Греціи каждый классъ имѣлъ своего довѣреннаго оратора. Развѣ первая забота каждой вновь основывающейся школы литературной или художественной не заключается въ томъ, чтобы завести свою собственную газету и развѣ она будетъ считать полнымъ свое существованіе безъ этого условія? Существуетъ ли такая партія или часть партіи, которая не поспѣшила бы шумно заявить себя въ какомъ-нибудь періодическомъ, ежедневномъ изданіи, при помощи котораго она надѣется распространиться, при помощи котораго она безъ сомнѣнія укрѣпляется, пока она не преобразуется, не сольется или не раздробится? Партія безъ газеты не производитъ ли на насъ впечатлѣнія безглаваго чудовища, хотя для всѣхъ партій древности, среднихъ вѣковъ, даже современной Европы до французской революціи эта воображаемая чудовищность была естественна?

Это преобразование всѣхъ группъ въ разные виды публики объясняется все возрастающей потребностью общности, которая дѣлаетъ необходимымъ правильное общеніе другъ съ другомъ членовъ ассоціаціи при помощи непрерывнаго теченія общихъ свѣдѣній и возбужденій. Это преобразование неизбѣжно. И нужно разсмотрѣть тѣ его послѣдствія, которыя по всѣмъ вѣроятіямъ отразятся или отразились на

удѣбѣ такимъ образомъ преобразованныхъ группъ въ смыслѣ ихъ долговѣчности, ихъ прочности, ихъ силы, ихъ борьбы или ихъ сліянія.

Въ смыслѣ долговѣчности и прочности старинныя группировки, конечно, ничего не выигрываютъ при той перемѣнѣ, о которой идетъ рѣчь. Пресса дѣлаетъ неустойчивымъ все, до чего она касается, что она оживляетъ, и самое священное, самое неизмѣнное на видъ установленіе, лишь только оно подчинится общей господствующей модѣ на публичность обнаруживаетъ тотчасъ же явные признаки внутреннихъ перемѣнъ, тщетно скрываемыхъ. Чтобы удостовѣриться въ этой силѣ въ одно и то же время разрушительной и возрождающей, которая присуща газетѣ, достаточно только сравнить политическія партіи, существовавшія до журнализма, съ современными политическими партіями. Не были ли онѣ прежде менѣе страстны и болѣе долговѣчны, менѣе живы и болѣе упорны, менѣе податливы на попытки къ обновленію или раздробленію? Въмѣсто торіевъ и виговъ, этой вѣковой антитезы, такой рѣзкой и устойчивой, что существуетъ въ Англіи въ наши дни? Не было ничего рѣдкостнѣе въ старой Франціи, какъ появленіе новой партіи; въ наше время партіи находятся въ состояніи безпрестанныхъ измѣненій, самопроизвольнаго зарожденія и возрожденія. Все меньше меньше беспокоятся или заботятся объ ихъ ярлыкахъ, потому что всѣмъ хорошо извѣстно, что если онѣ достигнутъ власти, это произойдетъ только вмѣстѣ съ радикальной ихъ перемѣной. Недалеко то время, когда отъ прежнихъ наслѣдственныхъ и традиціонныхъ партій останется одно только воспоминаніе.

Относительная сила прежнихъ соціальныхъ агрегатовъ также сильно видоизмѣняется благодаря вмѣшательству прессы. Прежде всего замѣтимъ, что она чрезвычайно мало благоприятствуетъ преобладанію профессиональных классовыхъ подраздѣленій. Профессиональная пресса, посвященная ре-

меленнымъ интересамъ, судебнымъ, промышленнымъ, земледѣльческимъ, имѣетъ наименьшее количество читателей, она наименѣе интересна, наименѣе возбуждаетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда подъ видомъ работы дѣло идетъ о стачкѣ и о политикѣ. Но пресса явно предпочитаетъ и выдѣляетъ социальное раздѣленіе на группы по теоретическимъ идеямъ, идеальнымъ стремленіямъ и чувствамъ. Она выражаетъ—къ чести для себя—интересы не иначе, какъ облекая ихъ въ теории и возвышая страстями; даже придавая имъ страстный характеръ, она одухотворяетъ и идеализируетъ ихъ; и это преображеніе, хотя иногда и опасное, въ общемъ все-таки удачно. Пусть идеи и страсти всплываютъ, сталкиваясь другъ съ другомъ, они все же болѣе примиримы чѣмъ интересы.

Религіозныя или политическія партіи являются социальными группами, на которыя газета производитъ наиболѣе сильное дѣйствіе и которыя она выдвигаетъ на первый планъ. Мобилизованныя въ публику партіи разстраиваются, вновь формируются; преобразовываются съ такой быстротой, которая поразила бы нашихъ предковъ. И нужно согласиться, что ихъ мобилизація и ихъ взаимная спутанность мало совмѣстимы съ регулярной дѣятельностью парламентаризма на англійскій ладъ; это — небольшое несчастье, но оно способно глубоко измѣнять парламентскій режимъ. Партіи въ наше время то поглощаются и уничтожаются въ нѣсколько лѣтъ, то онѣ размножаются въ неслыханныхъ размѣрахъ. Онѣ приобрѣтаютъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ огромную, хотя скоропреходящую силу. Онѣ принимаютъ двѣ черты, которыхъ въ нихъ еще не знали: онѣ становятся способными проникать одна въ другую и дѣлаться интернаціональными. Онѣ легко проникаютъ одна въ другую, потому что, какъ мы сказали выше, каждый изъ насъ принадлежитъ или можетъ принадлежать къ публикѣ нѣсколькихъ видовъ одновременно. Онѣ становятся интернаціональными, потому что крыла-

тое слово газеты безъ труда перелетаетъ тѣ границы, которыя въ былыя времена никогда не могъ перелетѣть голосъ знаменитѣйшаго оратора, лидера партіи¹. Пресса дала парламентскому и клубскому краснорѣчію свои собственныя крылья и носить его по всему свѣту. Если эта интернаціональная широта партій, преобразованныхъ въ публику, дѣлаетъ ихъ вражду болѣе опасной, зато ихъ взаимная проницаемость и неопредѣленность ихъ границъ облегчаетъ ихъ союзы, даже безнравственные, и позволяетъ надѣяться на конечное мирное соглашеніе. Слѣдовательно, преобразование партій въ публику, повидимому, мѣшаетъ скорѣе ихъ длительности, нежели согласію, ихъ отдыху, нежели миру, и социальное движеніе, произведенное этимъ преобразованиемъ, приготовляетъ скорѣе пути къ социальному единству. Это настолько справедливо, что, несмотря на обиліе и разнородность видовъ публики, существующихъ одновременно и перемѣняемыхъ между собою въ обществѣ, онѣ всѣ вмѣстѣ какъ бы составляютъ одну общую публику благодаря ихъ частичному согласію относительно нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ; это есть то, что называется мнѣніемъ, политическое значеніе котораго все возрастаетъ. Въ извѣстные критическіе моменты въ жизни народовъ, когда обнаруживается національная опасность, это сліяніе о которомъ я говорю, прямо поразительно и почти полно; и тогда мы видимъ какъ нація, социальная группа *par excellence*, преобразовывается, какъ и всѣ другія, въ одну огромную связку лихорадочно настроенныхъ читателей, съ жадностью поглощающихъ депеши. Во время войны какъ будто не существуетъ ни классовъ, ни ремеслъ,

¹ Публика нѣкоторыхъ большихъ газетъ, какъ «Times», «Figaro» и нѣкоторыхъ большихъ журналовъ, разсыяна по всему свѣту. *Виды публики*—религіозный, научный, экономическій, эстетическій *постоянно* по существу своему интернаціональны; *толпы* религіозныя, научныя и т. д., только изрѣдка бываютъ интернаціональными подъ видомъ конгрессовъ. Да и конгрессы могли стать интернаціональными только потому, что на этомъ пути имъ предшествовала соответствующая публика.

ни синдикатовъ, ни партій, ни одной изъ социальныхъ группировокъ Франціи, кромѣ французской арміи и „французской публики“.

Изъ всѣхъ социальныхъ агрегатовъ въ наиболѣе тѣсномъ отношеніи съ публикой находится толпа. Хотя публика часто и представляетъ собой только увеличенную и разсѣянную аудиторию, все же мы видѣли, что между нею и толпой существуютъ многочисленныя и характерныя различія, которыя доходятъ даже до того, что устанавливають нѣчто въ родѣ обратнаго отношенія между прогрессомъ толпы и прогрессомъ публики. Правда, возбужденная публика порождаетъ мятежныя сборища на улицахъ; и какъ одна и та же публика можетъ быть распространена на обширной территоріи, такъ же точно возможно, что порожденныя ею шумныя массы соберутся сразу въ нѣсколькихъ городахъ, будутъ кричать, грабить, убивать. Такъ и случалось¹. Но чтобы всѣ толпы слились, если не существуетъ публики, этого не случается. Предположимъ, что уничтожены всѣ газеты и вмѣстѣ съ ними ихъ публика, развѣ населеніе не обнаружило бы гораздо болѣе сильное, нежели теперь, стремленіе группироваться въ болѣе многочисленныя и тѣсныя аудиторіи вокругъ профессорскихъ, даже проповѣдническихъ кафедръ, наполнять публичныя мѣста, кафе, клубы, салоны, читальни, не говоря уже о театрахъ, и вести себя повсюду гораздо болѣе шумно?

Мы забываемъ обо всѣхъ этихъ преніяхъ въ кафе, въ салонахъ, въ клубахъ, отъ которыхъ насъ гарантируетъ полемика въ прессѣ, противоядіе относительно безобидное. Дѣй-

¹ Можно даже сказать, что каждая публика обрисовывается природой той толпы, которую она порождаетъ. Религіозная публика обрисовывается паломничествами въ Лурдъ, свѣтская публика поѣздками въ Лоншанъ, балами, празднествами, публика литературная—театральными аудиторіями, приемами во французской академіи, публика промышленная—своими стачками, публика политическая—своими избирательными союзами, своими палатами депутатовъ, публика революціонная своими бунтами и баррикадами...

вительно, въ публичныхъ собраніяхъ число слушателей, вообще, идетъ на убыль или, по крайней мѣрѣ, не возрастаетъ, и наши ораторы даже самые популярныя, далеки отъ интизаній на успѣхъ Абеляра, который увлекалъ за собою двадцать тысячъ учениковъ до самой глубины печальной долины Параклета. Даже когда слушатели такъ же многочисленны, они не такъ внимательны, какъ это было до книгопечатанія, когда послѣдствія невниманія были неисправимы.

Въ амфитеатрахъ нашего университета, въ настоящее время пустыхъ на три четверти, не видно больше прежняго теченія слушателей и прежняго вниманія. Большинство изъ нихъ, которые прежде съ страстнымъ любопытствомъ выслушали бы какую-нибудь рѣчь, говорятъ теперь: „Я это прочту въ своей газетѣ“... И такимъ образомъ мало по-малу публика вырастаетъ, а толпа уменьшается, что еще быстраѣе уменьшаетъ ея значеніе.

Куда дѣвались времена, когда святое краснорѣчіе апостола, въ родѣ Коломбана или Патрика, побѣждало цѣлыя народы, прикованные къ ихъ устами? Теперь великія обращенія массъ совершаются журналистами.

Итакъ, какова бы ни была природа тѣхъ группъ, на которыя дробится общество, имѣютъ ли онѣ характеръ религиозный, экономическій, политическій, даже національный, публика въ нѣкоторомъ родѣ представляетъ собою ихъ окончательное состояніе, ихъ, такъ сказать, общій знаменатель; все возвращается къ этой чисто-психологической группѣ состоянія умовъ, способной на непрерывныя измѣненія. И замѣтательно, что профессиональный агрегатъ, основанный на взаимной эксплуатаціи и взаимномъ приспособленіи желаній и интересовъ наиболѣе захваченъ этимъ цивилизующимъ преобразованиемъ. Несмотря на все различіе, которое мы отмѣтили, толпа и публика, эти два крайніе полюса социальной эволюціи¹, имѣютъ слѣдующее сходство: связь различныхъ

¹ Семья и орда являются двумя точками отпавленія этой эволю-

индивидуумовъ, входящихъ въ ихъ составъ, заключается въ томъ, чтобы они *гармонизировались* другъ съ другомъ своими особенностями, своими спеціальными взаимно полезными качествами, но въ томъ, чтобы взаимно отражаться другъ на друга, слиться своими природными или приобрѣтенными сходными чертами въ простой и могущественный *униссонъ* (широковали ихъ. Второй изображаетъ намъ поведеніе женщинъ, насколько съ болѣею силой въ публикѣ, нежели въ толпѣ!)—вступитъ въ общеніе идей и страстей, которое, однако, даетъ полный просторъ ихъ индивидуальнымъ различіямъ.

VI

Показавъ зарождеіе и ростъ публики, отмѣтивъ ея характерныя черты, сходныя или несходныя съ характерными чертами толпы, и выяснивъ ея генеалогическія отношенія къ различнымъ социальнымъ группамъ, постараемся сдѣлать классификацію ея разновидностей по сравненію съ разновидностями толпы.

Можно классифицировать публику, какъ и толпу, съ всею ма различныхъ точекъ зрѣнія; въ отношеніи пола есть публика мужская и женская, точно такъ же, какъ существуетъ мужская и женская толпа. Но женская публика, состоящая изъ читательницъ модныхъ романовъ и стиховъ, модныхъ газетъ, феминистскихъ журналовъ и т. п. отнюдь не похожа на толпу того же пола. Она имѣетъ совершенно другое общественное значеніе и по своему характеру болѣе безобидна. Я не говорю о женскихъ аудиторіяхъ въ церкви, но когда онѣ случайно собираются на улицахъ, онѣ всегда ужасаются необыкновенной силой своей экзальтаціи и кровожадности. Слѣдуетъ перечитать Янсена и Тэна по этому вопросу. Первый разсказываетъ намъ о нѣкоей Гофманъ, мужеподобной цѣи. Но орда, эта грубая шайка грабителей, представляетъ собою только толпу въ движеніи.

рѣдкѣ, которая въ 1529 году предводительствовала шайкой крестьянъ и крестьянокъ, возставшихъ вслѣдствіе лютеванской проповѣди. „Она вся дышала пожарами, грабежами и убійствами“ и произносила заклинанія, которыя должны были сдѣлать неуязвимыми ея бандитовъ и которыя фанатично проповѣдали ихъ. Второй изображаетъ намъ поведеніе женщинъ, даже молодыхъ и красивыхъ, 5-го и 6-го октября 1789 года. Онѣ только и говорятъ о томъ, чтобы разорвать на части, четвертовать королеву, „съѣсть ея сердце“, сдѣлать кокары изъ ея драгоценностей; у нихъ являются только каннибальскія идеи, которыя онѣ, повидимому, осуществляютъ. Значитъ ли это, что женщины, несмотря на ихъ кажущуюся кротость таятъ въ себѣ дикіе инстинкты, смертоносныя наклонности, пробуждающіяся при ихъ соединеніи въ толпу? Нѣтъ, ясно, что при соединеніи женщинъ въ толпу происходитъ подборъ всего, что есть въ женщинахъ наиболѣе наглаго, наиболѣе смѣлаго, я сказалъ бы наиболѣе мужского. *Corruptio optimi pessima*. Конечно, для того, чтобы читать газету даже жестокую и наглую, не нужно столько наглости и распущенности, и отсюда, безъ сомнѣнія, лучшій составъ женской публики, носящей вообще болѣе эстетическій, нежели политическій характеръ.

Въ смыслѣ возраста, толпы молодежи—мономы или мятежныя скопища студентовъ или парижскихъ гаменовъ—имѣютъ гораздо болѣе значеніе, нежели юношеская публика, даже литературная, которая никогда не имѣла серьезнаго вліянія. Наоборотъ, старческая публика ведетъ всѣ дѣла тамъ, гдѣ старческія толпы не принимаютъ никакого участія. При помощи этой незамѣтной *геронтократіи* устанавливается спасительный противовѣсъ *эфебокраціи* избирательныхъ толпъ, гдѣ преобладаетъ молодой элементъ не успѣвшій еще пресытиться избирательнымъ правомъ... Впрочемъ, старческія толпы необыкновенно рѣдки. Можно было бы назвать нѣкоторые шумные соборы старыхъ патріарховъ въ первыя времена

Церкви, или нѣкоторыя бурныя засѣданія древняго и современнаго Сената, какъ примѣры несдержности, до которыхъ собравшіеся старцы могутъ увлечься, какъ примѣры коллективнаго молодого задора, который имъ случается обнаружить, когда они соберутся вмѣстѣ. Повидимому, стремленіе собираться въ толпу идетъ, все возрастая отъ дѣтскаго возраста до полнаго расцвѣта молодости, а потомъ все уменьшаясь отъ этого возраста до старости. Не такъ дѣло обстоитъ съ наклонностью соединяться въ корпораціи, которая только зарождается въ первой молодости и все усиливается до зрѣлаго возраста и даже до старости.

Толпы можно различать по времени, сезону, широтѣ... Мы уже сказали, почему это различіе неприменимо къ публикѣ. Вліяніе физическихъ силъ на образованіе и развитіе публики сводится почти къ нулю, тогда какъ оно всецѣлостью надъ зарожденіемъ и поведеніемъ толпы. Солнце является однимъ изъ главныхъ элементовъ, разжигающихъ толпу; лѣтнія толпы имѣютъ гораздо болѣе горячій характеръ, нежели зимнія. Можетъ быть, если бы Карлъ X подождалъ декабря или января для опубликованія своихъ пресловутыхъ ордонансовъ, результатъ былъ бы совсѣмъ другой. — Но вліяніе расы, разумѣя подъ этимъ словомъ національность, имѣетъ не меньшее значеніе для публики, чѣмъ для толпы, и на складъ характера французской публики сильно сказывается *furia francese*.

Несмотря на все это, самое важное различіе, которое мы должны сдѣлать между различными видами публики, какъ и между различными видами толпы это то, которое вытекаетъ изъ самаго существа ихъ *цѣли* или ихъ *цѣль*. Люди, идущіе по улицѣ, каждый по своимъ дѣламъ, крестьяне, собравшіеся на ярмарочную площадь, гуляющіе могутъ образовывать очень тѣсное скопище, но это будетъ только простая сутолока до того момента, пока общая вѣра, или общая цѣль взволнуетъ ихъ или сдвинетъ ихъ вмѣстѣ. Какъ только новое зрѣлище

привлечетъ ихъ взгляды и ихъ умы, какъ только непредвидѣнная опасность или внезапное негодование направить ихъ сердце къ одному и тому же желанію, они начинаютъ поспѣшно соединяться, и эта первая ступень социальнаго агрегата и есть толпа. — Точно такъ же можно сказать: читатели, даже постоянные, какой-нибудь газеты, пока они читаютъ только объявленія и практическія свѣдѣнія, относящіяся къ ихъ частнымъ дѣламъ, не составляютъ публики; и если бы я могъ думать, какъ иногда предполагаютъ, что газетѣ объявленій суждено увеличиваться въ ущербъ газетѣ-трибунѣ, то я успѣшилъ бы уничтожить все, что выше написано мною относительно социальныхъ преобразованій, произведенныхъ журнализмомъ. Но ничего подобнаго не существуетъ, даже въ Америкѣ¹. Такимъ образомъ, только съ того момента когда читатели одной и той же газеты начинаютъ увлекаться идеей или страстью проникающей ее, они дѣйствительно составляютъ публику.

Итакъ, мы должны классифицировать толпы точно такъ же, какъ и публику прежде всего по характеру цѣли или вѣры, которая ихъ одушевляетъ. Но прежде всего раздѣлимъ ихъ пообразно съ тѣмъ, что беретъ въ нихъ перевѣсъ, вѣра и идея, или же цѣль, желаніе. Есть толпы вѣрующія и толпы активно желающія, публика вѣрующая и публика активно

¹ Въ своемъ прекрасномъ трудѣ о *Принципахъ Соціологіи* американецъ Гиддингсъ между прочимъ говоритъ о той огромной роли, которую сыграли газеты въ войнѣ изъ-за отпаденія Южныхъ штатовъ, и по этому поводу онъ опровергаетъ ходячее мнѣніе, которое гласитъ, что „пресса можетъ впредь топить всякое индивидуальное вліяніе ежедневнымъ наводненіемъ безличныхъ мнѣній...“ Пресса, говоритъ онъ, „производила свой максимумъ вліянія на общественное мнѣніе, когда она говорила голосомъ какой-нибудь выдающейся личности вроде Гаррисона или Грилея. Болѣе того, публика не отдастъ себя хорошенько отчета въ томъ, что *идейный человекъ* неизвѣстный большой публикѣ, хорошо извѣстенъ въ газетныхъ бюро своимъ товарищамъ и отпечатываетъ свою индивидуальность на ихъ мысли и произведеніяхъ“.

желающая; или скорѣй — такъ какъ у людей, собравшихся вмѣстѣ или даже соединенныхъ издали, всякая мысль и желаніе быстро достигаетъ высшаго напряженія — есть толпа или публика убѣжденная, фанатическая, и толпа или публика страстная, деспотическая. Остается только выбирать между этими двумя категоріями. Мы должны, однако, согласиться, что публика менѣе склонна къ утрировкѣ, нежели толпа: она менѣе деспотична и менѣе догматична, но ея деспотизмъ или догматизмъ хотя и не выраженъ въ такой острой формѣ, зато гораздо прочнѣе и постояннѣе деспотизма или догматизма толпы.

Вѣрующая или активно желающая толпа опять-таки различается по природѣ той корпораціи или секты, къ которой она примыкаетъ, и это различіе примѣнимо также къ публикѣ, которая, какъ мы знаемъ, всегда ведетъ свое начало отъ организованныхъ социальныхъ группъ, представляющихъ собою ихъ неорганическое преобразование ¹. Но займемся теперь временемъ одними только толпами. Толпу, эту аморфную группу, съ виду зарождающуюся самопроизвольно, въ дѣйствительности всегда порождаетъ какое-нибудь социальное тѣло, въ членѣ которыхъ члены котораго служатъ ей ферментомъ и даютъ ей свою окраску ². Такимъ образомъ не будемъ смѣшивать состоящую изъ родственниковъ средневѣковыя сельскія толпы, собиравшіяся около сюзереновъ и служившія ихъ страстямъ, съ средневѣковыми же толпами изувѣровъ, собранныхъ проповѣдями монаховъ и громко исповѣдывавшихъ свою вѣру на большихъ дорогахъ. Мы не спутаемъ толпы богомольцевъ, движущихъ процессіями въ Лурдѣ подъ предводительствомъ духовенства съ революціонными и неистовыми толпами, поднятыми какимъ-нибудь якобинцемъ, или съ жалкими и голодными толпами стачечниковъ, ведомыхъ синдикатомъ. Сельскія толпы приводятся въ движеніе съ большимъ трудомъ, но разъ уже вынувшись, онѣ гораздо болѣе страшны; ни одинъ бунтъ въ Парижѣ не можетъ сравниться по своимъ опустошительнымъ дѣйствіямъ съ жакеріей. Религіозныя толпы безвреднѣе всѣхъ; онѣ становятся способны на преступленіе только тогда, когда толкованіе съ толпой диссидентовъ и враждебныхъ манифестантовъ оскорбляетъ ихъ нетерпимость, не превосходящую, но равную только нетерпимости всякой другой толпы. Индивидуумы могутъ быть либеральны и терпимы каждый въ отдѣльности, но соединенные вмѣстѣ они становятся властными и тираническими. Это зависитъ оттого, что вѣрованія возбуждаются при взаимномъ столкновеніи и нѣтъ такого сильнаго убѣжденія, которое переносило бы противорѣчіе. Этимъ, на примѣръ, объясняется рѣзня аріанъ католиками и католиковъ аріанами, которая въ IV вѣкѣ наводняла кровью улицы Александріи. — Толпы политическія, по большей части городскія, бываютъ наиболѣе страстны и наиболѣе яростны, но, по счастью, онѣ измѣнчивы и переходятъ съ необыкновенной легкостью отъ ненависти къ обожанію, отъ взрыва ярости къ взрыву веселости. — Экономическія, промышленныя толпы, такъ же какъ сельскія, гораздо однороднѣе другихъ, онѣ гораздо единопутнѣе и упорнѣе въ своихъ требованіяхъ, болѣе массивны и сильны, но при высшемъ напряженіи своей ярости скорѣе склонны къ матеріальнымъ разрушеніямъ, нежели къ убійству.

¹ Новое доказательство того, что связь органическая и связь социальная совершенно различны между собой и что прогрессъ послѣдней отнюдь не требуетъ прогресса первой.

² Это справедливо даже тогда, когда она, какъ я сказалъ выше, является какъ бы новообразованиемъ на публикѣ, такъ какъ сама публика есть преобразование организованной социальной группы, партіи, секты, корпораціи.

Толпы эстетическія — которыя вмѣстѣ съ толпами религіозными онѣ могутъ быть отнесены къ разряду вѣрующихъ — не знаю почему, находились въ пренебреженіи. Я называю такъ тѣ толпы, которыя собираетъ какая-нибудь старая или новая литературная или художественная школа во имя или

противъ какого-либо произведенія, драматическаго, напримѣръ музыкальнаго. Это можетъ быть самая нетерпимость толпы именно вслѣдствіе произвольности и субъективности провозглашаемыхъ ими сужденій, основанныхъ на вкусѣ. Они испытываютъ желаніе видѣть распространеніе своего энтузіазма по отношенію къ тому или другому художнику, къ Виктору Гюго, къ Вагнеру, къ Зола, или, наоборотъ, своего отвращенія къ Зола, къ Вагнеру, къ Виктору Гюго, съ тѣмъ большей настоятельностью, что это распространеніе эстетической вѣры является почти единственнымъ ея оправданіемъ. Точно такъ же, когда онѣ сталкиваются съ противниками, тоже образовавшими толпу, можетъ случиться, что ихъ гнѣвъ кончится кровопролитіемъ. Развѣ не текла кровь въ XVI вѣкѣ во время борьбы сторонниковъ и противниковъ итальянской музыки?

Но какъ ни разнятся толпы другъ отъ друга по своему происхожденію и по всѣмъ своимъ другимъ свойствамъ, нѣкоторые черты онѣ всѣ похожи другъ на друга, эти черты—чудовищная нетерпимость, забавная гордость, болѣзненная воспріимчивость, доводящее до безумія чувство безнаказанности, рожденное иллюзіей своего всемогущества и совершенная утрата чувства мѣры, зависящая отъ возбужденія доведеннаго до крайности взаимнымъ разжиганіемъ. Для толпы нѣтъ середины между отвращеніемъ и обожаніемъ, между ужасомъ и энтузіазмомъ, между криками *да здравствуетъ!* и *смерть!* *Да здравствуетъ*, это значитъ, *да здравствуетъ на вѣки*. Въ этомъ крикѣ звучитъ пожеланіе божественнаго безсмертія, это начало апофеоза. И достаточно мелочи, чтобы обожествленіе превратилось въ вѣчное проклятіе.

И мнѣ кажется, многія изъ этихъ различій и понятій могутъ быть приложимы и къ разнаго рода публикѣ съ тѣмъ, однако, что отмѣченные черты здѣсь выступаютъ не такъ резко. Публика такъ же, какъ и толпа, бываетъ нетерпима, горда, пристрастна самонадѣянна и подъ именемъ *мнѣнія*

она разумѣетъ, чтобы все ей покорялось, даже правда,—или она ей противорѣчитъ. Не замѣтно ли также, что по мѣрѣ того, какъ групповый духъ, духъ публики, если не толпы, развивается въ нашихъ современныхъ обществахъ вслѣдствіе ускоренія умственного обмѣна, чувство мѣры исчезаетъ въ нихъ все больше и больше. Тамъ превозносятся и унижаются съ одинаковой стремительностью и людей и произведенія. Сами литературные критики, дѣлая изъ себя послушное эхо такихъ склонностей своихъ читателей, почти не могутъ больше ни отгнѣнить, ни соразмѣрить своихъ оцѣнокъ: они тоже или превозносятся, или *оплевываютъ*. Какъ мы уже далеки отъ ясныхъ сужденій какого-нибудь Сентъ-Бева! Въ этомъ смыслѣ публика какъ и толпа напоминаетъ отчасти алкоголика. И въ дѣйствительности сильно развитая коллективная жизнь является для мозга страшнымъ алкоголемъ.

Но публика разнится отъ толпы тѣмъ, что каково бы ни было ея происхожденіе, пропорція идейной и вѣрующей публики сильно преобладаетъ надъ публикой страстной и дѣйствующей, между тѣмъ, какъ вѣрующія и идеалистическія толпы ничто въ сравненіи съ толпами охваченными страстью, все сокрушающими. Не только публика религіозная или эстетическая, первая порожденіе церкви, вторая—художественныхъ школъ соединена общимъ *credo* или идеаломъ, но также и публика научная, публика философская въ ея многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ, и даже публика экономическая, которая, выражая требованія желудка, идеализируетъ ихъ.... Такимъ образомъ благодаря превращенію всѣхъ социальныхъ группъ въ разные виды публики, міръ идетъ по пути интеллектуализаціи. Что же касается активныхъ видовъ публики, то можно было бы подумать, что они, собственно говоря, совсѣмъ не существуютъ, если бы не было извѣстно, что рожденные отъ политическихъ партій, они отдають государственнымъ людямъ свои приказанія, внушенныя какими-нибудь публицистами... Сверхъ того, такъ какъ дѣйствіе публики болѣе

разумно и болѣе осмысленно, то оно можетъ быть и бываетъ часто болѣе плодотворно, нежели дѣйствіе толпы ¹.

VII

Это легко можно доказать. Что бы ни составляло главную причину ея образованія, общность ли вѣрованій или желаній, толпа можетъ существовать въ четырехъ видахъ, которые показываютъ различную степень ея пассивности или активности. Бываетъ толпа *ожидающая, внимающая, манифестантская* или *дѣйствующая*. Публика представляетъ собою тѣ же разновидности.

Толпы ожидающія, это тѣ, которыя, собравшись въ театрѣ передъ поднятіемъ занавѣса или вокругъ гильотины передъ прибытіемъ осужденнаго, ожидаютъ, чтобы занавѣсъ поднялся или чтобы осужденный прибылъ; или же тѣ, которыя, прибѣжавъ навстрѣчу королю, царственному гостю или поѣзду, который долженъ привезти популярнаго человѣка, трибуна или побѣдоноснаго генерала, ожидаютъ царственнаго кортежа или прибытія поѣзда. Коллективное любопытство въ этихъ толпахъ достигаетъ неслыханныхъ размѣровъ безъ малѣйшаго отношенія къ предмету этого любопытства иногда совершенно

¹ Отмѣтимъ другое различіе. Публика заявляетъ о своемъ существованіи подъ видомъ полемики въ прессѣ, и тогда мы присутствуемъ при борьбѣ двухъ группъ публики, которая такъ часто сводится къ поединку ихъ публицистовъ. Но чрезвычайно рѣдко случается, чтобы двѣ толпы вступили въ бой, какъ, по словамъ Ларрума, бываетъ иногда въ Иерусалимѣ во время процессій. Толпа любитъ итти одна развѣртывая свою силу и всей ея тяжестью налечь на побѣжденнаго, безъ боя. Иногда, правда, случаются схватки между регулярнымъ войскомъ и толпой, которая разбѣгается, если она слабѣе его и осиливаетъ его и рѣжетъ, если она сильнѣе. Точно также въ парламентѣ мы видимъ не двѣ, а одну двухголовую толпу, раздѣлившуюся между двумя партіями, которыя сражаются словесно или же кулаками, какъ въ Вѣнѣ... и даже въ Парижѣ.

незначительному. Это любопытство въ толпѣ гораздо болѣе сильно и преувеличено, нежели въ ожидающей публикѣ, гдѣ оно поднимается, однако, очень высоко, когда миллионы читателей, возбужденныхъ сенсационнымъ дѣломъ, находятся въ ожиданіи вердикта или приговора или просто какой-нибудь новости. Самый нелюбопытный, самый серьезный человѣкъ, если ему случится попасть въ такую лихорадочно настроенную толпу, спрашиваетъ себя, что удерживаетъ его тутъ, не смотря на неотложныя занятія, какую странную необходимость онъ чувствуетъ сейчасъ, какъ и всѣ вокругъ него, видѣть, какъ пройдетъ экипажъ императора или вороной конь генерала. Вообще нужно замѣтить, что ожидающія толпы гораздо болѣе терпѣливы, чѣмъ отдѣльные индивидуумы въ подобномъ же состояніи. Во время франко-русскихъ празднествъ огромныя толпы парижанъ неподвижно простаивали по три, по четыре часа, плотно стиснутыя, безъ малѣйшаго признака неудовольствія, вдоль пути, по которому долженъ былъ прослѣдовать царскій кортежъ. Время отъ времени какой-нибудь экипажъ былъ принимаемъ за начало кортежа, но какъ только ошибка обнаруживалась — всѣ снова принимались ждать, и ни разу, повидимому, эти заблужденія и ошибки не могли произвести своего обыкновеннаго дѣйствія — раздраженія. Извѣстно также, какъ много времени проводятъ подъ дождемъ и даже ночью толпы любопытныхъ въ ожиданіи большого военнаго смотра. Наоборотъ, часто бываетъ въ театрѣ, что та же самая публика, которая спокойно покорила незаконному за позданію, вдругъ раздражается и не желаетъ больше терпѣть отсрочки ни на одну минуту. Почему толпа бываетъ всегда болѣе терпѣлива или болѣе нетерпѣлива, нежели отдѣльный индивидуумъ? Въ обоихъ случаяхъ это объясняется одной и той же психологической причиной, — взаимнымъ зараженіемъ чувствами собравшихся индивидуумовъ. Пока въ собраніи не раздалось какого-либо проявленія нетерпѣнія, топота, крика, стука тростями, — а ничего подобнаго, естественно, не слу-

чается, когда это ни къ чему не можетъ послужить, напр., передъ казнью или смотромъ, — каждый находится подъ впечатлѣніемъ веселаго или покорнаго вида своихъ сосѣдей и безсознательно рефлектируетъ ихъ веселость или покорность. Но если кто-нибудь, — когда это можетъ сократить запозданіе, въ театрѣ напр., — начнетъ проявлять нетерпѣніе, ему мало-по-малу всѣ начинаютъ подражать, и нетерпѣніе каждаго въ отдѣльности удваивается нетерпѣніемъ другихъ. Индивидуумы въ толпѣ вдругъ достигаютъ высшей степени взаимнаго моральнаго притяженія и взаимнаго физическаго отталкиванія (антитеза, не существующій для публики). Они толкаютъ другъ друга локтями, но въ то же самое время они видимо желаютъ выразить только согласіе съ чувствами сосѣдей, и въ разговорахъ, которые иногда возникаютъ между ними, они стараются понравиться другъ другу безъ различія положеній и классовъ.

Толпы внимательныя это тѣ, которыя тѣсно толпятся около каеэды проповѣдника или профессора, около трибуны, эстрады, или передъ сценой, гдѣ разыгрывается патетическая драма. Ихъ вниманіе, точно такъ же какъ и ихъ невниманіе проявляются всегда гораздо сильнѣе и настойчивѣе, нежели проявлялось бы вниманіе или невниманіе каждаго входящаго въ ихъ составъ отдѣльнаго индивидуума, если бы онъ былъ одинъ. По поводу толпы, о которой идетъ рѣчь, одинъ профессоръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, показавшееся мнѣ справедливымъ. „Аудиторія изъ молодыхъ людей, — сказалъ онъ мнѣ, — на юридическомъ или на какомъ-либо другомъ факультетѣ, всегда внимательна и почтительна, если она не многочисленна; но если вмѣсто двадцати или тридцати ихъ соберется цѣлая сотня, двѣ-три сотни, они часто перестаютъ уважать и слушать своего профессора, и тогда очень часто поднимается шумъ. Раздѣлите на четыре группы, по двадцати пяти чело-вѣкъ въ каждой, сотню непочтительныхъ и буйныхъ студентовъ, и вы получите четыре аудиторіи, полныя вниманія и

почтенія“. — Это значить, что горделивое чувство ихъ многочисленности опьяняетъ собравшихся людей и заставляетъ ихъ презирать одиноко стоящаго чело-вѣка, который говорить имъ, если только ему не удастся ослѣпить и „очаровать“ ихъ. Но нужно прибавить, что если очень многочисленная аудиторія отдалась во власть оратора, она бываетъ тѣмъ почтительнѣе и внимательнѣе, чѣмъ она обширнѣе.

Еще замѣчаніе. Въ толпѣ, заинтересованной какимъ-нибудь зрѣлищемъ или рѣчью, только небольшое количество зрителей или слушателей видитъ и слышитъ очень хорошо, многіе видятъ и слышатъ только наполовину или же совершенно ничего не видятъ и не слышатъ; и между тѣмъ, какъ бы плохо они ни помѣстились, какъ бы дорого ни стоило ихъ мѣсто, они бываютъ удовлетворены и не жалѣютъ ни своего времени, ни денегъ. Напр., эти люди два часа ожидали прибытія царя, который, наконецъ, проѣхалъ. Но, стиснутые позади нѣсколькихъ рядовъ людей, они ничего не видали; все ихъ удовольствіе состояло въ томъ, что они могли слышать шумъ экипажей, болѣе или менѣе выразительный, болѣе или менѣе обманчивый. И, однако, возвратившись домой, они описывали это зрѣлище весьма добросовѣстно, какъ будто они сами были его очевидцами, потому что, въ дѣйствительности, они видѣли его глазами другихъ. Они очень были бы удивлены, еслибы имъ сказали, что провинціалъ, который за двѣсти миль отъ Парижа глядѣлъ въ своей иллюстрированной газетѣ на моментальную фотографію съ царскаго поѣзда, былъ въ большей степени очевидцемъ, чѣмъ они. Почему же они убѣждены въ противномъ? Потому что, въ сущности говоря правду, въ такихъ случаяхъ сама толпа, собственно, служить зрѣлищемъ для себя самой. Толпа привлекается и поражаетъ толпу.

Между толпами болѣе или менѣе пассивными, о которыхъ мы только что говорили, и толпами активными, толпы манифестантскія занимаютъ срединное положеніе. Что бы онѣ ни

проявляли — свое убѣжденіе, свою страстную любовь или ненависть, радость или печаль, — онѣ всегда проявляютъ это со свойственнымъ имъ преувеличеніемъ. Можно отмѣтить въ нихъ двойкій характеръ, въ которомъ есть что-то женское: замѣчательно выразительный символизмъ въ соединеніи съ крайнею бѣдностью воображенія при изобрѣтеніи этихъ символовъ, которые всегда, бывають одни и тѣ же и повторяются до пресыщенія. Итти процессіей съ хоругвями и со знаменами, со статуями, съ мощами, иногда съ отрѣзанными головами на концахъ пикъ, кричать *vivat* или просто испускать вопли, пѣть гимны или пѣсни — вотъ приблизительно все, что онѣ могли изобрѣсти для выраженія своихъ чувствъ. Но если у нихъ мало идей, онѣ держатся зато крѣпко за нихъ и безъ устали кричать одно и то же, возобновляютъ одну и ту же прогулку. — Публика, дойдя до извѣстной степени возбужденія, тоже становится манифестантской. Она проявляетъ себя не только косвеннымъ образомъ, порождая соотвѣтствующія толпы, но, прежде всего, непосредственно въ захватывающемъ вліяніи, подчиняющемъ себѣ самихъ тѣхъ, кто привелъ ее въ движеніе и не можетъ больше остановить, въ тѣхъ потокахъ лиризма или брани, лести или клеветы, утопическаго бреда или кровожадной ярости, которые льются по ея желанію изъ подъ пера ея послушныхъ публицистовъ, изъ господъ, превратившихся въ крѣпостныхъ. И ея манифестаціи гораздо болѣе разнообразны и опасны, нежели манифестаціи толпы, и приходится пожалѣть объ изобрѣтательномъ умѣ, который въ извѣстные моменты тратится на остроумныя выдумки, на басни, похожія на правду, безпрестанно изобличаемыя, безпрестанно возрождающіяся ради одного удовольствія поднести каждой публикѣ желаемое блюдо, выразить то, что она считаетъ за правду, или въ чемъ она *хочетъ* видѣть правду.

Перейдемъ къ толпамъ дѣйствующимъ. Но что, однако, могутъ сдѣлать толпы? Несомнѣнно, онѣ могутъ уничтожать, разрушать, но что могутъ онѣ создать со своей внутреннею

несвязностью и беспорядочностью своихъ усилій? Корпорации, секты, организованныя ассоціаціи разрушительны, но столь же производительны. „Grèges pontifes“ въ средніе вѣка строили монастыри, монахи на Западѣ воздѣлывали цѣлыя области, основывали города, іезуиты въ Парагваѣ сдѣлали наиболѣе любовитную попытку фаланстерійской жизни, изъ всѣхъ когда-либо предпринимавшихся; корпорации масоновъ воздвигли большинство нашихъ соборовъ. Но можно ли назвать хоть одинъ домъ, построенный толпой, землю, распаханную и воздѣланную толпой, какую-либо промышленность, созданную толпою? За нѣсколько тощихъ деревьевъ Свободы, которыя онѣ посадили, сколько выжженныхъ лѣсовъ, разграбленныхъ гостиницъ, разрушенныхъ дворцовъ! За одного популярнаго узника, котораго онѣ иногда освобождали, сколько казней по суду Линча, сколько тюремъ, взятыхъ приступомъ американскими, или революціонными массами съ цѣлью избіенія узниковъ ненавистныхъ, возбуждающихъ зависть или страхъ!

Можно раздѣлить дѣйствующія толпы на толпы любящія и толпы ненавидящія. Но на какое дѣло, дѣйствительно плодотворное, употребляютъ свои силы любящія толпы? Неизвѣстно еще, что болѣе губительно, ненависть ли толпы или любовь, проклятія ли, или энтузіазмъ. Когда она рычитъ, охваченная безуміемъ канибаловъ, она, правда, ужасна; но когда она въ порывѣ обожанія бросается къ ногамъ одного изъ своихъ человѣческихъ идоловъ, когда она распрягаетъ его экипажъ, такъ на щитѣ поднимаетъ его на своихъ плечахъ, то предметомъ ея обожанія, порождающаго диктатуры и тиранніи, является чаще всего полусумасшедшій въ родѣ Мазаньелло, или звѣрь въ родѣ Марата или шарлатанъ въ родѣ генерала Буланже. Даже тогда, когда она устраиваетъ безумныя ораціи нарождающемуся герою, каковъ былъ Бонапартъ, возвращавшійся изъ Италіи, она только готовитъ ему гибель, непомѣрно возбуждая въ немъ гордость, которая гонитъ его

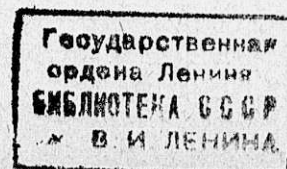
геній къ безумію. Но она особенно проявляет свой энтузіазмъ по отношенію къ такимъ людямъ, какъ Маратъ. Апостолъ этого чудовища, культъ воздвигнутый его „священному сердцу“, выставленному въ Пантеонѣ, являются блистательнымъ образцомъ силы взаимнаго ослѣпленія, общей галлюцинаціи, на которую способны люди, собравшіеся вмѣстѣ. Въ этомъ непреодолимомъ увлеченіи играла извѣстную роль и трусость, но въ общемъ очень маленькую и какъ бы потонувшую въ общей искренности.

Но потороплюсь сказать, что есть разновидность любящей толпы, очень распространенная, которая играетъ одну изъ наиболѣе необходимыхъ и спасительныхъ социальныхъ ролей и служить противовѣсомъ всему злу, причиненному сборищами другихъ видовъ. Я имѣю въ виду праздничную толпу, радостную, любящую себя самое, опьяненную единственно удовольствіемъ собираться для того, чтобы собираться. Здѣсь я спѣшу отказаться отъ всего, что есть матеріалистическаго и узкаго въ словахъ, сказанныхъ выше о непроизводительномъ характерѣ толпы. Конечно, производительность заключается не только въ постройкѣ домовъ, фабрикаціи мебели, одежды или съѣстныхъ припасовъ; и социальный миръ, социальное единеніе, поддерживаемое народными празднествами, пирушками, періодическими увеселеніями цѣлой деревни или цѣлаго города, когда всякое разногласіе сглаживается однимъ общимъ желаніемъ, желаніемъ видѣть друга друга, соприкасаться, симпатизировать другъ другу, этотъ миръ, это единеніе суть продукты не менѣе драгоцѣнные, чѣмъ всѣ плоды земные, чѣмъ всѣ предметы промышленности. Даже празднества федераціи въ 1790 г., этого кратковременнаго затишья между двумя циклонами, произвели на время успокоительное вліяніе. Прибавимъ еще, что патріотическій энтузіазмъ—другая разновидность любви къ коллективному, національному—также часто поселялъ благородное настроеніе въ толпѣ, и если онъ не заставляетъ ее выигрывать сраженіе, онъ

иногда дѣлаетъ несокрушимымъ вдохновеніе войскъ, возбужденныхъ имъ.

Забудемъ ли мы, наконецъ, послѣ праздничныхъ толпъ траурныя толпы—тѣ, которыя подъ гнетомъ общаго горя идутъ за погребальнымъ шествіемъ друга, великаго поэта, національнаго героя? Онѣ въ такой же степени являются энергическими возбуждателями социальной жизни; и этими горестями такъ же, какъ этими радостями, испытываемыми вмѣстѣ, народъ научается образовывать одно цѣлое изъ всѣхъ желаній.

Вообще, толпы въ ихъ совокупности далеко не заслуживаютъ того дурного мнѣнія, которое высказывалось относительно ихъ, и которое при случаѣ могъ высказать и я самъ. Если мы взвѣсимъ, съ одной стороны, ежедневное и универсальное дѣйствіе любящей толпы, особенно же праздничныхъ толпъ, а съ другой—перемежающееся и мѣстное дѣйствіе ненавидящихъ толпъ, то мы должны будемъ признать съ полнымъ безпристрастіемъ, что первая гораздо болѣе содѣйствовала сотканію и скрѣпленію социальныхъ узъ, нежели вторая—разрыву мѣстами этой ткани. Вообразимъ себѣ страну, гдѣ никогда не было ни бунтовъ—всякаго рода яростно-злобныхъ возстаній, но гдѣ въ то же время неизвѣстны ни публичные празднества, ни веселыя уличные манифестаціи, ни взрывы народного энтузіазма: эта плоская и безцвѣтная страна была бы безъ сомнѣнія гораздо менѣе пропитана глубокимъ чувствомъ своей національности, нежели страна, наиболѣе волновавшаяся политическими смутами, даже убійствами, но которая въ промежуткахъ между этими бѣдствіями, подобно средневѣковой Флоренціи, сохранила традиціонную привычку къ большимъ религіознымъ или свѣтскимъ общеніямъ, къ общему веселію, играмъ, процессіямъ, сценкамъ во время карнавала. Такимъ образомъ толпы, сборища, столкновенія, обоюдныя увлеченія людей гораздо болѣе полезны, нежели вредны для развитія общественности. Но и здѣсь, какъ вездѣ,

видимое мѣшает думать о невидимомъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, проистекаетъ обычная суровость социолога по отношенію къ толпамъ. Добрыя послѣдствія любовныхъ и радостныхъ толпъ скрываются въ сердечныхъ тайникахъ и живутъ тамъ, много времени спустя послѣ празднества, въ видѣ бѣльшаго расположенія къ симпатіи и примиренію, которое выражается тысячею незамѣтныхъ способовъ въ жестахъ, въ словахъ, во всѣхъ ежедневныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Наоборотъ антисоціальное дѣйствіе ненавистническихъ толпъ бросается всѣмъ въ глаза, и зрѣлище произведенныхъ ими преступныхъ разрушеній надолго переживаетъ ихъ, заставляя проклинать ихъ память.

Можно ли говорить о *дѣйствующей публикѣ*, не злоупотребляя метафорами? Не является ли публика, эта разсѣянная толпа, пассивной по самому своему существу?

Въ самомъ дѣлѣ, поднявшись до извѣстнаго тона экзальтаціи, относительно котораго ея публицисты бываютъ предупреждены благодаря своей ежедневной привычкѣ *выслушивать* ее, она дѣйствуетъ черезъ ихъ посредство точно такъ же, какъ манифестируетъ черезъ нихъ, оказываетъ давленіе на государственныхъ людей, которые становятся исполнителями ея воли. Это—то, что называется могуществомъ общественнаго мнѣнія. Правда, что она особенно свидѣтельствуетъ о могуществѣ ея вожаковъ, которые привели ее въ движеніе; но, разъ, тронутая съ мѣста, она увлекаетъ ихъ на пути, которыхъ они не предвидѣли. Такимъ образомъ это дѣйствіе публики есть прежде всего обратное дѣйствіе на ея публициста; иногда это обратное дѣйствіе имѣетъ страшную силу; публицистъ подвергается такимъ образомъ давленію публики, названному его же возбуждающими дѣйствіями.

Впрочемъ, это дѣйствіе чисто духовное, каковой въ дѣйствительности является и сама публика. Такъ же какъ и толпу, ее въ ея дѣйствіи вдохновляетъ любовь или ненависть, но въ отличіе отъ дѣйствія толпы, ея дѣйствіе, если оно

пущено любовью, часто имѣетъ видъ прямой продуктивности, потому что оно болѣе обдуманно и расчислено даже въ его несправедливостяхъ. То добро, которое оно приноситъ, не ограничивается повседневымъ проявленіемъ общественной симпатіи между индивидуумами, которая возбуждается чувствами духовнаго соприкосновенія, повторяющагося ежедневно. Оно породило нѣкоторые хорошіе законы взаимной помощи и милосердія. Если радости и печали публики и не имѣютъ ничего періодическаго и установленнаго традиціей, то онѣ облачаютъ не меньшимъ даромъ утишать вражду и успокаивать сердца, нежели праздники толпы, и нужно благодарить фригидную, — я не имѣю въ виду порнографическую, — прессу за то что, она поддерживаетъ въ публикѣ хорошее настроеніе, способствующее миру. Что же касается публики ненавидящей, то она намъ тоже извѣстна, и зло, которое она причиняетъ, или заставляетъ причинять, далеко превосходитъ опустошенія, производимыя разъяренными толпами. Публика—это толпа гораздо менѣе слѣпая и гораздо болѣе долговѣчная, и ярость ея, болѣе осмысленная, накапливается и поддерживается въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и лѣтъ.

Поэтому удивительно, что о преступленіяхъ толпы говорили такъ много, а о преступленіяхъ публики — ничего; безъ сомнѣнія существуетъ публика преступная, кровавая, какъ существуетъ и преступная толпа; и если преступность первыхъ не такъ очевидна, какъ преступность вторыхъ, зато насколько она дѣйствительнѣе, утонченнѣе, глубже, непростительнѣе! Но обыкновенно опасались только преступленій и злодѣяній, совершенныхъ по отношенію къ публикѣ, той лжи, злоупотребленія довѣріемъ, настоящихъ мошенничествъ въ огромныхъ размѣрахъ, жертвой которыхъ часто дѣлается публика по милости своихъ вожаковъ. То же слѣдуетъ сказать о преступленіяхъ и злодѣйствахъ, совершенныхъ по отношенію къ толпѣ, не менѣе гнусныхъ и можетъ-быть не менѣе частыхъ. Лгутъ избирательнымъ собра-

ніямъ, выманиваютъ ихъ голоса коварными обѣщаніями, торжественными предложеніями, которыя заранѣе рѣшено не содержать, придумываютъ разныя позорныя клеветы. И толпу обмануть легче, нежели публику, потому что тотъ ораторъ, который обманываетъ ее чаще всего не имѣетъ противника: тогда какъ различныя газеты въ каждый моментъ служатъ противовѣдомъ одна для другой. Какъ-бы то ни было, но изъ этого, что публика можетъ сдѣлаться жертвой настоящихъ преступленій, слѣдуетъ ли еще, что она сама не можетъ быть преступной?

Заговоривъ о злоупотребленіяхъ довѣріемъ, объектомъ которыхъ является публика, замѣтимъ мимоходомъ, насколько недостаточнымъ является въ настоящее время чисто индивидуалистическое понятіе *юридическаго обязательства* въ томъ видѣ, какъ юристы понимали его до сихъ поръ; оно требуетъ передѣлки для того, чтобъ отвѣчать тѣмъ социальнымъ перемѣнамъ, которыя произошли въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, благодаря появленію и росту публики. Для того чтобы существовало юридическое обязательство какъ слѣдствіе обѣщанія, необходимо по общепринятымъ до сихъ поръ представленіямъ, чтобъ оно было принято тѣмъ лицомъ, или тѣми лицами къ которымъ оно обращено, что предполагаетъ *личное* отношеніе къ нимъ. Но это было возможно до книгопечатанія, когда людское обѣщаніе не шло дальше предѣловъ звука человеческого голоса, и такъ какъ въ виду узкихъ границъ социальной группы, съ которой приходилось вступать въ дѣловыя сношенія, кліентъ всегда былъ лично извѣстенъ поставщику, даримый — дарителю, должникъ — кредитору, то взаимно обязующее соглашеніе могло считаться очевидной и почти исключительной формой обязательства. Но съ развитіемъ прессы приходится вступать во всякаго рода отношенія съ лицами все менѣе и менѣе опредѣленными, и все болѣе съ цѣлою совокупностью людей, къ которымъ обращаются съ обѣщаніями при помощи газеты, въ коммерческомъ дѣлѣ посредствомъ рекламъ, въ

политическомъ посредствомъ программъ. Но бѣда въ томъ, что эти обѣщанія, даже самыя торжественныя, представляютъ собою только *одностороннюю волю*, нескрѣпленную взаимностью одновременной воли, простыя обѣщанія, которыя не приняты, не могутъ быть приняты и въ виду этого лишены всякой юридической санкціи¹. Ничто не можетъ въ большей степени благопріятствовать тому, что можно назвать социальнымъ разбойничествомъ. Можно еще согласиться съ тѣмъ, что когда дѣло идетъ объ обѣщаніи, данномъ толпѣ, его трудно санкціонировать юридически въ виду скоропреходящаго существу характера толпы, которая собирается только на мигъ и никогда не возобновляется въ томъ же видѣ. Мы называли такого кандидата въ депутаты который передъ четырьмя тысячами человѣкъ поклялся при перебаллотировкѣ нять свою кандидатуру въ пользу своего соперника-республиканца, если послѣдній получитъ больше голосовъ, чѣмъ онъ. Дѣйствительно, обѣщавшій получилъ меньше голосовъ, но онъ не снялъ кандидатуры и былъ выбранъ. Вотъ что можетъ придать смѣлости политическимъ шарлатанамъ. И я допускаю, что нельзя обязать закономъ выполнять подобныя обѣщанія, по той причинѣ, что разъ толпа разсѣялась, то нѣтъ никого, даже лицъ, участвовавшихъ въ ней, кто бы могъ претендовать на званіе ея представителя, или дѣйствовать въ ея имени. Но публика—это нѣчто постоянное, и я не вижу причины, почему послѣ того, какъ какое-нибудь завѣдомо ложное свѣдѣніе было опубликовано въ качествѣ достовернаго, и довѣрчивые читатели были вовлечены въ невыгодную спекуляцію, разорились благодаря этой коварной, своекорыстной, продажной лжи—почему они не въ правѣ предать суду надувавшего ихъ плута-публициста съ цѣлью заставить его вернуть отнятое? Можетъ-быть, тогда публичный характеръ

¹ См. по этому вопросу наше сочиненіе *Transformations du droit*, р. 116 и 307, а также диссертацию Рене Вормса *Volonté unilatérale*.

лжи вмѣсто того чтобы быть, какъ въ настоящее время смѣлѣе, чѣмъ оправдывающимъ вину обстоятельствомъ, считался бы тѣмъ болѣе отягчающимъ вину, чѣмъ многочисленнѣе была обманутая публика ¹. Непостижимо, какъ писатель, который постыдился бы лгать въ частной жизни, можетъ безстыдно, съ легкимъ сердцемъ, сотнѣ тысячъ, пятистамъ тысячъ челоѣкъ, которые его читаютъ, и какъ многіе, знающаго, продолжаютъ считать его честнымъ челоѣкомъ.

Но оставимъ этотъ вопросъ о правѣ и возвратимся къ преступленіямъ и злодѣйствамъ публики. Что есть публики беззастѣнчивыя, это не подлежитъ сомнѣнію; такова была, навѣрное, афинская публика, когда она нѣсколько лѣтъ тому назадъ принуждала свое правительство объявить Турціи войну.

Не менѣе достоверно и то, что существуетъ публика преступная: развѣ не было министерствъ, которыя подъ давлениемъ публики, господствующей прессы, должны были не желая пасть съ честью — внести законы, отдающіе преслѣдованіе и грабежъ ту или другую категорію гражданъ? Конечно, преступленія публики имѣютъ на видъ меньшую окраску жестокости, нежели преступленія толпы. Они разнятся отъ преступленій толпы четырьмя свойствами: во-первыхъ, они носятъ менѣе отталкивающій характеръ; во-вторыхъ, они происходятъ не столько изъ мстительныхъ цѣлей, сколько изъ своекорыстныхъ цѣлей, они менѣе жестоки, болѣе коварны; въ-третьихъ, ихъ давленіе болѣе широкое и продолжительное и, наконецъ, въ-четвертыхъ, имъ еще болѣе обезпечена безнаказанность.

Если хотите найти типичный примѣръ преступленій толпы, то *Революція Тѣна* дастъ ихъ намъ слишкомъ много. Въ сентябрѣ 1789 года въ Труа создается легенда противъ мэра Гюэца: онъ *скупщикъ*, онъ хочетъ *кормить народъ сномъ*.

¹ Есть виды публики, какъ и собранія, которыя тѣмъ способнѣе поддаются обману, чѣмъ они многочисленнѣе, что прекрасно извѣстно фокусникамъ.

Гюэцъ былъ челоѣкъ извѣстный своей благотворительностью, онъ оказалъ большія услуги городу. Но что въ томъ? 9 сентября три повозки съ мукой оказываются плохими, народъ собирается и кричитъ: „Долой мэра. Смерть мэру!“ Гюэцъ, вышедшій изъ суда, былъ сбитъ съ ногъ, умерщвленъ ударами ногъ и кулаковъ; голова его была пробита ударомъ деревяннаго башмака. Одна женщина бросается на распростертаго на землѣ старца, топчетъ лицо его ногами и нѣсколько разъ пытается ему въ глаза ножницы. Его волокутъ, привязавъ ему веревку на шею, до моста, бросаютъ въ сосѣдній бродъ, потомъ опять вытаскиваютъ и снова тащатъ по улицамъ въ рубку „съ клочкомъ сѣна во рту“. Затѣмъ слѣдуетъ разграбленіе и разрушеніе домовъ, и у одного нотариуса „было унесено и выпито болѣе шестисотъ бутылокъ“ ¹.

Эти коллективные убійства, очевидно, не были внушены алчностью, подобно звѣрствамъ нашихъ или революціонныхъ публикъ, которыя въ ту же эпоху, посредствомъ своихъ газетъ, посредствомъ своихъ терроризированныхъ представителей, заставляли писать проскрипціонные листы или вотируютъ законы о конфискаціи, чтобы забрать имущество своихъ жертвъ. Нѣтъ, они внушены чувствомъ мести, подобно убійствамъ цѣлыхъ семей у дикихъ племенъ, или потребностью наказать за преступленія дѣйствительныя или воображаемыя, подобно американскимъ судамъ по закону Линча. Во всѣхъ времена и во всѣхъ странахъ убивающая или грабящая толпа считаетъ себя судьей, и тотъ короткій судъ, который она выноситъ, странно напоминаетъ по мстительному характеру наказаній, по ихъ неслыханной жестокости, даже по ихъ символизму — какъ это показываетъ клочокъ сѣна во рту Гюэца — правосудіе первобытныхъ временъ.

Въ сущности говоря, можно ли назвать преступной толпу

¹ *Революція*, т. 1, стр. 88. Въ ту же самую эпоху толпа поступила еще хуже въ Канъ: майоръ Бельсенъ былъ разорванъ на куски, какъ пачерузь на островахъ Фиджи, и одна женщина съѣла его сердце.

доведенную до безумія увѣренностью, что ее предають, что ее хотятъ заморить голодомъ, истребить? Если и есть здѣсь преступникъ, то это только подстрекатель или группа подстрекателей, виновникъ или виновники издѣвательствъ надъ убитыми. Большое извиненіе для толпы въ ея худшихъ крайностяхъ это ея чудовищное легковѣріе, напоминающее вѣрѣ загипнотизированнаго. Публика отличается гораздо меньшимъ легковѣріемъ, и ея отвѣтственность, поэтому, тѣмъ болѣе велика. Люди, собравшіеся вмѣстѣ, гораздо легковѣрнѣе, чѣмъ каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, такъ какъ одинъ тотъ фактъ, что ихъ вниманіе сосредоточено на одномъ предметѣ, на подобіе коллективнаго *моноидеизма*, приближаетъ ихъ къ состоянію сна или гипноза, когда поле сознанія, удивительно суженное, цѣликомъ захватывается первой идеей, которая представится ему. Тогда всякое утвержденіе, выказанное увѣреннымъ и сильнымъ голосомъ, такъ сказать, несетъ съ собой свое доказательство. Во время войны 1870 послѣ нашихъ первыхъ пораженій разнесся слухъ во многихъ деревняхъ, что нѣкоторые изъ крупныхъ собственниковъ и нѣкоторые священники посылали огромныя суммы пруссакамъ — по сто, по двѣсти тысячъ франковъ. Это говорилося о людяхъ очень почтенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень задолжавшихъ, которые съ трудомъ могли бы достать себѣ десятую часть этихъ денегъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были сыновья подъ знаменами.

Однако, эти злобныя басни не нашли бы довѣрія у крестьянъ, если бы они жили разсѣянными на поляхъ; но собравшись на ярмаркахъ или на рынкахъ, они вдругъ повѣрили этимъ гнуснымъ нелѣпостямъ, и готфейское злодѣяніе было кровавымъ свидѣтельствомъ этого легковѣрія.

Толпы не только легковѣрны, онѣ безумны. Многія изъ свойствъ, отмѣченныя нами у нихъ, общи имъ вмѣстѣ съ паникёрами нашихъ лѣчебницъ для душевно-больныхъ: преувеличенная гордость, нетерпимость, неумѣренность во всемъ

онѣ доходятъ всегда, какъ сумасшедшіе, до двухъ крайнихъ полюсовъ или возбужденія или упадка духа, онѣ то героически неистовы, то уничтожены паникой. У нихъ бываютъ настоящіе коллективныя галлюцинаціи: людямъ, собравшимся вмѣстѣ, кажется, что они видятъ и слышатъ такія вещи, которыхъ они не видятъ и не слышатъ каждый въ отдѣльности. И когда толпы увѣрены, что ихъ преслѣдуютъ воображаемые враги, ихъ вѣра основана на логикѣ безумца. Подобный яркій примѣръ мы находимъ у Тэна. Въ концѣ іюля 1789 года, когда толчокъ національныхъ волненій вызвалъ ездѣ, на улицахъ, на площадяхъ буйныя собранія, вдругъ началъ распространяться слухъ, мало-по-малу охватившій всю область Ангумуа, Перигора, Оверня, будто идутъ десять тысячъ, двадцать тысячъ разбойниковъ; ихъ уже видѣли, онѣ на горизонтѣ они поднимаютъ уже пыль, они идутъ съ намѣреніемъ все разграбить, всѣхъ зарѣзать. „Услыхавъ это, бѣлые округа спасаются ночью въ лѣса, покидая свои дома, носья свое имущество“. Но вотъ истина обнаруживается. Бѣглецы возвращаются въ свои селенія. Тогда они начинаютъ рассуждать совершенно такъ, какъ рассуждаютъ одержимые паникой преслѣдованія, которые, ощущая въ себѣ чувство страха, болѣзненнаго по происхожденію, воображаютъ враговъ для его оправданія. „Такъ какъ мы поднялись, говорятъ они, то значитъ, что намъ грозила гибель, и если намъ не грозитъ опасность со стороны разбойниковъ, она грозитъ съ другой стороны; съ другой стороны — это значитъ со стороны воображаемыхъ заговорщиковъ. И въ результатѣ слишкомъ реальныхъ преслѣдованій.

Значитъ ли это, что коллективныя преступленія существуютъ только по названію? И приходится ли только разматривать индивидуальныя преступленія вожаковъ? Это значило бы зайти слишкомъ далеко и довести до крайности относительную справедливость предыдущихъ рассужденій. Тогда толпа въ римскомъ циркѣ для своего удовольствія

приказывала знакомъ умертвить побѣжденнаго гладіатора, была ли она кровожадна и преступна, несмотря на то, что сила наслѣдственного обычая смягчаетъ отчасти ея вину. Впрочемъ, есть толпы, родившіяся преступными, а не сдѣлавшіяся таковыми случайно, толпы, настолько же преступныя, насколько и ихъ вожаки, которыхъ онѣ избрали потому что они были похожи на нихъ: это толпы, состоящія изъ злодѣевъ, которыхъ соединило вмѣстѣ тайное сродство и испорченность которыхъ отъ этого соединенія дошла до экзальтаціи, до такой степени экзальтаціи, что онѣ, въ сущности говоря, являются не столько преступниками сколько преступными безумцами, прилагая къ коллективной преступности выраженіе заимствованное изъ индивидуальной преступности. *Преступный сумасшедшій*, этотъ опасный и отталкивающий безумецъ, который совершаетъ нашія и убиваетъ вслѣдствіе болѣзненнаго импульса, но болѣзненность котораго является не столько уклоненіемъ, сколько чрезмѣрнымъ усиленіемъ склонностей его нормальнаго характера, его натуры, лживой, эгоистической и злой, — этотъ безумецъ реализуется въ большихъ размѣрахъ въ коллективной формѣ, когда въ смутныя времена каторжники, вырвавшіеся изъ острога, предаются кровавымъ оргіямъ.

Какъ далека отъ всего этого преступленія публика! Публика бываетъ преступной болѣе изъ партійной выгоды, нежели изъ мести, изъ трусости, нежели изъ жестокости; она террористична изъ боязни, а не подъ вліяніемъ вспышки гнѣва. Особенно она способна на преступную снисходительность по отношенію къ своимъ вождямъ, на *manutengolismo*, какъ говорятъ итальянцы. Но къ чему заниматься ея преступленіями; вѣдь она — общественное мнѣніе, а мнѣніе, повторимъ еще разъ, самодержавно, и, какъ таковое, не подлежитъ отвѣтственности! Эти преступленія можно преслѣдовать только тогда, когда они являются въ видѣ попытки, но не совершены еще: и опять-таки ихъ можно преслѣдовать въ лицѣ

тѣхъ публицистовъ, которыми они были внушены, или въ лицѣ предводителей толпы, порожденной публикой и совершающей эти попытки. Что же касается самой публики, то она остается въ тѣни, неуловимой, ожидая удобнаго момента начать все снова. Чаще всего, когда какая-нибудь толпа совершаетъ преступленіе — начиная съ парламентовъ этихъ полу-корпоративныхъ толпъ, показавшихъ свое единомысліе со столькими деспотами, — позади нея скрывается публика, которая возбуждаетъ ее. Развѣ избирательная публика, выбравшая въ депутаты сектантовъ и фанатиковъ, не причастна къ ихъ беззаконіямъ, къ ихъ посягательствамъ на свободу, имущество и жизнь гражданъ? Развѣ не избираетъ она ихъ часто вторично и этимъ самымъ не даетъ опору ихъ беззаконіямъ? Но не только избирательная публика является соучастницей преступленій. Публика даже не избирательная, на видъ чисто пассивная, на дѣлѣ дѣйствуетъ посредствомъ тѣхъ, кто старается подслужиться къ ней, снискать ея расположеніе. Именно почти всегда въ сообществѣ съ преступной публикой, съ того времени какъ публика стала нарождаться, были совершаемы величайшія историческія преступленія: Варооломеевская ночь — весьма вѣроятно, преслѣдованія протестантовъ при Людовикѣ XIV — несомнѣнно, и не мало другихъ! Сентябрьская рѣзня сопровождалась восторженнымъ одобреніемъ извѣстной публики, и безъ этой публики, безъ ея поощренія, этой рѣзни не случилось бы. Стоящія на низшей ступени преступленій выборныя мошенничества, въ томъ видѣ, какъ они въ изобиліи и смѣло практикуются въ нѣкоторыхъ городахъ, не являются ли групповыми преступленіями, совершаемыми при болѣе или менѣе сознательномъ соучастіи цѣлой публики? Вотъ общее, или приблизительно общее правило: за преступной толпой скрывается еще болѣе преступная публика, а во главѣ этой послѣдней еще болѣе преступные публицисты.

Сила публицистовъ зависитъ прежде всего отъ того, что

они по инстинкту знаютъ психологію публики. Они знаютъ, что ей по вкусу и что не по вкусу; они знаютъ, напримеръ, что можно безнаказанно позволить себѣ по отношенію къ ней смѣлость порнографическихъ изображеній, которую не вынесла бы толпа; театральныя толпы отличаются коллективной стыдливостью, противоположной индивидуальному цинизму тѣхъ людей, изъ которыхъ онѣ состоятъ¹, и эта стыдливость отсутствуетъ у специальной публики извѣстныхъ журналовъ. Можно даже сказать, что эта публика представляетъ собою коллективное безстыдство, составленное изъ элементовъ относительно стыдливыхъ. Но въ качествѣ толпы или толпы, — всѣ собранія похожи къ сожалѣнію другъ на друга въ одномъ отношеніи: въ ихъ прискорбной склонности подвергаться взрывамъ страсти и ненависти. Для толпы потребность ненавидѣть соответствуетъ потребности дѣйствовать. Возбужденіе въ ней энтузіазма не поведетъ далеко; но дать ей поводъ и предметъ ненависти значитъ дать толчокъ ея дѣятельности, которая, какъ намъ извѣстно, по существу имѣетъ разрушительный характеръ, поскольку она выражается въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Отсюда успѣхъ проскрипціонныхъ списковъ во время возстаній. Головы или головъ требуетъ разъяренная толпа. Дѣятельность публики по счастью не такъ односторонняя, и она обращается въ сторону идеала реформъ или утопій съ такой же легкостью, какъ и въ сторону идей остракизма, преслѣдованій и расхищенія. Но, обращаясь къ природной злобности публики, ея вдохновители легко ведутъ ее самое къ своимъ злымъ

¹ Толпа представляетъ собою иногда также примѣръ коллективной нечестности, составленной изъ собранныхъ вмѣстѣ нечестныхъ элементовъ. Въ 1720 году послѣ горячки финансовыхъ спекуляцій англійскій парламентъ „члены котораго почти всѣ участвовали лично въ этомъ разгульномъ ажіотажѣ“ заклеилъ его и возбудилъ преслѣдованіе противъ главныхъ его дѣятелей за развращающее дѣйствіе на общественныхъ чиновниковъ“ (Claudio Jannet, *Le Capital*).

дѣламъ. Открыть или изобрѣсти новый значительный предметъ ненависти для публики, — это одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ стать въ ряды царей журнализма. Ни въ какой странѣ, ни въ какія времена защита не имѣла такого успѣха, какъ поношеніе.

Но мнѣ не хотѣлось бы кончить на этой пессимистической мысли. Я склоненъ, не взирая ни на что, вѣрить, что въ глубокія соціальныя преобразованія, которыми мы обязаны прессѣ, совершились въ цѣляхъ конечнаго объединенія и умиротворенія. Замѣняя собою болѣе древнія группировки или наслоиваясь на нихъ, новыя группировки, какъ мы видѣли, носящія названіе публики, охватывающія все большій районъ и приобретающія все большую плотность, не только замѣняютъ царствомъ моды царство обычая, новизной — традицію; рѣзкія и несокрушимыя подраздѣленія между многочисленными разновидностями человѣческой ассоціаціи съ ихъ безконечными конфликтами онѣ замѣняютъ неполнымъ и измѣнчивымъ дѣленіемъ съ неясными границами, безпрестанно возобновляющимися и взаимно проникающими другъ въ друга. Таково, кажется мнѣ, должно быть заключеніе этого длиннаго изслѣдованія.

Но я прибавляю, что была бы глубокая ошибка приписывать коллективностямъ, даже въ ихъ наиболѣе духовной формѣ, честь человѣческаго прогресса. Всякая плодотворная инициатива въ концѣ концовъ исходитъ отъ индивидуальной мысли, независимой и сильной; и для того, чтобы мыслить, нужно изолировать себя не только отъ толпы, какъ говорить Ламартинъ, но и отъ публики. Это-то именно и забываютъ великіе сторонники народа, взятаго въ цѣломъ, и они не замѣчаютъ нѣкотораго рода противорѣчія, которое заключается въ ихъ аналогіи. Они проявляютъ удивленіе къ великимъ дѣяніямъ такъ называемымъ анонимнымъ и коллективнымъ дѣяніямъ, только для того, чтобы выразить свое презрѣніе къ индивидуальнымъ геніямъ кромѣ своего собствен-

наго. Также замѣтимъ, что эти знаменитые поклонники однихъ массъ, презирающіе всѣхъ людей, въ отдѣльности были чудовищами гордости. Послѣ Шатобріана и Руссо никто, можетъ-быть, болѣе Вагнера, если не считать Виктора Гюго, не проповѣдывалъ такъ сильно теорію, по которой „народъ есть двигатель искусства“, а „изолированный индивидуумъ самъ не могъ бы ничего изобрѣсти, онъ можетъ только присвоить себѣ общее изобрѣтеніе“. Это одно изъ тѣхъ коллективныхъ восхищеній, которыя не льстятъ ничьему самолюбію, какъ безличныя сатиры, которыя никого не обижаютъ, потому что они неявно обращены ко всѣмъ вмѣстѣ.

Опасность новыхъ демократій кроется въ постоянно возрастающей для мыслящихъ людей трудности не поддаваться власти соблазнительной агитаціи. Трудно погружаться въ водолазномъ колоколѣ въ сильно взволнованное море. Направляющими индивидуальностями, которыхъ выдвигаетъ наше современное общество, являются все болѣе и болѣе писатели, находящіеся съ нимъ въ безпрестанномъ соприкосновеніи; и то могущественное дѣйствіе, которое они производятъ, конечно болѣе желательное по сравненію съ ослѣпленіемъ толпы, не имѣющей вождя, является опроверженіемъ теоріи созидающихъ массъ. Но этого недостаточно, и такъ какъ недостаточно распространять повсюду среднюю культуру, а нужно прежде всего поднимать вверхъ высшую культуру, то мы можемъ съ Сомнеромъ Мэномъ уже подумать объ участи, ожидающей въ будущемъ послѣднихъ *интеллектуаловъ*, долговременныя заслуги которыхъ не бросаются въ глаза. Населеніе горныхъ мѣстностей не срываетъ горъ и не превращаетъ ихъ въ земли, годныя для обработки, въ виноградники, или въ поля, засѣянные люцерной, отнюдь не вслѣдствіе сознанія заслугъ, оказываемыхъ этими естественными водохранилищами; это зависитъ просто отъ стойкости горныхъ вершинъ, отъ твердости ихъ вещества, взорвать динамитомъ которое стоитъ слишкомъ дорого. А интеллекту-

альныя и художественныя вершины человѣчества спасутъ отъ разрушенія и демократической нивелировки, боюсь, не признательность за добро, оказанное ими міру, не справедливое уваженіе къ цѣнности ихъ открытій. Что же спасетъ ихъ?.. Хотѣлось бы думать, что это будетъ сила ихъ сопротивленія. Горе имъ, если онѣ дойдутъ до измѣльчанія.

II

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ И РАЗГОВОРЪ.

МНѢНІЕ.

I

Мнѣніе для публики въ наше время есть то же, что душа для тѣла, и изученіе одной естественно ведетъ насъ къ другому. Мнѣ возразятъ, что во всѣ времена существовало общественное мнѣніе, тогда какъ публика въ смыслѣ, установленномъ нами, довольно недавняго происхожденія. Это вѣрно, но мы сейчасъ увидимъ, къ чему сводится значеніе этого возраженія. Что такое общественное мнѣніе? Какъ оно рождается? Каковы его личные источники? Какимъ образомъ въ своемъ ростѣ выражается оно и въ своемъ выраженіи растетъ, какъ то показываютъ современные способы его выраженія, всеобщая подача голосовъ и журнализмъ? Какова его плодотворность и его общественное значеніе? Какъ оно преобразуется? И къ какому общему устью, если существуетъ такое, стремятся его многочисленные потоки? На всѣ эти вопросы мы попытаемся по возможности отвѣтить.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ словѣ *мнѣніе* обыкновенно смѣшиваются два понятія, которыя, правда, спутаны, но которыя долженъ различать тщательный анализъ: мнѣніе въ собственномъ смыслѣ слова, — совокупность сужденій,

и общая воля, — совокупность желаній. Здѣсь мы займемся мнѣніемъ, взятымъ преимущественно, но не исключительно въ первомъ изъ этихъ двухъ значеній.

Какъ бы ни было велико значеніе общественнаго мнѣнія, не нужно преувеличивать его роли, несмотря на то, что въ наше время оно является наводняющимъ потокомъ. Постараемся установить предѣлы сферы его господства. Его не нужно смѣшивать съ двумя другими фракціями общественнаго духа, которыя одновременно питаютъ и ограничиваютъ его, которыя находятся въ непрерывной борьбѣ съ нимъ изъ-за этихъ предѣловъ. Одинъ изъ нихъ — это традиція, накопленный и сгущенный экстрактъ изъ того, что составляло мнѣніе умершихъ, наслѣдіе необходимыхъ и спасительныхъ предубѣжденій, часто тягостныхъ для живущихъ. Другая — это та, которую я позволю себѣ назвать собирательнымъ и сокращеннымъ именемъ — разумомъ. Я разумѣю подъ этимъ относительно раціональныя, хотя часто безразсудныя личныя сужденія избранныхъ, которые изолируются, и мыслятъ, и выходятъ изъ общаго потока, чтобы служить для него плотинкой или направлять его. Священники въ прежнія времена, философы, ученые, правовѣды, соборы, университеты, судебныя учрежденія — являются поочередно, или одновременно воплощеніемъ этого устойчиваго и направляющаго разума, который рѣдко отличается и отъ страстныхъ и стадныхъ увлеченій массъ и отъ двигателей или вѣковыхъ принциповъ, заложенныхъ въ глубинѣ ихъ сердца. Хотѣлось бы прибавить къ этому перечню парламенты, палаты или сенаты. Не избраны ли ихъ члены именно для того, чтобы рѣшать дѣла въ полной независимости и служить для обузданія общественнаго бѣга? Но дѣйствительный ходъ вещей далеко не соответствуетъ идеалу.

Прежде, чѣмъ пріобрѣсть общее мнѣніе и сознать его таковымъ, индивидуумы, составляющіе націю, сознаютъ, что обладаютъ общей традиціей и сознательно подчиняются рѣ-

шеніямъ разума, который считается высшимъ. Такимъ образомъ изъ этихъ трехъ развѣтвленій общественнаго духа мнѣніе начинаетъ развиваться послѣднимъ, но быстрѣе всего увеличивается, начиная съ извѣстнаго момента; и оно увеличивается въ ущербъ двумъ другимъ. Противъ его періодическихъ приступовъ не устоитъ ни одно національное установленіе; нѣтъ такого индивидуальнаго разума, который бы не задрожалъ и не смутился передъ его угрозами или требованіями. Которому же изъ этихъ двухъ соперниковъ мнѣніе дѣлаетъ больше зла? Это зависитъ отъ его главарей. Когда они принадлежатъ къ разумнымъ избранникамъ, имъ удается иногда сдѣлать изъ мнѣнія какъ бы таранъ для того, чтобы пробить брешь въ традиціонной стѣнѣ и расширить ее, разрушая, что не лишено опасности. Но когда главенство въ толпѣ предоставлено кому попало, имъ легче, опираясь на традицію, возстановить мнѣніе противъ разума, который, однако, въ концѣ концовъ торжествуетъ.

Все шло бы къ лучшему, если бы мнѣніе ограничивалось вульгаризаціей разума для того, чтобы посвятить его въ традицію. Сегодняшній разумъ такимъ образомъ становился бы завтрашнимъ мнѣніемъ и послѣзавтрашней традиціей. Но мнѣніе, вмѣсто того чтобы служить связующимъ звеномъ между своими двумя сосѣдями, любитъ принимать участіе въ ихъ распряхъ и, то упиваясь новыми модными доктринами, разрушаетъ привычныя идеи и установленія, прежде чѣмъ почувствуетъ возможность замѣнить ихъ, то подъ властью обычая изгоняетъ или угнетаетъ разумныхъ новаторовъ, или насильно принуждаетъ ихъ одѣть традиціонную ливрею, принуждаетъ къ лицемѣрному переодѣванію.

Эти три силы разнятся другъ отъ друга сколько по своей природѣ, столько же и по своимъ причинамъ и слѣдствіямъ. Онѣ дѣйствуютъ всѣ вмѣстѣ, но слишкомъ неравномѣрно и слишкомъ измѣнчиво для того, чтобы составить цѣнность вещей; и цѣнность бываетъ совершенно иная, смотря по тому,

удетъ ли она прежде всего дѣломъ привычки, или дѣломъ омы, или дѣломъ разсужденія. Дальше мы покажемъ, что разговоръ во всѣ времена и главный источникъ разговора въ наше время, пресса, являются важными факторами мнѣнія, считая, разумѣется, традиціи и разума, которые никогда не перестаютъ принимать въ немъ участіе и оставлять на немъ свой отпечатокъ. Факторы ¹ традиціи, кромѣ самого мнѣнія, суть семейное воспитаніе, профессиональное обученіе школьное преподаваніе, по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ немъ есть элементарнаго. Разумъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ культивируется, юридическихъ, философскихъ, научныхъ даже эkkлeзiастическихъ, имѣетъ своими характеристическими источниками наблюденіе, опытъ, разслѣдованіе или, въ какомъ случаѣ, разсужденіе, выводъ, основанный на текстахъ. Борьба или союзъ этихъ трехъ силъ, ихъ столкновеніе, ихъ взаимное овладѣваніе другъ другомъ, ихъ взаимное дѣйствіе, ихъ многочисленныя и разнообразныя отношенія — все это представляетъ собою одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ исторіи. Въ социальной жизни нѣтъ ничего столь органическаго, плодотворнаго, какъ эта продолжительная работа противодѣйствія и приспособленія, часто носящихъ кровавый характеръ. Традиція, остающаяся всегда національной, болѣе жата въ неподвижныхъ границахъ, но бесконечно глубже и устойчивѣй, нежели мнѣніе; она легка и скоропреходяща, какъ вѣтеръ, и, какъ вѣтеръ, способна къ расширенію, всегда стремится стать интернаціональной, такъ же какъ и разумъ. Можно сказать вообще, что утесы традиціи безпрестанно подтачиваются приливами мнѣнія этого моря безъ отливовъ. Мнѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе сильна традиція, но это

¹ Это слово *факторъ*, впрочемъ, неточно; оно обозначаетъ каналъ или же источникъ. Здѣсь оно значитъ каналъ, такъ какъ разговоръ и образованіе только передаютъ идеи, изъ которыхъ составляется мнѣніе или традиція. Источниками всегда являются индивидуальныя инициативы, малыя или великія изобрѣтенія.

не значить, что въ этомъ случаѣ разумъ еще менѣе силенъ. Въ средніе вѣка разумъ, представленный университетами, соборами и судами, обладалъ гораздо большей, нежели въ настоящее время, силой сопротивленія общему мнѣнію и былъ способенъ отвергать его; правда, у него было гораздо меньше силъ бороться съ традиціей и реформировать ее. Бѣда въ томъ, что современное мнѣніе стало всемогущимъ не только противъ традиціи, элемента, который самъ по себѣ весьма важенъ, но также и противъ разума, разума судебного, научнаго, законодательнаго, или разума государственнаго для извѣстнаго случая. Если оно не наводитъ лабораторіи ученыхъ—единственное до сихъ поръ неприкосновенное убежище, то оно заливаєтъ судилища, потопляетъ парламенты и нѣтъ ничего тревожнѣе этого потопа, близкаго конца котораго ничто не заставляетъ предвидѣть.

Очертивъ его границы, постараемся точнѣе опредѣлить его.

Мнѣніе, скажемъ мы, есть кратковременная и болѣе или менѣе логическая группа сужденій, которыя, отвѣчая задачамъ, поставленнымъ современностью, воспроизведены въ многочисленныхъ экземплярахъ, въ лицахъ одной и той же страны, одного и того же времени, одного и того же общества.

Всѣ эти условія существенно необходимы. Существенно необходимо также и то, чтобы каждое изъ этихъ лицъ имѣло болѣе или менѣе опредѣленное сознание относительно тождественности сужденій, которыхъ оно придерживается, съ сужденіями, которыхъ придерживаются другія; если бы каждое изъ нихъ считало себя изолированнымъ въ своей оцѣнкѣ, то ни одно изъ нихъ не чувствовало бы себя и не было бы связано въ болѣе тѣсной ассоціаціи съ подобными себѣ, безсознательно подобными. Для того же, чтобы это сознание сходства идей могло существовать среди членовъ какого-нибудь общества, не нужно ли, чтобы причиной этого сходства было провозглашеніе словесное или письменное, или при помощи прессы, какой-нибудь идеи, сначала индивидуальной, а потомъ

репаратившейся постепенно въ общее достояніе? Превращеніемъ индивидуальнаго мнѣнія въ мнѣніе общественное, въ мнѣніе“ общество обязано было въ древности и въ средніе вѣка публичному слову, въ наше время прессѣ, но во все времена и прежде всего частнымъ разговорамъ, о которыхъ мы вскорѣ будемъ говорить.

Говорятъ—мнѣніе, но бываетъ всегда два мнѣнія одновременно по поводу каждой возникающей задачи. Только одному изъ нихъ довольно быстро удается затмить другое своимъ болѣе стремительнымъ и болѣе яркимъ сіяніемъ, или же тѣмъ, что оно, несмотря на свое меньшее распространеніе, бываетъ болѣе шумнымъ¹.

Во всякую эпоху, даже наиболѣе варварскую, существовало мнѣніе, но оно глубоко разнится отъ того, что мы называемъ этимъ именемъ. Въ кланѣ, въ трибѣ, въ древнемъ городѣ, даже и въ городѣ среднихъ вѣковъ всѣ люди знали лично другъ друга, и когда, благодаря частнымъ разговорамъ или рѣчамъ ораторовъ, какая-нибудь идея утверждалась въ массахъ, она не представлялась чѣмъ-то въ родѣ свалившагося съ неба камня безличнаго происхожденія и вслѣдствіе этого была болѣе обаятельной; каждый представлялъ ее себѣ связанной съ тѣмъ тембромъ голоса, съ тѣмъ лицомъ, съ той знакомой личностью, откуда она къ нему пришла, и это придавало ей живую фizioномію. Въ силу той же причины она сужила связью только между тѣми людьми, которые, еже-

1 Мнѣніе можетъ быть очень распространеннымъ, но оно не *проявляетъ себя*, если оно умѣрено; но какъ бы ни было мало распространено крайнее мнѣніе, оно рѣзко *проявляетъ себя*. Такимъ образомъ манифестаціи“, способъ выраженія, въ одно и то же время весьма добопонятный и очень ясный, играютъ огромную роль въ слияніи и прониканіи другъ въ друга мнѣній различныхъ группъ и въ ихъ распространеніи. Посредствомъ манифестацій именно наиболѣе крайнія мнѣнія всѣхъ раньше и всѣхъ яснѣе начинаютъ сознавать свое одновременное существованіе и, благодаря этому, ихъ распространеніе находится въ особенно благоприятныхъ условіяхъ.

дневно видясь и разговаривая другъ съ другомъ, не заблуждались одни насчетъ другихъ.

Пока протяженность государствъ не переходила черезъ мѣстны города или, по крайней мѣрѣ, черезъ границы маловажного кантона, мнѣніе, образовавшееся такимъ образомъ, оригинальное и сильное, сильное иногда даже противъ самой традиціи въ особенности же противъ индивидуальнаго разума, играющей въ управленіи людей преобладающую роль, роль хора въ греческой трагедіи, ту роль, которую современное мнѣніе совершенно другого происхожденія стремится въ свою очередь завоевать въ нашихъ большихъ государствахъ или въ нашихъ огромныхъ все растущихъ федераціяхъ. Но въ тотъ обыкновенно длинный промежутокъ, который раздѣляетъ эти двѣ историческія фазы, значеніе мнѣнія страшно падаетъ, что объясняется его дробленіемъ на мѣстные мнѣнія, не связанные между собой обычной соединительной чертой и игнорирующія другъ друга.

Въ феодальномъ государствѣ, каковы Англія или Франція въ средніе вѣка, каждый городъ, каждое мѣстечко имѣло свои внутреннія междоусобія, свою отдѣльную политику, потоки идей, или же, скорѣе, вихри идей, которые кружились на одномъ мѣстѣ въ этихъ закрытыхъ мѣстахъ, столько же разнились другъ отъ друга, сколько были чужды и безразличны другъ для друга, по крайней мѣрѣ въ обыкновенное время. Не только въ этихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ мѣстная политика поглощала все вниманіе, но даже, когда въ слабой степени интересовались національной политикой, ею занимались только между собой, составляли себѣ только смутное представление о томъ, какимъ образомъ разрѣшались одни тѣ же вопросы въ сосѣднихъ городахъ. Не было „мнѣнія“, но были тысячи отдѣльныхъ мнѣній, не имѣющихъ никакой постоянной связи между собой.

Эту связь могли образовать только: сперва книга, затѣмъ—съ гораздо большей силой—газета. Периодическа

пресса позволила этимъ первоначальнымъ группамъ единичныхъ индивидуумовъ образовать второстепенный и мѣстѣ съ тѣмъ высшаго порядка агрегатъ, единицы котораго входятъ въ тѣсное общеніе между собою, никогда не идѣвъ и не зная другъ друга. Отсюда вытекаютъ важныя различія и между, прочими, слѣдующее: въ первоначальныхъ группахъ голоса больше *ponderantur*, чѣмъ *numerantur*, тогда какъ въ второстепенной и болѣе обширной группѣ, которую люди образуютъ, не видя другъ друга, заочно, голоса могут только считаться, но не взвѣшиваться. Пресса, такимъ образомъ, безсознательно способствовала созданію *силы количества* и сокращенію силы характера, если не разума.

Этимъ же самымъ ударомъ она уничтожила тѣ условія, которыя дѣлали возможной абсолютную власть правителей. Дѣйствительно, этой послѣдней въ большой мѣрѣ благоприятствовало дробленіе мнѣнія по мѣстамъ. Больше того, она находила въ этомъ свое право на существованіе и свое оправданіе. Что такое представляетъ изъ себя страна, различные области которой, города, мѣстечки не объединены коллективнымъ сознаниемъ единства ихъ взглядовъ? Дѣйствительно ли это нація? Не будетъ ли это только географическое или въ лучшемъ случаѣ политическое выраженіе? Да, это нація, но только въ томъ смыслѣ, что политическое подчиненіе различныхъ частей государства одному и тому же главѣ есть уже начало націонализаціи. Напр., во Франціи временъ Филиппа Красиваго, за исключеніемъ нѣсколькихъ рѣдкихъ случаевъ, когда общая опасность выдвигала на первый планъ раньше всѣхъ заботъ во всѣхъ городахъ, во всѣхъ удѣлахъ одинъ предметъ общей тревоги, совсѣмъ не было *общественнаго духа*, существовалъ только въ разныхъ мѣстахъ *мѣстный духъ*, движимый отдаленно отъ другихъ своей опредѣленной идеей, или своей опредѣленной страстью. Но король посредствомъ своихъ чиновниковъ имѣлъ понятіе обо всѣхъ этихъ столь различ-

ныхъ душевныхъ состояніяхъ и, соединяя ихъ въ себѣ, объединялъ ихъ въ этомъ общемъ знакомствѣ съ ними, служившемъ основаніемъ для его намѣреній.

Но это объединеніе было весьма хрупко, весьма несовершенно; оно давало только одному королю смутное понятіе о томъ, что было общаго во всѣхъ мѣстныхъ заботахъ. Егъ было единственнымъ полемъ ихъ взаимнаго проникновенія. Когда были собраны генеральныя штаты, этимъ былъ сдѣланъ новый шагъ къ націонализаци мѣстнаго отдѣльныхъ областей и кантоновъ. Эти мѣстныя встрѣчались въ мозгу каждаго изъ депутатовъ, признавали свое сходство или несходство другъ съ другомъ, и вся страна, съ глазами, обращенными на своихъ представителей, въ слабой степени интересуясь ихъ работами, безконечно меньше, чѣмъ въ наши дни, представляла тогда, въ видѣ исключенія, зрѣлище націи, сознающей себя. Но это сознаніе, временное и исключительное, было весьма смутно, весьма медлительно и темно. Засѣданія штатовъ не были публичными. Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ прессы рѣчи не опубликовывались, а, за неимѣніемъ почты, даже письма не могли замѣнить этого отсутствія газетъ. Словомъ изъ новостей, болѣе или менѣе обезображенныхъ, переносимыхъ изъ устъ въ уста, по простествію недѣль и даже мѣсяцевъ пѣшими или конными путешественниками, бродячими монахами, купцами, было извѣстно, что штаты собрались и что они заняты такимъ-то и такимъ-то предметомъ—вотъ и все.

Замѣтимъ, что члены этихъ собраній въ продолженіе короткихъ и рѣдкихъ моментовъ своего общенія сами образовали мѣстную группу, очагъ интенсивнаго мѣстнаго мнѣнія, порожденнаго зараженіемъ одного человѣка отъ другого, личными отношеніями, взаимными вліяніями. И именно благодаря этой высшей мѣстной группѣ, временной, избираемой, низшимъ мѣстнымъ группамъ, постояннымъ, наследственнымъ, состоящимъ изъ родственниковъ или друзей, по традиціи въ городахъ и удѣлахъ, чувствовали себя соединенными временной связью

II.

Развитіе почтовыхъ сношеній, увеличившее сначала личную, а затѣмъ частную корреспонденцію; развитіе путей сообщенія, давшее возможность болѣе частаго соприкосновенія людей; развитіе постоянныхъ войскъ, позволяющее солдатамъ изъ различныхъ провинцій знакомиться и братски объединяться на однихъ и тѣхъ же поляхъ сраженія, — наконецъ, развитіе придворной жизни, призывавшее въ монархическій центръ націю отборную знать со всѣхъ пунктовъ государства, — все это въ значительной степени содѣйствовало развитію общественнаго духа. Но довести это великое дѣло до высшей степени развитія досталось на долю печатнаго станка. Пресса, разъ дошедшая до фазиса газеты, являлась національнымъ, европейскимъ, космическимъ все мѣстное, все, что въ прежнія времена, каково бы ни было его внутреннее значеніе, оставалось бы неизвѣстнымъ за предѣлами весьма ограниченаго района.

„Видное преступленіе“ совершено гдѣ-нибудь; тотчасъ же пресса завладѣваетъ имъ, и въ продолженіе нѣкотораго времени публика Франціи, Европы, всего міра только и занята Габріель Бонпаромъ, Брандини, или Панамой. Дѣло Лафаржа относительно „женубійства“, совершеннаго въ глубинѣ одного кантона въ Лимузенѣ, было однимъ изъ первыхъ судебныхъ процессовъ, получившихъ, благодаря періодической печати, когда уже возмужалой или, по крайней мѣрѣ, взрослой, національное распространеніе. Полтора вѣка тому назадъ кто сталъ бы говорить о подобномъ дѣлѣ внѣ границъ Лимузена? Если намъ укажутъ на дѣло Каласа и другія дѣла въ томъ родѣ, то въ нихъ большую роль сыграли широкая извѣстность Вольтера и тотъ внѣсудебный интересъ, который возбуждалъ страсти того времени по поводу этихъ знаменитыхъ процессовъ: это интересъ отнюдь не мѣстный; наобо-

ротъ, какъ нельзя болѣе общій, потому что рѣчь шла, спра- ведливо или нѣтъ, о судебныхъ ошибкахъ, въ которыхъ обвинялись наши учрежденія, вся наша магистратура. Можно сказать то же и о національномъ возбужденіи, вызванномъ въ другое время дѣломъ тамплиеровъ.

Можно утверждать, что до французской революціи не было такого виднаго преступленія противъ общественнаго права, которое возбудило бы страстное отношеніе къ себѣ всей Франціи, если оно не носило политическаго характера и не эксплуатировалось сектантами.

Судебная хроника, такая, какой мы ее знаемъ, элементъ къ сожалѣнію, столь важный въ наши дни для коллективнаго сознанія, для мнѣнія, судебная хроника приковываетъ безъ всякаго безпокойства, исключительно вслѣдствіе совершеннаго безкорыстной нескромности или театральнаго любопытства въ продолженіе цѣлыхъ недѣль всѣ взгляды безчисленныхъ разсѣянныхъ зрителей этого огромнаго и невидимаго Колизея къ одной той же судебной драмѣ. Это кровавое зрѣлище наиболѣе неизбежное и наиболѣе возбуждающее страсти современныхъ народовъ, было незнакомо нашимъ предкамъ. Наши дѣды первые начали знакомиться съ нимъ.

Постараемся быть болѣе точными. Въ большомъ обществѣ раздѣленномъ на національности и подраздѣленномъ на провинціи, на области, на города, существовало всегда, даже до прессы, интернаціональное мнѣніе, пробуждавшееся время отъ времени; подъ нимъ — мнѣнія національныя, также перемежающіяся, но уже болѣе частыя; подъ ними — мнѣнія областныя и мѣстныя, почти постоянныя. Это — слои общественнаго духа, наложенные одинъ на другой. Только пропорціи этихъ различныхъ пластовъ въ смыслѣ важности, въ смыслѣ толщины, значительно измѣнялась, и легко замѣтить, въ какомъ смыслѣ. Чѣмъ болѣе мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ болѣе преобладающее значеніе имѣетъ мѣстное мнѣніе. Национализировать мало-по-малу и даже постепенно интерна-

ционализировать общественный духъ — такова была работа журнализма.

Журнализмъ — это всасывающій и нагнетательный насосъ свѣдѣній, которыя, будучи получаемы каждое утро со всѣхъ пунктовъ земного шара, въ тотъ же день распространяются по всѣмъ пунктамъ земного шара поскольку они интересны, или кажутся интересными для журналиста, принимая въ расчетъ ту цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, и ту партію, голомъ которой онъ является. Его свѣдѣнія, дѣйствительно, мало-по-малу становятся неотразимымъ внушеніемъ. Газеты начали съ того, что выражали мнѣніе, сперва чисто мѣстное, мнѣніе привилегированныхъ группъ, двора, парламента, столицы, воспроизводя ихъ толки, ихъ разговоры, ихъ ссоры; и кончили тѣмъ, что почти по своему произволу стали направлять и измѣнять мнѣніе, навязывая рѣчамъ и разговорамъ большинство своихъ ежедневныхъ сюжетовъ.

III.

Никто не знаетъ, никто не можетъ никогда себѣ вообразить, насколько газета видоизмѣнила, обогатила и вмѣстѣ съ тѣмъ сравняла, *одъединила въ пространство и придала разнообразіе во времени* разговорамъ индивидуумовъ, даже тѣхъ, которые не читаютъ газетъ, но которые, болтая съ читателями газетъ, принуждены придерживаться колеи ихъ сужденій и сужденій, сужденій сужденій. Достаточно одного пера для того, чтобы привести въ движеніе миллионы языковъ.

Парламенты до прессы такъ глубоко разнились отъ парламентовъ послѣ появленія прессы, что кажется, будто у насъ и другихъ есть только общее названіе. Они разнятся по своему происхожденію, по характеру своихъ полномочій, по своимъ функціямъ, по району и силѣ своего дѣйствія. До прессы депутаты кортесовъ, сеймовъ, генеральныхъ штатовъ не могли выражать мнѣнія, которое еще не существовало; они выражали только мѣстныя мнѣнія, имѣющія, какъ мы

знаемъ, совершенно другой характеръ, или національныя традиции. Въ этихъ собраніяхъ совершалось не что иное, какъ простое безъ всякой связи сопоставленіе разнородныхъ мнѣній, которыя касались частныхъ, ничего общаго не имѣющихъ между собою вопросовъ; здѣсь впервые научались сознать, возможно или невозможно согласованіе этихъ мнѣній. Къ этимъ мѣстнымъ мнѣніямъ примѣшивалось, такимъ образомъ, представленіе другъ о другѣ опять таки чисто мѣстное, заключенное въ тѣсныя рамки, или проявляющее нѣкоторую интенсивность только въ томъ городѣ, гдѣ происходили эти собранія. Когда этимъ городомъ была столица, какъ Лондонъ или Парижъ, его муниципальный совѣтъ могъ считать себя въ правѣ соперничать въ значеніи съ палатою національныхъ депутатовъ; этимъ объясняются даже чудовищныя притязанія парижской коммуны во время французской революціи, когда она нападала или пыталась подчинить себѣ учредительное собраніе, національное собраніе, конвентъ. Причина заключалась въ томъ, что пресса того времени, лишенная огромныхъ крыльевъ, прикрѣпленныхъ къ ней позднѣе желѣзными дорогами и телеграфомъ, могла привести парламентъ въ быстрое и интенсивное общеніе только съ парижскимъ мнѣніемъ. Въ настоящее время всякій европейскій парламентъ благодаря возмужалости прессы имѣетъ возможность постоянно и моментально соприкасаться, и находится въ живомъ взаимномъ отношеніи дѣйствія и обратнаго дѣйствія съ мнѣніемъ не только одного какого-нибудь большого города, но и всей страны; по отношенію къ этой послѣдней онъ служитъ одновременно однимъ изъ главныхъ элементовъ проявленія и возбужденія, является зеркаломъ выпуклымъ и зеркаломъ зажигательнымъ. Въмѣсто того, чтобы помѣщать рядомъ мѣстныя и несходныя между собою проявленія духа, онъ заставляетъ проникать другъ въ друга многочисленныя выраженія, измѣнчивыя грани одного и того же національнаго духа.

Прежніе парламенты представляли собою группы разнородныхъ полномочій относящихся къ различнымъ интересамъ, правамъ, принципамъ; новѣйшіе парламенты представляютъ собою группы однородныхъ полномочій даже и тогда, когда они противорѣчатъ одно другому, потому что онѣ имѣютъ отношеніе къ заботамъ тождественнымъ и сознающимъ свое тождество. Кромѣ того, прежніе депутаты не походили другъ на друга по своеобразнымъ особенностямъ способовъ ихъ избранія, цѣлкомъ основанныхъ на принципѣ избирательнаго неравенства и несходства различныхъ индивидуумовъ, на чисто личномъ характерѣ права голоса. Власть количества еще не родилась или не была признана законной; по этой именно причинѣ въ совѣщаніяхъ собраній, избранныхъ такимъ путемъ, простого численнаго большинства никто не считалъ законной силой.

Въ государствахъ наиболѣе „отсталыхъ“ единогласіе было обязательнымъ, и волю всѣхъ депутатовъ кромѣ одного останавливала оппозиція этого единственнаго несогласнаго лица. Такимъ образомъ, ни при наборѣ представителей, ни при исполненіи ими своихъ функцій законъ большинства не былъ и не могъ быть понятенъ до расцвѣта прессы и до націонализаціи мнѣнія. Послѣ же ея расцвѣта всякій другой законъ кажется немыслимымъ; всеобщее право голоса, вопреки всѣмъ опасностямъ и нелѣпостямъ, которыя оно носитъ въ себѣ, принимается всюду шагъ за шагомъ, въ надеждѣ, что оно само въ себѣ заключаетъ способность къ реформѣ; и, несмотря на убѣдительныя возраженія, принято, что всѣ должны склоняться передъ очень важнымъ рѣшеніемъ, вотируемымъ большинствомъ одного только голоса.

Всеобщая подача голосовъ и всемогущество большинства въ парламентахъ сдѣлались возможными только благодаря продолжительному и неуклонному дѣйствию прессы, условію *sine qua non* великой нивелирующей демократіи, я не говорю о маленькой ограниченной демократіи въ стѣнахъ греческаго города или швейцарскаго кантона.

Тѣми различіями, которыя я только что отмѣтилъ, объясняется также и суверенитетъ парламентовъ возникшій со времени появленія прессы — суверенитетъ, на который парламенты до существованія прессы не думали даже и претендовать. Они могли стать равными королю, затѣмъ выше его только тогда, когда они настолько же хорошо, какъ король, а затѣмъ лучше его воплотили національное сознаніе, подчеркнули уже народившіяся общее мнѣніе и общую волю, выражая ихъ, приобщая ихъ, такъ сказать, къ своимъ рѣшеніямъ, и стали жить съ ними настолько въ тѣсномъ единеніи, что монархъ не могъ настаивать на томъ, чтобы называться ихъ единственнымъ или наиболѣе совершеннымъ представителемъ. Пока эти условія не были выполнены — они были выполнены въ эпоху великихъ государствъ только со времени появленія журнализма — собранія, носившія въ наивысшей степени народный характеръ, даже во время революціи, не дошли до того, чтобы убѣдить народы или убѣдить самихъ себя въ томъ, что они располагаютъ верховною властью и при видѣ безоружнаго, ими же побѣжденнаго короля они почтительно вступаютъ съ нимъ въ мирное соглашеніе, считают за счастье получить отъ него, отъ какого-нибудь напр., Іоанна Безземельнаго, хартію вольностей, признавая такимъ образомъ не въ силу предубѣжденія, а въ силу разума, въ силу разумности глубокой и скрытой социальной логики необходимость его прерогативы. Монархіи до прессы могли и должны были быть болѣе или менѣе абсолютными неприкосновенными и священными, потому что онѣ представляли собою все національное единство, съ появленіемъ прессы онѣ уже не могутъ быть таковыми, потому что національное единство достигается внѣ ихъ и лучше, чѣмъ посредствомъ ихъ. Между тѣмъ онѣ могутъ существовать, но настолько же отличаясь отъ прежнихъ монархій, насколько современные парламенты отличаются отъ парламентовъ прошлаго. Высшей заслугой прежняго монарха было то, что онъ уста-

навливалъ единство и сознаніе націи; теперешній монархъ имѣетъ право на существованіе только въ томъ смыслѣ, что онъ выражаетъ это единство, установленное внѣ его при помощи постоянного національнаго мнѣнія сознающаго само себя, и примѣняется или приспосабливается къ нему безъ того чтобы покоряться ему.

Чтобы покончить съ социальной ролью прессы, замѣтимъ, что великому прогрессу періодической прессы мы преимущественно обязаны болѣе яснымъ и болѣе обширнымъ разсужденіемъ, новымъ и сильнѣе выраженнымъ чувствомъ національностей, что характеризуетъ въ смыслѣ политической нашу современную эпоху? Не печать ли взрастила наравнѣ съ нашимъ интернационализмомъ нашъ націонализмъ, который представляется его отрицаніемъ и могъ бы быть только его дополненіемъ? Если возрастающій націонализмъ вмѣсто уменьшающагося лоялизма сдѣлался новой формой нашего патріотизма, не слѣдуетъ ли приписать это явленіе той же самой страшной и плодотворной силѣ? Нельзя не поинтересоваться при видѣ того, что, по мѣрѣ того, какъ государства сближаются другъ съ другомъ, подражаютъ другъ другу, ассимилируются и морально объединяются другъ съ другомъ, разграниченіе національностей углубляется и ихъ противорѣчія кажутся непримиримы. На первый взглядъ нельзя понять этого контраста націоналистическаго XIX вѣка съ космополитизмомъ предыдущаго вѣка. Но этотъ результатъ на видъ парадоксальный, является наиболѣе логическимъ. Въ то время какъ ускорялся и умножался обмѣнъ товарами, идеями, всякаго рода примѣрами между сосѣдними или удаленными другъ отъ друга народами, обмѣнъ идеями въ частности прогрессировалъ еще быстрѣе, благодаря газетамъ среди индивидуумовъ каждаго народа, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ. Насколько уменьшилось отъ этого абсолютное различіе между націями, настолько увеличилось отъ этого ихъ относительное и сознательное различіе. Замѣтимъ, что гео-

графическія границы національностей въ наше время стремятся все болѣе и болѣе слиться съ границами главных языковъ. Есть государства, гдѣ борьба языковъ и борьба національностей слились воедино. Причина этого та, что национальное чувство оживилось, благодаря журнализму, и свѣта газетъ прекращается на границахъ того нарѣчія, на которомъ онѣ написаны.

Вліяніе книги, которое предшествовало вліянію газеты, которое въ XVIII какъ и въ XVII вѣкахъ было преобладающимъ, не могло произвести тѣхъ же послѣдствій: если книга также давала почувствовать всѣмъ, кто читалъ её на одномъ и томъ же языкѣ ихъ филологическое тождество, то здѣсь дѣло шло не о *злободневныхъ* вопросахъ, одновременно возбуждающихъ общія страсти. Национальное существованіе въ большой степени засвидѣтельствовано литературой, но только газеты зажигаютъ національную *жизнь*, поднимаютъ совокупныя движенія умовъ и желаній своимъ ежедневнымъ градиознымъ теченіемъ. Въмѣсто того, чтобы подобно газетѣ исчерпывать свой интересъ въ конкретной злободневности своихъ сообщений, книга пытается заинтересовать прежде всего *общимъ* и отвлеченнымъ характеромъ тѣхъ идей, которыми она предлагаетъ. Значитъ, она какъ сдѣлала наша литература XVIII вѣка, болѣе способна вызвать общечеловѣческое чѣмъ національное или даже интернациональное теченіе. Интернациональный и общечеловѣческій — двѣ вещи разныя: европейская федерація, въ томъ видѣ, въ какомъ наши интернационалисты могутъ составить о ней себѣ опредѣленное представленіе, не имѣетъ ничего общаго съ „человѣчествомъ“ обожествленнымъ энциклопедистами, идеи которыхъ по этому вопросу догматизировалъ Огюсть Контъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ основаніе думать, что космополитическій и отвлеченный характеръ тенденцій общественнаго духа въ моментъ, когда разразилась революція 1789 г. связанъ съ перевѣсомъ книгъ надъ газетой въ качествѣ воспитателя общественнаго мнѣнія.

РАЗГОВОРЪ.

I.

Мы окинули сейчасъ первымъ взглядомъ, бѣглымъ и торопливымъ, интересующій насъ предметъ, чтобы дать понятіе о его сложности. Опредѣливъ мнѣніе, мы особенно подробно остановились на томъ, чтобы показать его отношенія къ прессѣ. Но пресса является только одной изъ причинъ мнѣнія и одной изъ наиболѣе новыхъ. Если мы изучили ее прежде всего, то это потому, что она виднѣе всѣхъ. Но теперь слѣдуетъ изучить и гораздо пространнѣй, такъ какъ это поле еще неизслѣдовано, тотъ факторъ мнѣнія, который мы уже признали за наиболѣе постоянный и наиболѣе универсальный, этотъ маленькій невидимый источникъ мнѣнія, измѣнчивыя струи котораго текутъ во всѣ времена и во всякомъ мѣстѣ: — это разговоръ. Прежде всего разговоръ избранныхъ. Въ одномъ письмѣ Дидро къ Неккеру въ 1775 г. я нахожу слѣдующее весьма вѣрное опредѣленіе: „Мнѣніе, этотъ двигатель, сила котораго какъ для добра, такъ и для зла намъ хорошо известна, ведетъ свое происхожденіе только отъ небольшого количества людей, которые говорятъ, послѣ того какъ они думали, и которые безпрестанно образуютъ въ различныхъ пунктахъ общества просвѣтительные центры, откуда продуманныя заблужденія и истины постепенно расходятся до

самыхъ послѣднихъ предѣловъ города, гдѣ онѣ утверждаются въ качествѣ догматовъ вѣры“. Если бы люди не разговаривали между собой, газеты могли бы появляться сколько угодно (хотя, ставя такую гипотезу, было бы непонятно ихъ появленіе), и онѣ не оказывали бы продолжительнаго и глубокаго вліянія на умы, онѣ представляли бы собой какъ бы вибрирующую струну безъ гармонической деки; наоборотъ, за неимѣніемъ газетъ и даже рѣчей, разговоръ, если бы онъ былъ въ состояніи прогрессировать безъ этой пищи, что тоже трудно допустить, могъ бы со временемъ замѣнить до известной степени социальную роль трибуны и прессы въ качествѣ образователя мнѣнія.

Подъ разговоромъ я разумѣю всякій діалогъ, не имѣющій прямой и непосредственной пользы, когда говорятъ больше для того, чтобы говорить, для удовольствія, для развлечения, для вѣжливости. Такое опредѣленіе исключаетъ изъ интересующаго насъ предмета и судебные допросы, и дипломатическіе или коммерческіе переговоры, и соборы, и даже научные конгрессы, хотя они и изобилуютъ излишней болтовней. Оно не исключаетъ свѣтскаго флирта, ни вообще любовной болтовни, несмотря на часто сквозящую сквозь нее цѣль, которая, однако, не мѣшаетъ ей быть интересной самой по себѣ. Оно подразумеваетъ впрочемъ всѣ парадные разговоры даже между варварами и между дикарями. Еслибы я занимался только вѣжливымъ и культурнымъ разговоромъ, какъ особеннымъ родомъ искусства, я не долженъ былъ бы восходить по крайней мѣрѣ съ античной, классической эпохи выше XV в. въ Италіи, XVI или XVII в. во Франціи и въ Англіи, и XVIII в. въ Германіи. Но гораздо раньше чѣмъ распустился этотъ эстетическій цвѣтокъ цивилизаціи, его первые бутончики начали показываться на деревѣ языковъ; и хотя менѣе плодотворныя, въ смыслѣ видимыхъ результатовъ нежели разговоры избранныхъ, отрывистыя бесѣды первобытныхъ народовъ все-таки имѣютъ важное социальное значеніе.

Если не считать дуэли, человѣкъ наблюдаетъ другого человека съ высшей доступной ему силой вниманія, только при условіи разговора съ нимъ. Вотъ наиболѣе постоянное, наиболѣе важное и наименѣе замѣченное слѣдствіе разговора. Это—апогей *самозарождающагося вниманія*, которое люди взаимно выказываютъ по отношенію другъ къ другу посредствомъ котораго они проникаютъ другъ въ друга несравненно глубже, чѣмъ при какихъ-либо другихъ социальныхъ отношеніяхъ, заставляя ихъ стоять лицомъ къ лицу. Разговоръ заставляетъ ихъ входить въ сближеніе другъ съ другомъ путемъ настолько же неотразимымъ, насколько и несознательнымъ. Слѣдовательно, онъ является самымъ могущественнымъ дѣятелемъ подражанія, распространенія чувствъ, идей, способовъ дѣйствія. Увлекательная рѣчь, заслужившая всеобщее одобреніе, часто бываетъ менѣе зажигательна, потому что она открыто претендуетъ быть таковой. Собесѣдники дѣйствуютъ одинъ¹ на другого на очень близкомъ разстояніи не только словами, но и тембромъ голоса, взглядомъ, физиономіей, жестами, вліяющими какъ магнитическіе пассы. Про хорошаго собесѣдника вполне справедливо говорить, что онъ *чародѣй* въ магическомъ смыслѣ этого слова. Ха-

¹ Всѣмъ известны ясные и глубокіе этюды М. Рибо о «самозарождающемся вниманіи», важное значеніе котораго онъ показалъ.

² Деспоты знаютъ это очень хорошо. Они заботливо и недовѣрчиво наблюдаютъ за бесѣдами своихъ подданныхъ и, насколько возможно, препятствуютъ имъ болтать между собой. Хозяйки деспотическихъ домовъ не любятъ, чтобы ихъ прислуга болтала съ чужой прислугой, такъ какъ онѣ знаютъ, что, благодаря этому, они «поднимаютъ голову». Со временъ Катона Старшаго римскія женщины стали собираться въ клубы, чтобы поболтать, и суровый цензоръ взглянулъ дурнымъ окомъ на эти маленькіе женскіе кружки, на эти опыты *феминистскихъ* салоновъ. Въ совѣтахъ своему управителю онъ между прочимъ говорить относительно жены: «Пусть она боится тебя, пусть она не слишкомъ любитъ роскошь и пусть какъ можно рѣже видитъ своихъ сосѣдокъ или другихъ женщинъ».

ракетристической чертой разговоровъ по телефону, гдѣ недостаетъ большинства изъ этихъ элементовъ интересности является ихъ скучность, когда они не носятъ чисто утилитарнаго характера.

Набросаемъ какъ можно болѣе кратко психологію и психологию скорѣе, если можно такъ выразиться, социологию разговора. Каковы его видоизмѣненія? Каковы были его послѣдовательныя фазы, его исторія, его эволюція? Каковы его причины и его слѣдствія? Каковы его отношенія къ социальному міру, къ любви, къ преобразованіямъ языка, къ нравамъ, къ литературе? Каждый изъ этихъ вопросовъ, касающихся предмета столь обширнаго, потребовалъ бы цѣлой книги. Но мы не можемъ претендовать на то, чтобы совершенно исчерпать его.

Разговоры сильно разнятся сообразно съ натурой сообщниковъ, со степенью ихъ культурности, съ ихъ социальнымъ положеніемъ, съ ихъ происхожденіемъ, деревенскимъ или городскимъ, съ ихъ профессиональными привычками, съ ихъ религіей. Они разнятся по трактующимъ предметамъ, по тону, по церемоніалу, по быстротѣ рѣчи, по длительности. Была измѣрена средняя быстрота ходьбы пѣшеходовъ въ различныхъ столицахъ міра, и опубликованныя статистическія данныя показали, что эта быстрота далеко не одинакова въ нихъ, но неизмѣнна въ каждомъ городѣ. Я убѣдился, что если бы сочли нужнымъ, то могли бы такъ же точно измѣрить быстроту рѣчи, свойственную каждому городу, и ее нашли бы далеко не одинаковой для различныхъ городовъ, точно такъ же какъ и для различныхъ половъ. Кажется, что по мѣрѣ того, какъ люди болѣе цивилизуются, они ходятъ и говорятъ быстрѣе. Въ своемъ *Путешествіи въ Японію* Бельсоръ отмѣчаетъ „медленность японскихъ разговоровъ, киваніе головой, неподвижность тѣла сидящихъ вокругъ ихъ маленькой жаровни“. Всѣ путешественники такъ замѣчали медленность рѣчи у арабовъ и у другихъ перво-

начальныхъ народовъ. Будутъ ли народы въ будущемъ говорить медленно или быстро? По всей вѣроятности, будутъ говорить быстро, но по моему мнѣнію стоило бы разработать съ цифровой точностью эту сторону интересующаго насъ предмета, изученіе котораго стояло бы въ связи съ чѣмъ-то родъ социальной психо-физики. Въ настоящій моментъ для этого существуетъ недостаточное количество данныхъ.

Разговоръ бываетъ совершенно другого тона, даже совершенно иной быстроты между низшимъ и высшимъ и между равными—между родственниками и между чужими—между лицами одного пола и между мужчинами и женщинами. Разговоры въ маленькихъ городахъ между согражданами, связанными между собой наслѣдственной пріязнью, бываютъ и должны быть совершенно непохожи на разговоры въ большихъ городахъ между образованными людьми, которые знаютъ друга друга очень мало. Какъ одни, такъ и другіе говорятъ о томъ, что составляетъ для нихъ наиболѣе извѣстный и наиболѣе общій предметъ въ смыслѣ идей. Только то, что для послѣднихъ въ этомъ отношеніи является общимъ, бываетъ у нихъ также общимъ съ массой другихъ лицъ, потому что они ничто мало знакомы другъ съ другомъ: отсюда ихъ склонность говорить о предметахъ общихъ, спорить относительно идей, имѣющихъ общій интересъ. Но у первыхъ нѣтъ такихъ идей, которыя были бы для нихъ болѣе общими и болѣе извѣстными, чѣмъ частная жизнь и характеръ другихъ знакомыхъ имъ лицъ: отсюда ихъ склонность къ сплетнямъ и къ злословію. Если въ культурныхъ столичныхъ кругахъ злословятъ меньше, то это отнюдь не потому, что тамъ меньше злобы и желанія злословить; но оно не находитъ для себя достаточно пригоднаго матеріала, если только, какъ это часто случается, оно не изливается на видныхъ политическихъ дѣятелей или на театральныя знаменитости. Эти общественныя пересуды, впрочемъ, превосходятъ частныя пересуды, которые они собой замѣняютъ, только въ томъ отно-

шеніи, что они, къ сожалѣнію, интересуютъ большее количество людей.

Оставляя въ сторонѣ многія второстепенныя различія, будемъ различать прежде всего разговоръ—борьбу и разговоръ—обмѣнъ мыслей, споръ и взаимный допросъ. Какъ увидимъ, второй, несомнѣнно, идетъ по пути развитія въ ущербъ первому. Точно такъ же бываетъ и въ ходѣ жизни индивидуума, который, обнаруживая стремленіе къ спору и къ борьбе [въ своей юности и молодости, избѣгаетъ противоречія ищетъ согласія мыслей по мѣрѣ приближенія къ старости.

Будемъ различать также разговоръ обязательный—церемониальный, установленный и ритуальный, и разговоръ произвольный. Этотъ послѣдній вообще происходитъ только между равными, а равенство людей благопріятствуетъ его развитію, содѣйствуя сокращенію области перваго. Нѣтъ ничего болѣе смѣшного, если не объяснять это исторически какъ обязательство, налагаемое декретами на чиновниковъ приличіями на частныхъ лицъ, дѣлать или отдавать другъ другу періодическіе визиты, въ продолженіе которыхъ, сидѣвъ вмѣстѣ, они принуждены полчаса или цѣлый часъ мучительно изощрять свой умъ на то, чтобы разговаривать и ничего не сказать другъ другу, или говорить то, чего они не думаютъ и не говорить того, что они думаютъ. Такое принужденіе, принятое во всемъ мірѣ, можетъ стать понятнымъ только тогда, когда мы поднимаемся до его происхожденія. Первые визиты дѣлавшіеся высокопоставленнымъ лицамъ, начальникамъ ихъ подчиненными, сюзеренамъ ихъ вассалами, имѣли своимъ главнымъ предметомъ подношеніе подарковъ, сначала произвольное и неправильное, затѣмъ обычное и періодическое, что во множественныхъ примѣрахъ показалъ Гербертъ Спенсеръ, въ то же время было естественно, что эти визиты давали случай для бесѣды, болѣе или менѣе краткой, состоявшей изъ преувеличенныхъ восхваленій, съ одной стороны, и изъ покрови-

тельной благодарности—съ другой¹. Здѣсь разговоръ является только аксессуаромъ подарка, и въ этомъ же смыслѣ съ еще понимается многими крестьянами болѣе заholустныхъ властей въ ихъ отношеніяхъ съ лицами высшаго класса. Мало-по-малу эти два элемента древнихъ визитовъ разобщились другъ съ другомъ, подарокъ превратился въ подать, а бесѣда развивалась отдѣльно, но сохраняя даже между равными кое-что изъ своего прежняго церемониальнаго характера. Отсюда эти торжественныя формулы и формальности, которыми начинается и кончается всякій разговоръ. При всемъ своемъ разнообразіи, онѣ все сводятся къ проявленію живѣйшей заботы о драгоценномъ существованіи того, съ кѣмъ говорятъ, или сильнѣйшаго желанія вновь увидаться съ нимъ. Эти формулы и эти формальности хотя и сокращаются, но продолжаютъ быть постоянной рамкой разговора и кладутъ на него печать настоящаго социальнаго учрежденія. Другимъ началомъ обязательныхъ разговоровъ должна была послужить глубокая скука, которую испытывали въ одиночествѣ первобытные люди и вообще, все нечитающіе во время своего досуга. Человѣкъ низшаго класса тогда считалъ своимъ долгомъ, даже безъ подарка въ рукахъ, пойти для компаніи къ высшему и поговорить съ нимъ, чтобы отвлечь его. Какъ этимъ, такъ и вышеупомянутымъ происхожденіемъ разговора безъ труда объясняется то обстоя-

Обычай визитовъ и обычай подарковъ связаны между собой, взаимно визитъ былъ только необходимымъ слѣдствіемъ подарка. Слово визитъ есть пережитокъ; подарокъ былъ вначалѣ его правомъ существованія, и визитъ пережилъ его. Впрочемъ, отъ него кое-что еще осталось, и въ деревняхъ многихъ странъ когда идутъ съ визитомъ къ людямъ, у которыхъ есть дѣти, существуетъ обычай приносить конфеты и лакомства. Привѣтствія въ прежнія времена должны были просто только сопровождать подарокъ, такъ же какъ и визиты. Точно также послѣ исчезновенія обычая подарковъ привѣтствія сохранились, но мало по малу стали взаимными и превратились въ разговоръ.

тельство, что обязательная бесѣда перешла въ ритуальную форму.

Что же касается произвольныхъ разговоровъ, то ихъ источникъ заключается въ человѣческой общительности, которая во всякое время выливается въ свободныхъ рѣчахъ, когда встрѣчаются люди равнаго положенія и товарищи.

II.

Затронувъ вопросъ объ эволюціи разговора, не слѣдуетъ изслѣдовать еще глубже его первоначальные зародыши. Безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ, хотя я не стану восходить до животныхъ обществъ, до чириканья воробьевъ въ деревьяхъ, до тревожнаго карканья вороновъ въ воздухѣ. Но можно безъ боязни утверждать, что, начиная съ самыхъ древнихъ попытокъ членораздѣльной и сопровождающейся тѣлодвиженіями рѣчи, говорить для того, чтобы говорить, т. е. вообще болтать, уже должно было доставлять удовольствіе говорящимъ. Созданіе слова совершенно непонятно, если не допустить, что языкъ былъ первой эстетической роскошью человѣка, первымъ великимъ примѣненіемъ его изобрѣтательнаго гения, что его любили и обожали какъ предметъ искусства, въ качествѣ забавы еще больше, чѣмъ въ качествѣ орудія. Не родилось ли слово отъ пѣнія, пѣнія, сопровождаемаго пляской, точно такимъ же образомъ, какъ письмо гораздо позднѣе произошло отъ рисунка? Миѣ представляется, что прежде, чѣмъ говорить при встрѣчахъ другъ съ другомъ на досугъ, первобытные люди начали пѣть вмѣстѣ или пѣть, обращая другъ къ другу. Можно усмотрѣть уцѣлѣвшій обломокъ отъ этихъ музыкальныхъ разговоровъ въ поперебѣнное пѣніе пастуховъ въ эклогахъ, а также въ сохранившемся еще среди эскимосовъ обычаѣ пѣть въ лицо кому-нибудь, когда желательнѣе осмѣять его. Ихъ сатирическое пѣніе, точно такъ же

оперебѣнное, этотъ безобидный и продолжительный поединокъ, играетъ ту же роль, какъ у насъ оживленные споры.

Миѣ кажется вѣроятнымъ еще одно предположеніе. Я опять возвращаюсь къ только-что сдѣланному мною сравненію. Задолго до того, какъ письмо приобрѣло способность служить для всеобщаго употребленія, для переписки между друзьями и родственниками, для письменныхъ разговоровъ, оно было пригодно только для надгробныхъ надписей, надписей религіознаго или монархическаго происхожденія, для оржественныхъ записей или для священныхъ повелѣній. Съ этихъ высотъ, послѣ вѣковыхъ усложненій и вулгаризаціи, искусство письма спустилось до той ступени, когда существованіе легкой почты сдѣлалось необходимымъ. То же было со словомъ. Задолго до того, какъ слово стало употребляться для разговора, оно могло быть только средствомъ выражать приказанія или увѣдомленія начальниковъ, или же поученія поэтовъ-моралистовъ. Словомъ, оно было сначала по необходимости монологомъ. Діалогъ образовался только впоследствии, согласно съ закономъ, по которому одностороннее всегда предшествуетъ взаимному.

Приложеніе этого закона къ интересующему насъ предмету допускаетъ нѣсколько объясненій, одинаково законныхъ. Прежде всего, вѣроятнымъ является то, что на зарѣ слова, въ первой семьѣ или ордѣ, гдѣ раздался первый лепетъ, именно наиболѣе одаренный индивидуумъ обладалъ монополией языка; другіе только слушали; они уже могли при известномъ усилии понимать его, но не могли еще подражать ему. Этотъ особенный даръ долженъ былъ содѣйствовать возвышенію одного человѣка надъ другими. Отсюда можно вывести заключеніе, что монологъ главы семьи, говорящаго своимъ рабамъ или своимъ дѣтямъ, начальника, командующаго своими солдатами, предшествовалъ діалогу рабовъ, дѣтей, солдатъ между собой или со своими начальниками. При другомъ объясненіи, противоположномъ первому,

низшій поздиѣ сталъ обращаться къ высшему, чтобы во хвалить его, прежде чѣмъ этотъ послѣдній удостоивалъ ея отвѣтомъ. Не принимая того объясненія, которое даетъ Спенсеръ относительно происхожденія привѣтствій, которые по его мнѣнію, своимъ появленіемъ были обязаны исключительно военному деспотизму, слѣдуетъ признать, что привѣтствіе было отношеніемъ одностороннимъ; принимая постепенно характеръ взаимности, по мѣрѣ уменьшенія неравенства, оно превратилось въ разговоръ, который я называю обязательнымъ. *Молитва*, обращенная къ богамъ, точно такъ же какъ привѣтствіе, обращенное къ начальникамъ, есть ритуальный монологъ, такъ какъ монологъ естественно присущъ человѣку, и въ формѣ псалма или оды, въ лиризмѣ всѣхъ временъ онъ обозначаетъ первую фазу религіозной или свѣтской поэзіи. Слѣдуетъ замѣтить, что молитва по мѣрѣ развитія имѣетъ тенденцію превратиться въ діалогъ: мы видимъ это на примѣрѣ католической мессы; и извѣстно, что пѣснопѣнія Бахусу были первымъ зародышемъ греческой трагедіи. Эволюція этой послѣдней представляетъ намъ многоступеней перехода отъ монолога къ діалогу при посредствѣ замѣны хора, роль котораго все уменьшается. Греческая трагедія какъ была въ самомъ началѣ, такъ и осталась до конца, религіозной церемоніей, которая, какъ и всѣ религіозныя церемоніи, достигшія послѣдней степени своего развитія въ высшихъ религіяхъ, вмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ ритуальные монологи и діалоги¹, молитвы и разговоры. Но потребность разговаривать все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ потребностью молиться.

Во всѣ времена собесѣдники говорятъ о томъ, что преподали имъ ихъ священники или ихъ профессора, ихъ родители или ихъ учителя, ихъ ораторы или ихъ журналисты.

¹ Въ юридическихъ церемоніяхъ первоначальнаго Рима (при исполненіи закона) есть также ритуальные разговоры. Не предшествовали ли имъ также монологи?

Итакъ, монологи, произносимые высшими, служатъ пищей для діалоговъ между равными. Прибавимъ, что весьма рѣдко у обоихъ собесѣдниковъ роли бываютъ совершенно равны. Чаще всего одинъ говоритъ гораздо больше другого. Діалоги Платона служатъ этому примѣромъ. Переходъ отъ монолога къ діалогу подтверждается въ эволюціи парламентскаго краснорѣчія. Торжественныя, напыщенныя, непрерывныя рѣчи были обычными въ прежнихъ парламентахъ; въ современныхъ парламентахъ онѣ — явленіе исключительное. Чѣмъ дальше мы поднимаемся впередъ, тѣмъ больше засѣданія палатъ депутатовъ напоминаютъ если не салоны, то споры въ тѣсныхъ кружкахъ или въ кафѣ. Между рѣчью во французской палатѣ, часто прерываемой остановками — съ одной стороны, и извѣстными бурными разговорами — съ другой, разстояніе сводится къ минимуму.

Говорятъ для того, чтобы поучать, чтобы просить или приказывать, или, наконецъ, для того, чтобы спрашивать. Вопросъ, сопровождаемый отвѣтомъ, вотъ уже зародышъ діалога. Но если вопросъ задаетъ все одинъ и тотъ же, а другой отвѣчаетъ, то такой односторонній допросъ не есть разговоръ, т. е. допросъ обоюдный, рядъ переплетенныхъ между собой вопросовъ и отвѣтовъ, обмѣнныхъ поученій, взаимныхъ возраженій. Искусство разговаривать могло родиться только послѣ продолжительнаго изошренія умовъ столѣтіями предварительныхъ упражненій, которыя должны были начинаться съ самыхъ отдаленныхъ временъ.

Но не въ самыя отдаленныя доисторическія времена люди должны были разговаривать всего меньше, или меньше всего пытаться разговаривать. Такъ какъ разговоръ предполагаетъ прежде всего досугъ, извѣстное разнообразіе въ жизни и въ поводахъ для собранія, то полная случайностей и часто праздная жизнь первобытныхъ охотниковъ или рыболововъ¹, которые часто собирались, чтобы охотиться, ловить

¹ Въ палеолитическую эпоху, называемую эпохой Магдалины, когда процвѣтало наивное искусство когда все показываетъ существованіе

рыбу или поѣдать вмѣстѣ плоды своихъ коллективныхъ усилій могла только благопріятствовать ораторскимъ боямъ лучшихъ говоруновъ. Поэтому эскимосы, одновременно и охотники и рыболовы, говорятъ очень много. Этотъ народъ—дѣтя знаетъ уже визиты. „Мужчины собираются отдѣльно, чтобы болтать между собой, женщины собираются съ своей стороны и, оплакавъ умершихъ родственниковъ, находятъ предметъ для разговора въ сплетняхъ. Разговоры во время ѣды могутъ продолжаться цѣлыми часами и вращаются около главнаго занятія эскимосовъ, т. е. около охоты. Въ своихъ разсказахъ они описываютъ съ мельчайшими подробностями всѣ движенія охотника и животнаго. Разсказывая эпизодъ изъ охоты на тюленя, они изображаютъ лѣвой рукой прыжки животнаго, а правой рукой всѣ движенія каяка (лодки) и оружія“¹.

Пастушеская жизнь даетъ столько же досуга, какъ и охота, но она болѣе урегулирована и болѣе монотонна, она разсѣиваетъ людей на болѣе продолжительное время. Пастухи, даже кочующіе, какъ арабы и татары, отличаются молчаливымъ характеромъ. И если буколики Виргилія и Теокрыта какъ будто и показываютъ обратное, не надо забывать, что эти оба поэта изображали нравы пастуховъ, цивилизо-

мирнаго и счастливаго населенія (см. по этому предмету книгу Де Мортилье *Formation de la nationalité française*) безъ сомнѣнія должно было говориться очень много въ прекрасныхъ казармахъ, гдѣ жили въ тѣ времена.—Въ *Lettres édifiantes* часто упоминается о любви дикихъ американскихъ охотниковъ, а въ особенности ихъ женъ, къ разговору. Одинъ миссіонеръ хвалитъ новообращенную молодую дикарку за то, что она избѣгала тратить свое время на «многочисленные визиты», которые дѣлаютъ другъ другу женщины той страны (Канада). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что всѣ единогласно хвалятъ эту дѣвушку, несмотря на склонность дикарей «злословить». Иллинойцы, говорятъ намъ другое письмо, «не лишены ума, они умѣютъ вести довольно остроумно шутивыя бесѣды».

¹ Тенишевъ, «Дѣятельность человѣка», 1898 г.

ванныхъ сосѣдствомъ большихъ городовъ. Но, съ другой стороны, пастушеская жизнь связана съ патриархальнымъ режимомъ, при которомъ процвѣтаетъ добродѣтель гостеприимства, а эта послѣдняя можетъ точно такъ же, какъ и социальная іерархія, родившаяся во время этой же социальной фазы, дать происхожденіе обязательному разговору.

Одной изъ причинъ, которыя наиболѣе должны были задерживать появленіе разговора раньше утвержденія сильной іерархіи, была та, что некультурные люди, при сношеніяхъ между равными, склонны говорить всѣ заразъ и безпрестанно прерывать другъ друга¹. У дѣтей нѣтъ недостатка, съ большимъ трудомъ поддающагося исправленію. Давать говорить собесѣднику есть признакъ вѣжливости, на которую въѣдаются сперва изъ уваженія къ высшему, и которую оказываютъ по отношенію ко всѣмъ, когда она вошла уже въ привычку. Эта привычка, однако, могла сдѣлаться общей въ какой-нибудь странѣ только благодаря довольно продолжительной внѣшней дисциплинѣ. Вотъ почему, я думаю, слѣдуетъ полагать, что успѣхи искусства разговаривать въ та-

¹ Во время путешествія въ Триполитанію (1840) Пезана поражалъ оглушительный шумъ на аудіенціяхъ одного бей: «Мамелюки и негры, говоритъ онъ, выѣшивались въ споръ и кончали тѣмъ, что начинали говорить всѣ разомъ, производя такой содомъ, который оглушилъ меня, когда я въ первый разъ присутствовалъ на этихъ дебатахъ. Я спросилъ, почему бей встрѣчалъ столько возраженій противъ своихъ рѣшеній, и каковы были побудительныя причины столь шумныхъ споровъ: не будучи въ состояніи отвѣтить мнѣ категорически, они сказали мнѣ, что это ихъ обычная манера разсуждать между собой».—Есть и исключенія. Если вѣрить *Lettres édifiantes*, иллинойцы были исключительно одарены искусствомъ разговаривать. «Они очень хорошо умѣютъ шутовать, они не знаютъ, что значить спорить и раздражаться во время разговора. Никогда они не прервутъ васъ во время вашей рѣчи. Мужчины, говорили намъ, ведутъ вполне праздную жизнь; они болтаютъ, куря свои трубки, вотъ и все. Женщины работаютъ, но отнюдь не лишаютъ себя также удовольствія поболтать».

комъ видѣ, какъ мы его знаемъ, ведутъ свое начало отъ обязательныхъ, а не отъ произвольныхъ разговоровъ.

При такой точкѣ зрѣнія слѣдуетъ думать, что жизнь земледѣльческая, которая одна допускала образование городовъ и государствъ съ твердымъ правленіемъ, должна была вести къ прогрессу разговора, хотя при большемъ разсѣяніи людей, однообразіи ихъ работъ и уменьшеніи ихъ досуга, она часто дѣлала ихъ молчаливыми. Промышленная жизнь, собирая ихъ въ мастерской и въ городахъ, возбуждала ихъ склонность къ разговору.

Много говорилось о извѣстномъ законѣ *рекапитуляціи*, по которому тѣ фазы, которыя проходитъ умъ ребенка при своемъ постепенномъ формированіи, въ извѣстной неопредѣленной мѣрѣ являются краткимъ повтореніемъ эволюціи первобытныхъ обществъ. Если этотъ взглядъ не лишенъ справедливости, то изученіе разговора у дѣтей могло бы помочь намъ разгадать, что представлялъ собою разговоръ въ первыя времена существованія человѣчества. Задолго до діалога дѣти начинаютъ съ *вопросовъ*. Этотъ допросъ, которому они подвергаютъ своихъ родителей и постороннихъ взрослыхъ людей, является для нихъ первой односторонней формой болтовни. Позднѣе они становятся рассказчиками и слушателями *разсказовъ*, или попеременно рассказчиками и слушателями. Наконецъ, еще позднѣе они дѣлаютъ замѣчанія, они выражаютъ общія наблюденія, которыя представляютъ собою уже зародышъ *рѣчи*; и когда рѣчь въ свою очередь становится взаимной, получается споръ, затѣмъ разговоръ. Дѣйствительно, ребенокъ вѣрить гораздо раньше, чѣмъ начинаетъ противорѣчить. У него бываетъ фаза противорѣчія точно такъ же, какъ раньше была фаза спрашиванія.

Но спрашивать, рассказывать, разговаривать, спорить, все это упражненіе ума ребенка. Ему предшествуетъ упражненіе воли.

Ребенкомъ *повелѣваютъ*, и онъ самъ *повелѣваетъ* гораздо

раньше, чѣмъ его начать учить и онъ самъ станетъ учить. Приказаніе идетъ прежде указанія. Ребенокъ борется, прежде чѣмъ станетъ разсуждать и даже спорить; онъ чувствуетъ противорѣчіе желаній другого, прежде чѣмъ начнетъ чувствовать противорѣчіе сужденій другого. Онъ можетъ почувствовать противорѣчіе этихъ желаній, затѣмъ этихъ убѣжденій только тогда, когда самъ подвергнется ихъ прививкѣ. Его послушаніе и довѣріе являются предварительнымъ и необходимымъ условіемъ его духа непослушанія и противорѣчія. Такимъ образомъ, ребенокъ бываетъ спорщикомъ и болтуномъ потому, что сначала и прежде всего онъ былъ подражатель.

Если мы по этимъ наблюденіямъ станемъ догадываться о томъ, каково должно было быть прошлое разговора у человѣческихъ расъ, то согласимся прежде всего, что, несмотря на весьма глубокую доисторическую древность, разговоръ не можетъ восходить къ самому началу человѣчества. Ему долженъ былъ предшествовать не только длинный періодъ молчаливаго подражанія, но и слѣдующая затѣмъ фаза, когда люди любили рассказывать или слушать рассказы, но не болтать. Это—фаза эпоей. Греки сколько угодно могли быть самой болтливой расой, но не менѣе достоверно и то, что во времена Гомера болтали мало, если только пѣлью не было *задавать другъ другу вопросы*. Всѣ разговоры носили утилитарный характеръ. Герои Гомера *много повѣствуютъ*, но *очень мало болтаютъ*. Или же ихъ бесѣды представляютъ собою только попеременные рассказы. „При первыхъ лучахъ авроры, говоритъ Менелай въ Одиссеѣ (пѣсня IV) мы обмѣняемся съ Телемакомъ длинными рѣчами и будемъ вести взаимную бесѣду“. Обмѣняться длинными рѣчами—это называлось въ ту эпоху вести бесѣду.

Единственные разговоры, повидимому праздные это разговоры влюбленныхъ, даже и тѣ имѣли утилитарный характеръ. Гекторъ, колеблясь итти къ Ахиллу съ предложеніями усло-

вій мира, говорить подь конецъ: „Я не пойду къ этому человеку, онъ не почувствуетъ ко мнѣ никакого сожалѣнія... Не время теперь разговаривать съ нимъ о дубѣ и о скалѣ, какъ разговариваютъ между собой юноши и дѣвы. Лучше сразиться“. Такимъ образомъ юноши и дѣвы уже *флиртовали* тогда, и ихъ флиртъ состоялъ въ разговорѣ „о дубѣ и о скалѣ“, т. е., вѣроятно, о предметахъ народнаго суевѣрія. Только въ эпоху Платона, уже достигнувъ извѣстной степени цивилизаціи, греки любятъ діалогъ, какъ время препровожденіе подь сѣнью тополей, окаймляющихъ Илліссъ.—Въ противоположность древнимъ эпопеямъ а также *chansons de geste*, гдѣ разговоры только попадаются въ рѣдкихъ мѣстахъ, современные романы, начиная съ романовъ М-еле де-Скюдери, отличаются все возрастающимъ обиліемъ діалоговъ.

III.

Для того, чтобы хорошо понять историческія видоизмѣненія разговора, существенно важно проанализировать какъ можно ближе его поводы. Поводы его бываютъ лингвистическіе: языкъ богатый, гармоничный, выражающій много оттѣнковъ предрасполагаетъ къ болтовнѣ. Онъ имѣетъ поводы религіозные: его теченіе измѣняется сообразно съ тѣмъ, будетъ ли національная религія ограничивать въ большей или меньшей степени свободу слова, запрещать подь страхомъ болѣе или менѣе суровыхъ наказаній флиртъ, злословіе, „распущенность ума“, будетъ или не будетъ противиться прогрессу наукъ и народному образованію, будетъ или не будетъ налагать правило молчанія на извѣстныя группы, на христіанскихъ монаховъ или на пиеагорійскія братства и введетъ ли въ моду тотъ или этотъ предметъ теологическихъ споровъ, воплощеніе, искупленіе, безпорочное зачатіе ¹—Поводы его быва-

¹ Проѣзжая по югу Испаніи, Дюмонъ Дюрвилъ замѣчаетъ слѣдующее: „бои быковъ и споры о безпорочномъ зачатіи, споры, родившіеся въ

политическіе: въ демократическомъ обществѣ разговоръ ставится тѣми сюжетами, которые доставляетъ ему трибуна или бирательная жизнь, въ абсолютной монархіи—литературной критикой и психологическими наблюденіями за недостаткомъ другихъ темъ. Поводы его бываютъ экономическіе ¹, изъ которыхъ главный я уже отмѣтилъ: досугъ, удовлетвореніе настоящей настоятельныхъ потребностей. Словомъ, нѣтъ ни одной стороны соціальной дѣятельности, которая не была въ тѣсномъ отношеніи съ нимъ, и видоизмѣненія которой не видоизмѣняли бы его. Я позволю себѣ просто напомнить то вліяніе, какое могутъ оказывать на него нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ, имѣющія гораздо меньшій интересъ. Тонъ и ходъ разговора находятся въ зависимости отъ положенія тѣла во время рѣчи. Разговоры, которые ведутся *сидя*, бываютъ наиболѣе обдуманними, наиболѣе существенными; такіе разговоры наиболѣе часты въ наше время, но они отнюдь не были въ модѣ при дворѣ Людовика XIV, когда привилегія табурина принадлежала только принцессамъ, всѣ должны были болтать стоя. Древніе народы въ своихъ монастыряхъ провинціи, занимаютъ всѣ умы, безъ исключенія“. Теперь я нашелъ бы, что всѣ погружены въ политику,—единственный сюжетъ разговоровъ какъ въ Испаніи, такъ, и во всѣхъ испанскихъ республикахъ Южной Америки.

¹ Однимъ изъ самыхъ значительныхъ препятствій къ учрежденію кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, представляющихъ такія невидныя преимущества для потребителя, является, по словамъ одного превосходнаго наблюдателя „привычка къ сплетнямъ, практикующимся въ лавкахъ. Тамъ встрѣчаются, тамъ обмѣниваются новостями квартала, вся эта мелочная болтовня, столь драгоценная для женщинъ, привыкаетъ ихъ къ поставщикамъ. Именно, благодаря этой склонности женщинъ, нѣкоторыя общества (въ видѣ исключенія) рѣшаются продавать *публики* (и не только однимъ членамъ общества), потому что тогда магазинъ не имѣетъ обособленнаго вида, и женщины какъ бы приходятъ въ обыкновенную лавку“. Отсюда мы видимъ, насколько силенъ и нестерпимъ потокъ разговоровъ, разъ уже получившій начало. Мы можемъ видѣть другое доказательство во всеми признаваемой трудности

трикминякъ больше всего любили бесѣдовать *лежа*¹, и эти бесѣды, должно быть, были не менѣе прелестны, если мы будемъ судить о нихъ по характерной медлительности, по очаровательной тягучести и плавности записанныхъ диалоговъ, которые остались намъ отъ древнихъ народовъ. Но разговоры перипатетиковъ во время прогулокъ имѣютъ характеръ болѣе быстрый и оживленный. Вполнѣ достоверно, что рѣчь, произносимая стоя, глубоко разнится по своему характеру и большей торжественности, отъ рѣчи, произносимой въ сидячемъ положеніи, болѣе фамиллярной и болѣе краткой. Что же касается рѣчей въ лежащемъ положеніи и рѣчей во время прогулокъ, то я не знаю примѣра таковыхъ. Еще одно замѣчаніе. Довольно часто, и тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ первобытной жизни, мужчины и женщины, особенно женщины, болтаютъ между собой, только занимаясь чѣмъ-нибудь другимъ, либо дѣлая какую-нибудь легкую работу, какъ дѣлаютъ крестьяне, которые перебираютъ овощи въ то время, какъ женщины прядутъ, шьютъ или вяжутъ, либо закусывая и выпивая въ кафе и т. п.—Садитесь другъ противъ друга нарочно и исключительно для того, чтобы болтать, есть утонченная привилегія цивилизаціи. Ясно, что то занятіе, которому предаются во время разговора, не можетъ не оказывать вліянія на манеру болтовни.—Еще другой родъ вліянія: утренній разговоръ всегда нѣсколько отличается отъ разговора послѣ обѣда, или вечеромъ. Въ Римѣ, когда во времена имперіи визиты происходили утромъ, ничего сход-

сохранить секретъ, если знаютъ, что онъ можетъ интересоваться собеседника, даже тогда, когда молчать бываетъ прямая выгода. Эта трудность, иногда столь большая, можетъ служить мѣриломъ симпатической склонности, потребности устнаго общенія съ подобными себѣ.

¹ Не будемъ смѣшивать эти бесѣды съ тѣми, о которыхъ говоритъ намъ Дюмонъ Дюрвиль по поводу Гавайскихъ острововъ: „Въ числѣ странныхъ обычаевъ этой страны,—говоритъ онъ, нужно упомянуть о манерѣ вести бесѣду, растянувшись на животѣ на циновкахъ“.

го съ болтовней нашихъ *five o'clock* овъ не могло быть. Мы не будемъ останавливаться на этихъ мелочахъ¹.

Прежде всего нужно принять во вниманіе время, которое можно посвятить болтовнѣ, количество и натуру тѣхъ лицъ, съ которыми можно болтать, количество и природу тѣхъ сюжетовъ, о которыхъ можно болтать. Время, которое можно употребить на болтовню, увеличивается вмѣстѣ съ досугомъ, оставаемымъ богатствомъ, благодаря усовершенствованіямъ производства. Число лицъ, съ которыми можно болтать, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается первоначальная многочисленность языковъ, и расширяется область ихъ распространенія². Количество сюжетовъ для разговора увеличивается вмѣстѣ съ прогрессированіемъ наукъ, вмѣстѣ съ умноженіемъ и ускореніемъ свѣдѣній всякаго рода. Наконецъ, при помощи измѣненія нравовъ въ демократическомъ смыслѣ, не только увеличивается число людей, съ которыми можно вести бесѣду, но измѣняется также и ихъ качество. Представители различныхъ социальныхъ слоевъ свободнѣе вступаютъ въ разговоръ; и, благодаря переселенію деревень въ города, благодаря какъ бы превращенію въ города даже самихъ деревень, благодаря поднятію средняго уровня общаго

¹ Демулэнъ, въ своей книгѣ о современныхъ французахъ, какъ бы созданной и выпущенной въ свѣтъ нарочно для того, чтобы служить пробнымъ камнемъ для его общихъ идей, объясняетъ вліяніемъ оливковаго дерева и каштана любовь южанъ къ разговорамъ и ихъ склонность къ преувеличеніямъ.

² Оно возрастаетъ, само собой разумѣется, вмѣстѣ съ количествомъ и съ густотой населенія. Болтаютъ гораздо меньше—*caeteris paribus*—въ деревняхъ, нежели въ городахъ; значить, передвиженіе деревень ближе къ городамъ благопріятствуетъ разговору и преобразовываетъ его. Но въ маленькихъ городахъ, гдѣ жители по большей части ведутъ праздный образъ жизни, и всѣ знаютъ другъ друга, не болтаютъ ли тамъ больше, чѣмъ въ большихъ городахъ? Нѣтъ, потому что тамъ не достаетъ предметовъ для разговора. Разговоръ, заслуживающій это названіе, представляетъ тамъ собою только отголосокъ разговора большихъ городовъ.

образованія, природа разговоровъ становится совсѣмъ другой, новые сюжеты водворяются на мѣсто прежнихъ. Словомъ, говорить на одномъ и томъ же языкѣ, имѣть знакомства и общія идеи, быть свободнымъ отъ работы—вотъ необходимые условія болтовни. Итакъ, все, что объединяетъ и обогащаетъ языки, все, что объединяетъ воспитаніе и образование, усложняя ихъ задачу, все, что увеличиваетъ досугъ, укорачивая работу болѣе продуктивную, совершаемую съ помощью естественныхъ силъ,—все это способствуетъ развитію разговора.

Отсюда мы можемъ видѣть то огромное дѣйствіе, какое оказали на него великія изобрѣтенія нашего вѣка. Благодаря имъ, пресса могла наводнить цѣлый свѣтъ и пропитать его до самыхъ послѣднихъ народныхъ слоевъ. И величайшей силой, управляющей современными разговорами, является книга и газета. Когда книги и газеты еще не наводняли міръ, въ разныхъ городахъ, въ разныхъ странахъ не было ничего болѣе различнаго, какъ сюжетъ, тонъ и ходъ бесѣды, и ничего болѣе однообразнаго въ каждомъ изъ нихъ во всякое время. Теперь же совершенно наоборотъ. Пресса объединяетъ и оживляетъ разговоры, дѣлаетъ ихъ однообразными въ пространствѣ и разнообразными во времени. Каждое утро газеты доставляютъ своей публикѣ матеріалъ для разговора на весь день. Можно приблизительно всегда съ увѣренностью сказать, о чемъ разговариваютъ люди въ какомъ-нибудь кружкѣ, въ курительной комнатѣ, въ коридорѣ суда. Но сюжетъ разговора мѣняется каждый день, или каждую недѣлю, за исключеніемъ случаевъ, къ счастью весьма рѣдкихъ національнаго или интернаціональнаго помѣшательства на одномъ предметѣ. Это все возрастающее сходство одновременныхъ разговоровъ на все болѣе и болѣе обширномъ географическомъ пространствѣ является одной изъ наиболѣе важныхъ характерныхъ чертъ нашей эпохи, такъ какъ она въ значительной степени объясняетъ намъ все возрастающее

могущество общественнаго мнѣнія противъ традиціи и даже противъ разума, и это все увеличивающееся несходство послѣдовательныхъ разговоровъ объясняетъ точно такъ же непостоянство мнѣнія, этотъ противовѣсъ его могущества¹.

Отмѣтимъ одно обстоятельство, весьма простое, но имѣющее извѣстное значеніе. Эволюція разговора происходила вовсе не самопроизвольно, только въ силу того, что люди болтали другъ съ другомъ. Нѣтъ, нужно было, чтобы новые слухи и новые источники разговора проявлялись, благодаря послѣдовательному ряду, частью случайному, частью логическому, разныхъ открытій, географическихъ, физическихъ, историческихъ, изобрѣтеній земледѣльческихъ или промышленныхъ, идей политическихъ или религіозныхъ, произведеній литературы или искусства. Эти-то новшества, появившіяся въ какихъ-нибудь мѣстахъ одно послѣ другого и дѣлавшіяся достояніемъ избранныхъ группъ прежде чѣмъ распространиться дальше, совершенствовались и преобразовывали тамъ искусство разговора, заставляя отвергать извѣстные архаическія формы бесѣды, старинные обороты рѣчи, шутовство, смѣшное жеманство. Если же подъ *эволюціей* разговора мы разумѣли бы непрерывное и самопроизвольное развитіе, то это было бы заблужденіемъ. И это замѣчаніе приложимо ко всѣмъ родамъ эволюціи, которые, если присмотрѣться къ нимъ, представляются въ видѣ попеременныхъ введеній, въ видѣ послѣдовательныхъ и наложенныхъ другъ на друга прививокъ новыхъ началъ.

Въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ, куда, предполо-

¹ Но сходные или непостоянные разговоры свидѣлствуютъ собою объ огромномъ прогрессѣ въ смыслѣ социальномъ, такъ какъ слияніе классовъ и профессій, моральное единство отечества, могутъ считаться настоящими, только съ того момента, когда люди принадлежащіе къ разнымъ различнымъ классамъ и профессіямъ, будутъ въ состояніи поддерживать другъ съ другомъ разговоръ. Мы обязаны этимъ благодѣяніемъ—взять сколько-нибудь золь—ежедневной прессѣ.

жимъ, закрыть доступъ газетъ, и гдѣ нѣтъ удобнаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, какъ въ прежнія времена, жители могутъ болтать сколько угодно, но разговоръ не поднимется самъ по себѣ выше фазы простыхъ сплетенъ. Безъ помощи прессы деревенскіе обыватели, какъ бы они ни были болтливы, будутъ почти всегда говорить только объ охотѣ, или генеалогіи, и наиболѣе болтливые магистраты будутъ говорить только о правѣ или о „движеніяхъ по службѣ“, на подобіе офицеровъ германской кавалеріи, которые, по словамъ Шопенгауэра, только и говорятъ, что о женщинахъ и лошадяхъ.

Волнообразное, такъ сказать, распространеніе подражанія этого мало-по-малу уравнивающего и цивилизующаго начала однимъ изъ самыхъ могущественныхъ агентовъ которыхъ является разговоръ, объясняетъ намъ безъ труда необходимость того двойного стремленія, которое мы замѣчаемъ при первомъ взглядѣ на эволюцію разговора, а, именно, съ одной стороны численное увеличеніе пригодныхъ другъ для друга собесѣдниковъ и сходныхъ между собой реальныхъ разговоровъ, а съ другой стороны, именно въ силу этого увеличенія переходъ отъ сюжетовъ узкихъ, интересующихъ только небольшую группу, къ сюжетамъ все болѣе и болѣе отвлеченнымъ и общимъ¹. Но, если эта двойная наклонность

¹ До XVIII в. такой салонъ, какъ Гольбаха, не былъ возможенъ. Салонъ М-те де Рамбулье былъ салономъ литературнымъ и напыщеннымъ, безъ малѣйшей свободы ума—гдѣ если и было что-нибудь болѣе или менѣе свободное, такъ это любовный и изящный разговоръ (еще бы!)—тогда какъ въ салонѣ Гольбаха слышался, говорить Морелле, „разговоръ самый свободный, самый поучительный и самый оживленный, какой когда-либо можно было услышать: когда я говорю свободный, я разумно свободу сужденій о философіи, религіи, правительствѣ, такъ какъ вольныя шутки изъ другой области были изъ него изгнаны“. Совершенно противоположное происходило въ XVI вѣкѣ и въ средніе вѣка: *gauloise*—это была свобода разговоровъ на темы о половыхъ отношеніяхъ, которая заняла мѣсто всякой другой свободы. Салонъ Гольбаха, какъ

динакова вездѣ, то она не мѣшаетъ теченію эволюцій разговора быть настолько же отличнымъ другъ отъ друга въ различныхъ націяхъ, при различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, насколько русло Нила или Рейна разнится отъ русла Ганга или Амазонки. Точки отправленія многосложны, какъ мы уже видѣли; пути и конечный пунктъ, если только есть конечный пунктъ, не менѣе разнообразны. Мы не вездѣ видимъ при дворныхъ шутовъ, нелѣпныя выходки которыхъ служили такимъ развлеченіемъ въ средніе вѣка, не вездѣ находимъ отели Рамбулье, появленіе которыхъ произвело несносныхъ Трибулэ¹. Съ достовѣрностью можно сказать, что во Франціи исчезновеніе этихъ кривлякъ и шутовъ было лучшимъ признакомъ успѣховъ разговора. Последнимъ шуткомъ былъ Ланжель при Людовикѣ XIII. Но въ Римѣ, въ Афинахъ, на крайнемъ Востоку не было. ничего подобнаго.

Благодаря чему, флирту ли, или дипломатическимъ сношеніямъ, или же спорамъ церковнымъ или школьнымъ искусство разговора достигло того, что стало сознавать себя? Это зависитъ отъ страны. Итальянскій разговоръ особенно развился благодаря дипломатіи, французскій—благодаря галантности, царишей при французскихъ дворахъ, афинскій разговоръ развился благодаря софистической аргументаціи, римскій разговоръ—благодаря дебатамъ на форумѣ, а во времена Сципіоновъ—благодаря урокамъ греческихъ риторовъ.

салонъ Гельвеціуса, какъ салоны всего конца XVIII в., собирали собесѣдниковъ всѣхъ классовъ и всѣхъ національностей, — эклектизмъ совершенно немыслимый раньше. Какъ по огромному разнообразію происхождения собесѣдниковъ, такъ и по необычайному разнообразію и свободѣ сюжетовъ для разговора, эти салоны сильно разнились отъ прежнихъ собраний для разговора.

¹ Одинъ изъ нихъ Брюскэ забавляется тѣмъ, что выдаетъ себя за врача въ лагерь Анны Монморанси и дѣйствительно отправляетъ, *ad patres* всѣхъ больныхъ, въѣренныхъ его попенію. Въѣсто того, чтобы повѣсить его, Генрихъ II далъ ему должность начальника почты въ Парижѣ.

Можно ли удивляться, видя столь различные виды цвѣтенія, что цвѣта и ароматы цвѣтка представляютъ собою такое большое разнообразіе? Лансонъ видитъ въ эпохѣ Сципіоновъ такую эпоху, когда римляне научились разговаривать съ изысканностью и учтивостью. Въ діалогахъ Цицерона и Варрона онъ видитъ не только подражаніе діалогамъ Платона, но „идеализированный, хотя живой и вѣрный образъ разговоровъ римскаго общества“, разговоровъ, впрочемъ, лишенныхъ пріятности, въ которыхъ чувствуется школа, а не дворъ. Женщины войдутъ въ кругъ собесѣдниковъ позднѣе, во времена Северовъ и Антониновъ, между тѣмъ какъ у насъ они царили тамъ во все времена подъ совмѣстнымъ вліяніемъ христіанства и рыцарской галантности. Но не будучи необходимыми, какъ мы видѣли, для всѣхъ родовъ прогресса разговора, присутствіе женщинъ въ общественной жизни имѣетъ одинъ даръ, а именно, оно ведетъ разговоръ къ той степені изысканности и гибкости, которая во Франціи придаетъ ему неопредѣлимую прелесть.

Можно отмѣтить другую общую наклонность преобразованій разговора. Пробѣгая по капризнымъ излучинамъ своихъ разнообразныхъ потоковъ, онъ стремится стать все въ меньшей и меньшей степени борьбой, и все въ большей и большей степени обмѣномъ идей. Удовольствіе спорить соответствуетъ дѣтскому инстинкту, инстинкту котятъ, нѣкоторыхъ животныхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, которыя подобно нашимъ дѣтямъ забавляются подобіемъ битвъ въ маленькихъ размѣрахъ. Но пропорція спора въ діалогахъ взрослыхъ людей идетъ постепенно уменьшаясь. Прежде всего существуетъ цѣлая категорія споровъ, нѣкогда безчисленныхъ, горячихъ, оживленныхъ, которые быстро исчезаютъ, напр., манера торговаться замѣнена манерой выставлать *prix fixe*. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ свѣдѣнія относительно разныхъ вещей становятся болѣе точными, болѣе вѣрными, болѣе многочисленными, по мѣрѣ того какъ мы имѣемъ числовые

данные относительно разстояній, населенія городовъ и государствъ и т. д.; все порожаемое коллективнымъ самолюбіемъ яростные споры, относительно того, стоитъ ли выше такая-то корпорація, такая-то церковь, такая-то фамилія въ мысли кредита, могущества, было ли движеніе въ такомъ-то портѣ значительнѣй, чѣмъ въ другомъ по количеству и силѣ судовъ и т. п., все эти споры становятся безпредметными. Споры еще болѣе ожесточенные, которые вызывались конфликтомъ индивидуальныхъ самолюбіевъ въ силу взаимнаго непониманія, прекращаются или же ослабляются благодаря болѣе частымъ столкновеніямъ и болѣе полному знанію друга друга. Каждое новое свѣдѣніе заставляетъ изсякнуть прежній источникъ спора. Сколько подобныхъ источниковъ изсякло въ начала нашего вѣка! Обычай путешествовать, распространяясь въ обществѣ, много содѣйствовалъ ясности той идеи, такую составляютъ одна о другой различныя провинціи и націи, и сдѣлалъ невозможнымъ возвратъ споровъ, порожаемыхъ невѣжественнымъ патріотизмомъ. Наконецъ, все возрастающая религіозная индифферентность облегчаетъ съ каждымъ днемъ соблюденіе вѣжливости, воспреещающей вступать въ религіозные споры, бывшіе нѣкогда самыми ужасными и самыми страстными изъ всѣхъ существовавшихъ. Политическая индифферентность, дѣлаясь также общимъ достояніемъ, начинаетъ производить аналогическое слѣдствіе въ этой другой бурной области.

Правда, что прогрессъ ясныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, разрѣшивъ прежнія волнующія проблемы, поставилъ на мѣсто ихъ новыя и вызвалъ новые споры, но эти споры носятъ болѣе безличный и менѣе обостренный характеръ, исключая всякое чрезмѣрное увлеченіе: споры философскіе, литературные, эстетическіе, моральные, которые возбуждаютъ противниковъ, не задѣвая ихъ за живое. Одни только парламентскіе споры, повидимому—можетъ-быть, дѣйствительно только повидимому—ускользаютъ отъ этого закона прогресса.

сивнаго смягченія: можно было бы сказать, что въ нашихъ современныхъ государствахъ ферментъ раздора стремится спрятаться тамъ, какъ въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ.

Итакъ, можно утверждать, что будущность принадлежитъ мягкому и спокойному разговору, полному учтивости и любезности. Что же касается того, какой родъ разговора будетъ въ концѣ концовъ преобладать, любовный ли, философскій или эстетическій, то нѣтъ ничего, что позволяло бы рѣшить этотъ вопросъ. Эволюція разговора безъ сомнѣнія будетъ имѣть нѣсколько исходовъ, точно такъ же какъ она имѣла нѣсколько началъ и нѣсколько различныхъ путей, несмотря на нѣкоторое единство общаго наклоненія ¹.

IV.

Бросивъ общій взглядъ на эволюцію разговора, займемся подробнѣе разговоромъ, культивируемымъ какъ особый родъ

¹ Мнѣ почти не нужно отмѣчать, — настолько мнѣ кажется это очевиднымъ, — что эволюція разговора сообразуется съ законами подражанія, а именно, съ закономъ подражанія, по которому высшему подражаетъ низшій, считающійся и самого себя считающій за такового. Мы увидимъ также, что нашъ примѣръ подтверждаетъ идею, на которой настаивалъ нѣсколько разъ, что столицы въ демократическихъ государствахъ играютъ для нихъ роль аристократіи. Въ прежнія времена новыя формы и новые сюжеты разговора исходили отъ двора, отъ избранной аристократіи, которой подражали дворцы большихъ городовъ, замки, а затѣмъ буржуазные дома. Въ наше время такимъ мѣстомъ откуда распространяется повсюду тонъ и содержаніе злободневныхъ разговоровъ, является Парижъ, которому подражаютъ большіе города средніе, маленькіе, до послѣдней деревни, гдѣ читаются листки или парижскіе, или представляющіе собою телеграфическое эхо парижскихъ свѣдѣній. Доказательствомъ этого происхожденія служитъ именно распространеніе парижскаго акцента до самаго юга. Какъ за-границей, такъ и у насъ акцентъ столицы распространился въ провинціяхъ, и никогда не было замѣчено обратнаго, тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ столица въ дѣйствительности заслуживаетъ этого названія. Если бы столицей Франціи былъ Бордо, вся Франція говорила бы съ гасконскимъ акцентомъ

искусства и прелестное удовольствіе ¹. Въ какой моментъ расцвѣтаетъ онъ въ этомъ видѣ? Признакомъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ такого расцвѣта можетъ служить процвѣтаніе драматическаго искусства и особенно комедіи, которая со своей исключительно діалогической формой не могла не пробраться въ первый рядъ литературы и утвердиться въ классическихъ разсказахъ, гдѣ развивается только дѣйствіе, каковы бы въ дѣйствительной жизни не были примѣровъ разговоровъ такихъ же блестящихъ и прекрасныхъ, какъ битвы. Такимъ объясняется тотъ фактъ, что эпопея всюду предшествовала драмѣ. Замѣтимъ, что разговоры всегда отражаютъ дѣйствительную жизнь: эскимось, краснокожіи говорятъ только о охотѣ, солдаты болтаютъ о сраженіяхъ, игроки объ игрѣ, путешественники о путешествіяхъ. Привычный образъ жизни воспроизводится ночью въ сновидѣніяхъ, а днемъ въ разговорахъ, которые являются сложными, взаимно внушенными сновидѣніями двоихъ или троихъ. Онъ воспроизводится также въ письменной литературѣ, которая есть закрѣпленіе слова. Но драматическое искусство есть нѣчто большее, оно есть *воспроизведение*, а не только сохраненіе слова. Оно является въ нѣкоторомъ родѣ отраженіемъ отраженія дѣйствительной жизни.

Еще болѣе очевиднымъ признакомъ царства культивируемаго слова является обыкновеніе въ домахъ высшихъ классовъ отдѣлять одну комнату специально для болтовни (*causoir*). Такое существованіе такой публичной комнаты не менѣе многозначительно: у грековъ въ ихъ гимназіяхъ принято было устраивать на ряду съ другими помѣщеніями огороженное пространство, покрытое или непокрытое, называемое *экседра*, гдѣ собирались философы, и которое служило имъ *клубомъ*.

¹ „Намъ нужны, — пишетъ M-lle de Монпасье къ M-me de Мотвилъ, — всякаго рода люди, чтобы говорить о всякаго рода вещахъ во время разговора, который на вашъ и на мой вкусъ есть величайшее удовольствіе жизни и почти единственное по моему мнѣнію.“

Это было лучше, чѣмъ устраивать салонъ на вольномъ воздухѣ, какъ въ нашихъ деревняхъ „подъ древеснымъ шатромъ“. Римскіе патриціи временъ имперіи, безъ сомнѣнія примѣру грековъ, имѣли въ своихъ богатыхъ жилищахъ ризницю съ *триклиніями* и библіотеками галереи, называемыя также *экседра*, гдѣ они принимали философовъ, поэтовъ и почетныхъ посѣтителей.

Происхождение нашихъ современныхъ салоновъ весьма различно. Не ведутъ ли они свое происхождение отъ комнаты для разговора (*parloir*), существовавшей въ монастыряхъ, хотя она и отвѣчала потребности другого рода, а именно сдѣлать гдѣ-нибудь исключеніе, и необходимое исключеніе для монастырскаго правила молчанія? ¹ Это кажется весьма вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, появившійся въ итальянскихъ дворцахъ въ XV в. *салонъ* распространился въ замкахъ французскаго Ренессанса и въ парижскихъ отеляхъ ². Но его распространеніе двигалось весьма медленно въ буржуазныхъ домахъ вплоть до нашего вѣка, когда нѣтъ такого маленькаго помѣщенія, которое не претендовало бы имѣть свой салонъ. Читая сдѣланное Делагантомъ описаніе того дома, который построилъ себѣ его прапрадѣдъ въ Креси въ 1710 г., я замѣчаю, что тамъ не было отдѣльной комнаты для приема посѣтителей. Залу, столовую, даже спальню, все это совмѣщала въ себѣ одна комната. А дѣло идетъ о представителѣ среднебуржуазіи, стоявшемъ на пути къ обогащенію. Въ этомъ домѣ обѣдали часто на кухнѣ. Но въ этомъ домѣ, слышемъ тогда

¹ Замѣтимъ, что обѣтъ молчанія, добровольный отказъ отъ всякаго безполезнаго разговора, всегда считался самымъ суровымъ способомъ умерщвленія плоти, наиболее жестокимъ и чаще всего нарушаемымъ правиломъ, какое только могло изобрѣсти воображеніе основателей монастырскихъ орденовъ. Это доказываетъ до какой степени потребность болтать является всеобщей и непреодолимой.

² Каждая *précieuse* имѣла свой салонъ подъ именемъ *приюта*, *библиотеки*, *аллея*.

а весьма комфортабельный, былъ „кабинетъ отдохновенія“, предназначенный для одиночества, а не для пріемовъ.

Во Франціи отель Рамбулье, открывшій свой салонъ почти за вѣкъ великаго вѣка, около 1600 г., былъ не первой красоты, но первой школой искусства болтать. И именно благодаря 800 *précieuses*, которыя были воспитаны на этихъ урокахъ и имена которыхъ сохранились для потомства, распространилась, употребляя выраженіе одного современника, „всеобщая горячка разговора“; а изъ Франціи, бывшей въ тѣ времена всемірнымъ образцомъ, эта страсть вскорѣ распространилась за границу. Она несомнѣнно имѣла глубокое вліяніе на образованіе и преобразование французскаго языка. *Précieuses*, говоритъ намъ аббатъ де Пюръ ¹, „даютъ торжественный обѣтъ чистоты стилю, вѣчной войны съ педантами и провинціалами“. По словамъ Сомэза, „онѣ говорятъ иногда *новыя слова*, не замѣчая этого, но вводятъ ихъ съ наивысшей осторожностью и деликатностью, какую только можно вообразить“.

По словамъ аббата де Пюръ, вопросы языка и грамматики поднимаются въ ихъ разговорахъ ежеминутно, по каждому случаю. Одна изъ нихъ не хочетъ, чтобы говорили: „я люблю дыню“, такъ какъ это значитъ унижать слово „любовь“. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой *день*, когда назначается свиданіе противникамъ на этихъ турнирахъ болтовни. Отсюда появляется *Calendrier des ruelles*. Этотъ обычай приписывался Mlle de Скюдери, и наши безчисленные современницы, имѣющія также свой день, являются, сами не зная того, ея подражательницами.

Для *précieuses* и для всѣхъ дамъ высшаго общества, подражавшихъ имъ, разговоръ былъ такимъ всепоглощающимъ искусствомъ, что онѣ остерегались на своихъ собраніяхъ употреблять въ дѣло свои десять пальцевъ, несмотря на совершенно противоположный обычай у женщинъ ихъ эпохи.

¹ *Les mystères des ruelles*, романъ (1656 г.).

„Я напрасно искалъ,—говоритъ Редереръ¹,—въ произведеніяхъ того времени указанія на то занятіе, которое дамы высшаго общества примѣшивали къ разговору. Мнѣ хотѣлось бы видѣть въ ихъ рукахъ иголку, челнокъ, вязальный крючокъ; мнѣ хотѣлось бы видѣть этихъ женщинъ вышивающими, занимающимися изящными рукодѣліями“. Это тѣмъ болѣе удивительно, что позднѣе мы видимъ еще M-me de Ментенонъ, остающуюся вѣрной прежнимъ обычаямъ, разматывающую мотки нитокъ и считающую свои клубки во время болтовни съ Людовикомъ XIV.

Въ обществѣ дѣйствительно цивилизованномъ недостаточно, чтобы мебель и самые незамѣтные предметы первой необходимости были произведеніями искусства, нужно еще, чтобы малѣйшія слова, малѣйшіе жесты придавали безмалѣйшей аффектаціи ихъ характеру полезности характера изящества и чистой красоты. Нужно, чтобы были „стильные“ жесты, какъ и „стильная“ мебель². Въ этомъ смыслѣ выдѣляется нашъ аристократическій свѣтъ XVII и XVIII вѣковъ. Но не будемъ думать, что эта склонность его была исключительно. Подъ другими формами эта потребность чувствовалась во всякомъ утонченномъ обществѣ. Она чувствуется еще въ наше время въ эстетическихъ оазисахъ нашей демократіи. Не выходитъ ли, какъ говоритъ Тэнъ, что вкусъ къ утонченному разговору и къ салонной жизни былъ не только болѣе интенсивенъ въ высшихъ классахъ во времена стараго режима, но и являлся характеристической и единственной особенностью французскаго общества во время этой фазы его развитія?

Здѣсь этотъ столь проницательный умъ впадаетъ въ ошибку, и въ ошибку немаловажную. Напримѣръ, онъ приписываетъ

¹ *Memoires pour servir à l'histoire de la société polie en France.* (1835).

² Тюрго, говоритъ Морелле, въ своей юности пользовался нерасположеніемъ своей матери, „которая находила его противнымъ, потому что онъ не умѣлъ кланяться съ настоящей граціей“.

салонной жизни склонность къ общимъ идеямъ въ старинной Франціи. Но Токвиль, найдя въ свое время любовь къ общимъ идеямъ гораздо болѣе развитой въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели въ Англіи, несмотря на сходство расъ и нравовъ, объясняетъ это, мнѣ кажется, вѣрнѣе вліяніемъ режима равенства. Удовольствіе разговаривать объ общихъ идеяхъ или о моральныхъ обобщеніяхъ было любимо также и въ другихъ мѣстахъ, но оно не породило салонной жизни. Дѣйствительно, салонъ есть только признакъ, какъ мы уже говорили, одинъ изъ признаковъ, а не единственная рамка утонченнаго разговора, который и безъ него зародился въ Греціи во времена Перикла, въ Римѣ во времена Августа, въ средніе вѣка въ итальянскихъ городахъ. Эта потребность разговаривать развивала то жизнь гимназій, то жизнь форума, то жизнь монастырей, особенно женскихъ монастырей, гдѣ разговоръ въ эпоху Людовика Святого долженъ былъ быть очень оживленнымъ и интереснымъ; епископъ Эдъ Ригу, посѣтивъ ихъ, былъ скандализованъ. У насъ, въ теченіе этого столѣтія стремится особенно развиться жизнь кафѣ и кружковъ, несмотря на умноженіе „салоновъ“, порождаемыхъ подражаніемъ и тщеславіемъ.

Свѣтскость стараго режима была порождена сложными элементами; упомянемъ, кромѣ удовольствія разговаривать, удовольствіе копировать дворъ или копіи двора, т. е. іерархическую группировку мужчинъ и женщинъ подъ предѣтельствомъ одного лица, къ которому всѣ относятся съ почетомъ и которое представляетъ собою монарха въ уменьшенномъ видѣ: хозяйинъ или хозяйка дома. Способъ поведения въ такой средѣ не состоитъ исключительно въ искусствѣ поддерживать разговоръ, онъ предполагаетъ прежде всего ловкое, увѣренное, деликатное распредѣленіе нюансовъ уваженія по различію достоинствъ и ранговъ; и удовольствіе отъ удовлетворенныхъ такимъ образомъ самолюбій въ подобномъ въ высшей степени іерархическомъ обществѣ цѣнится

по крайней мѣрѣ наравнѣ съ удовольствіемъ отъ обмѣна идеями и соглашенія идей. Наконецъ, родъ гегемоніи, цареніе въ разговорѣ, предоставленное дамамъ во французскомъ салонѣ не могло бы быть понятно безъ стариннаго рыцарскаго уста новленія, обломки котораго собрали монархическіе дворы.

Тѣ упреки, которые Тэнъ въ своей книгѣ о *старомъ порядкѣ* обращаетъ къ свѣтской жизни, не могутъ относиться ко всей жизни разговора. Не справедливо, что эта жизнь была обязательно „искусственной и сухой“. И даже по отношенію къ наиболѣе аристократической салонной жизни это справедливо только до извѣстной степени. Прежде всего, салонная жизнь можетъ сколько угодно выказывать уваженіе къ общественной іерархіи, какъ прежде всего она стремится къ общественной гармоніи путемъ взаимной деликатности въ обращеніи съ самолюбіями; въ силу необходимости должно произойти то, что даже соблюдая разстоянія ранговъ, она будетъ уменьшать ихъ. О ней, какъ о дружбѣ, можно сказать: *pares aut facit aut invenit*; она рождается только между равными или она уравниваетъ; она рождается только между подобными или она ассимилируетъ. Но она уравниваетъ и ассимилируетъ только постепенно. Не подлежитъ сомнѣнію, что равенство правъ и ранговъ является единственнымъ устойчивымъ и окончательнымъ равновѣсіемъ самолюбій, находящихся въ продолжительномъ соприкосновеніи. Впрочемъ, она, какъ всѣмъ извѣстно, есть простая условная маска, прозрачная вуаль, прикрывающая глубокое неравенство талантовъ и индивидуальныхъ достоинствъ, и служитъ для приданія имъ большей цѣны. Эта фикція равенства есть окончательный расцвѣтъ общественности. При королевскомъ дворѣ, вопреки всѣмъ преградамъ этикета, привычка жить и разговаривать съ королемъ устанавливаетъ между нимъ и его подданными почти уравнивающую фамиллярность. „Ваше Величество,“ говорилъ Людовику XVI маршалъ Ришелье, свидѣтель двухъ предшествовавшихъ царствованій,—при Людовикѣ XIV не

могли сказать ни слова, при Людовикѣ XV говорили потишнѣе, при Вашемъ Велиествѣ говорятъ громко“. Но уже гораздо раньше того, какъ уменьшилось разстояніе между придворными и царственнымъ хозяиномъ дома, разстояніе раздѣлявшее приглашенныхъ, сглаживалось мало-по-малу, и безконечныя ступени благородства начали сливаться въ порядки общеніяхъ Двора.

„Искусственная“? Правда ли, что салонная жизнь,—приведемъ жизнь кружковъ, кафэ, и т. д.,—искусственна? Общительная натура человѣка не толкаетъ ли его всегда и вездѣ къ этимъ общимъ играмъ, къ этимъ собраніямъ ради удовольствія подъ самыми разнообразными формами? И не такъ ли же естественны для него эти формы, какъ *стадное чувство* естественно для барана?

Что касается той „сухости сердца“, которую обязательно порождаетъ салонная жизнь, то причину этого я вижу въ томъ чрезмѣрномъ неравенствѣ, которое создается между родителями и дѣтьми и даже между друзьями благодаря аристократическому почтенію, пока оно еще существуетъ въполнѣ. Но лишь только, благодаря самому дѣйствию салонной жизни, какъ мы сейчасъ сказали, это неравенство начинаетъ уменьшаться, появленіе естественныхъ чувствъ нѣжности и страсти охотно допускается; и выставленіе ихъ на показъ можетъ даже превратиться въ свѣтскую аффектацію, какъ это и было въ продолженіе всей второй половины XVIII вѣка, благодаря „возвращенію къ природѣ“, ко всему, что лишено искусственности, къ далекимъ временамъ. Одинъ тотъ фактъ, что салонная жизнь во время одной изъ своихъ фазъ, при своей окончательной фазѣ и, такъ сказать, при своемъ паденіи, благопріятствовала распространенію чувствительности и нѣжнымъ изліяніямъ, этотъ фактъ показываетъ намъ ясно, что сухость сердца не является существеннымъ характернымъ свойствомъ свѣтскости.

Правда, что салонная жизнь во все продолженіе старого

порядка вредила семейной жизни. Но то же самое можно сказать о всякомъ поглощающемъ занятіи, будь то занятіе профессиональное, эстетическое, политическое или религиозное. То, что мѣшаетъ семейной жизни теперь, это уже не салонная жизнь, но это жизнь кружка и кафэ, для рабочего — жизнь мастерской, для адвоката — жизнь суда, для политического дѣятеля — жизнь избирательная и парламентская. Позднѣе, и еще съ большей силой, если бы мечта коллективистов была осуществима, это была бы жизнь фаланстеріи.

Мы не можемъ опять-таки считать однимъ изъ существенныхъ характерныхъ признаковъ свѣтскости то, на что Тэннисонъ указываетъ какъ на наиболее присущую ей и наиболее замѣтную черту, а именно отвращеніе къ сильнымъ новшествамъ, боязнь всего оригинальнаго. Дѣйствительно, слѣдствіемъ всякой интенсивной общественной жизни является такой стремительный потокъ нравовъ, мнѣній, обычаевъ, что трудно противиться ему и большинство среднихъ оригинальностей бываютъ погребены имъ. Однѣ только сильныя и исключительныя оригинальности уцѣлѣваютъ въ немъ, и тогда онѣ становятся очагомъ новой заразы, который распространяетъ ихъ личную печать замѣняя его, или накладывая ее на прежнее клеймо. Такова была проповѣдь одичанія Руссо, которая, прозвучавъ диссонансомъ среди необузданной свѣтской жизни того времени, передѣлала ее по своему вкусу. Можно ли также сказать, что люди, подобные Дидро¹, Вольтеру и многіе другіе не могли заставить принять свою личность, какъ только притупивъ ее

¹ Морелле, среди другихъ современниковъ Дидро, восхищается его разговоромъ. „Въ немъ было много могущества и очарованія; его споръ былъ оживленъ полной искренностью, былъ тонокъ безъ неясности, разнообразенъ въ своихъ формахъ, блисталъ воображеніемъ, былъ обилителенъ идеями и будилъ идеи у другихъ: впродолженіе цѣлыхъ часовъ можно было отдаваться ему, какъ теченію рѣки.“ — Начиная со второй половины послѣдняго столѣтія, именно частныя свѣтскія разговоры были скрытыми источниками великаго потока революціи. Вотъ гдѣ самое страшное возраженіе предполагаемому мизантропизму салоновъ.

V.

Эволюція салонной жизни можетъ послужить намъ для того, чтобы разсмотрѣть съ другой и болѣе уловимой стороны эволюцію разговора. — Называютъ „обществомъ“ — (превосходное выраженіе, такъ какъ оно напоминаетъ, что общественное отношеніе *par excellence*, единственное достойное этого названія, есть обмѣнъ идей) — группу людей, имѣющихъ обыкновеніе собираться гдѣ-нибудь для того, чтобы поболтать другъ съ другомъ. Въ самыхъ низшихъ народныхъ слояхъ существуютъ „общества“, но они настолько же малы, насколько многочисленны. Въ глубинѣ деревень, наиболѣе удаленныхъ, два или три крестьянина привыкнувъ встрѣчаться на посидѣлкахъ или въ кабацѣ, и пусть на посидѣлкахъ больше работаютъ, а въ кабацѣ больше пьютъ, нежели говорятъ, но тамъ все-таки говорятъ. Это уже есть зародышъ салона и кружка. По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся вверхъ по общественной лѣстницѣ, мы видимъ, что количество обществъ уменьшается, но зато каждое изъ нихъ увеличивается. Кафэ рабочихъ раздѣляются уже на болѣе многочисленныя группы обычныхъ собесѣдниковъ и спорщиковъ. Мелкіе торговцы имѣютъ салонъ, очень тѣсный, гдѣ бываетъ въ уменьшенномъ видѣ копія собраній высшаго класса. Эти послѣднія въ большинствѣ среднихъ городовъ едва раздѣляются на два или три „общества“, и иногда даже, — были такіе факты, — и они стремятся стать общими, они образуютъ даже „одно общество“, нѣчто въ родѣ свѣтской корпораціи. Даже въ самыхъ большихъ городахъ замѣчается такое стремленіе, и въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, вездѣ на зло прогрессу демократіи, классъ, считающійся еще за самый блестящій, если не самый высшій, изыскиваетъ случаи для того, чтобы фрагменты его, уже очень объемистые, могли встрѣчаться и объединяться.

Такимъ образомъ, хотя и за многими исключеніями, общее правило будетъ то, что объемъ общества находится въ об-

ратномъ отношеніи съ численнымъ значеніемъ того класса къ которому оно принадлежитъ; оно будетъ тѣмъ объемистѣе чѣмъ къ менѣе многочисленному классу будутъ принадлежать его члены. Отъ черни къ аристократіи социальная пирамида идетъ все суживаясь, въ то время какъ общества расширяются. Это объясняется большимъ досугомъ, большимъ количествомъ знакомствъ, общихъ сюжетовъ разговора по мѣрѣ того какъ мы взбираемся по социальной лѣстницѣ и въ то же самое время это показываетъ постоянное стремленіе социальнаго прогресса расширить насколько возможно общеніе умовъ, ихъ взаимное посѣщеніе и проникновеніе такъ какъ именно при разговорѣ умы посѣщаютъ другъ друга и взаимно проникаютъ другъ въ друга.

Сюжеты разговора различны въ различныхъ социальных слояхъ. О чемъ говорятъ въ маленькихъ крестьянскихъ кружкахъ, собравшихся на посидѣлки? Немного больше о дождѣ и о хорошей погодѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, потому что эта тема, отнюдь здѣсь не праздная, связана съ надеждами или опасеніями за будущій урожай. Только во время выборныхъ періодовъ говорятъ о политикѣ. Тогда занимаются сосѣдями, высчитываютъ ихъ доходы, сплетничаютъ. Эта профессиональная и личная сторона преобладаетъ въ разговорахъ рабочихъ и мелкихъ коммерсантовъ; но политика, понимаемая сообразно взглядамъ ежедневной газеты, замѣняетъ дождь и хорошую погоду, какъ основной сюжетъ. Политическая метеорологія водворилась на мѣсто небесной метеорологіи, что является уже общественнымъ прогрессомъ. Даже юристы и врачи, хотя и любящіе иногда говорить о своей профессіи, часто стараются забыть о ней и отваживаются высказать нѣкоторыя соображенія философскаго или научнаго характера ¹. Наконецъ, дойдя до *общества* наиболѣе куль-

¹ Такъ дѣло было не всегда, и чѣмъ больше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ, что люди даже среднихъ классовъ запираютъ себя въ кругъ своихъ личныхъ занятій. Въ одномъ изъ писемъ

тивированныхъ, мы увидимъ, что разговоры, вызванные профессіей и текущей политикой, сводятся къ *minutim* у, и разговоръ вращается вокругъ общихъ идей, взаимно возбуждаемыхъ чтеніемъ, путешествіями, первымъ прочнымъ и продолжительнымъ образованіемъ, личными размышленіями.

Что касается этихъ послѣднихъ группъ, то мы видимъ, что ежедневная пресса перестаетъ быть для нихъ метрономомъ и обычнымъ руководителемъ разговора, или по крайней мѣрѣ ея возбуждающее дѣйствіе менѣе непосредственно, если не менѣе глубоко. Она служитъ для нихъ прямой пищей только тогда, когда какая-нибудь сенсационная новость

М-lle de Робинасъ (1644) М-lle Скюдери, ради шутки, описываетъ путешествіе, которое она совершила въ почтовомъ дилижансѣ, и тѣ разговоры, которые завязались между компаньонами путешествія, а именно однимъ молодымъ „*partisan*’омъ“ (финансистомъ), плохимъ музыкантомъ, горожанкой изъ Руана, только что проигравшей процессъ въ Парижѣ, бакалейщицей съ улицы Сентъ-Антуанъ и торговкой свѣчами съ улицы Мишель Лепонтъ, стремившейся увидѣть „море и страну“, молодымъ школьникомъ, возвращавшимся изъ Буржа къ своимъ занятіямъ, плутомъ буржуа, „остроумцемъ изъ нижней Нормандіи, который говорилъ остро больше, чѣмъ говорилъ ихъ аббатъ Франкетто, когда онъ былъ въ модѣ, и который, желая высмѣять всю компанію, самъ былъ смѣшнѣе всѣхъ другихъ“. И вотъ, когда всѣ эти люди принимаются болтать, то они говорятъ каждый о своихъ личныхъ или профессиональныхъ занятіяхъ. „*Partisan*“ постоянно возвращается къ вопросу о су и ливрахъ“ Музыкантъ безпрестанно хочетъ пить. Торговка свѣчами думаетъ о своей лавкѣ. „Молодой школьникъ говоритъ только о законодательствѣ, объ обычаяхъ и о Кюжасѣ“ по каждому поводу. „Если разговоръ заходилъ о красивыхъ женщинахъ, онъ говорилъ, что у Кюжаса была красивая дочь“. Итакъ, мы видимъ ясно, что этотъ діалогъ представлялъ собою только чередующіеся монологи, и что здѣсь не было общихъ сюжетовъ, способныхъ заинтересовать сразу всѣхъ собесѣдниковъ, не было „общаго разговора“. Въ наше время, благодаря газетамъ, такіе общіе сюжеты всегда существуютъ между самыми различными по классу и по профессіи собесѣдниками. Иногда ихъ бываетъ даже слишкомъ много. Итакъ, М-lle de Скюдери называетъ это случайное общество путешественниковъ *плохой компаніей*. Дѣйствительно, въ эту эпоху, для того

или захватывающій вопросъ наполняетъ газеты. Въ такихъ случаяхъ разговоръ эмансипируется, принимаетъ непредвидѣнное теченіе, выкапываетъ чуждые, экзотическіе сюжеты, и такимъ образомъ образуетъ изъ „общества“ *сверхкультурныхъ* людей, магическій кругъ, который безостановочно расширяется въ пространствѣ и во времени, объединяя между собой всѣ избранные элементы цивилизованныхъ націй и связывая ихъ вмѣстѣ съ „порядочными людьми“ прошлаго въ каждой изъ нихъ ¹.

чтобы наслаждаться прелестью *общаго разговора*, прелестью интереса, общаго для всѣхъ разговаривающихъ, нужно было жить въ замкнутомъ и огражденномъ стѣнами обществѣ, состоящемъ изъ людей одного и того же класса и одинаковаго образованія, какъ отель Рамбулье. Этимъ объясняется притягательная прелесть этихъ убѣжищъ ума. Лафонтенъ въ письмахъ къ своей женѣ также говоритъ кое-что о разговорахъ своихъ компаньоновъ по путешествію въ почтовомъ дилижансѣ. Они были весьма безсодержательны, за исключеніемъ одного оживленнаго спора, возникшаго между католиками и протестантами изъ-за догматовъ.

¹ Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что если бы *précieuses* XVIII в. могли возродиться и естественно начать разговаривать, то ихъ разговоръ былъ бы для насъ интересенъ. Навѣрное онъ представлялъ бы огромнѣйшій интересъ для нашихъ феминистовъ. Въ ихъ собраніяхъ, по словамъ аббата де Пюрь, „разбираютъ, какой изъ наукъ или какому роду поэзіи принадлежитъ преимущество“. Поднимается вопросъ о томъ, нужно ли исторію предпочитать романамъ, или романы исторіи. Спрашиваютъ о томъ, какой свободой пользуются и имѣютъ право пользоваться женщины въ обществѣ и въ супружеской жизни. Свобода, восхваляемая по этому случаю, больше похожа на владычество чѣмъ на независимость. Мнѣ кажется, произносить говорящая, что подозрѣнія мужа даютъ женѣ право грѣшить. Одна *précieuse* хвалитъ Корнели, другая предпочитаетъ ему Бансерада, какъ поэта, болѣе галантнаго, и придворнаго человѣка. Третья беретъ сторону Шапелена. У Скудери разсуждаютъ о Кино... Иногда случается, что одна изъ *précieuses* оплакиваетъ своего друга и *вдругъ начинаетъ разсуждать о печали*. Она думаетъ, что суть печали должна состоять въ томъ, чтобы вновь переживать то наслажденіе, которое доставлялъ покойный. Одна антагонистка возстаётъ противъ этой системы, въ которой она усматриваетъ нѣчто варварское.

Эти „порядочные люди“ всѣхъ временъ, образцовый типъ высшей общительности, узнаются по неистощимому богатству всегда новыхъ темъ для разговора, которыя доставляютъ имъ прежде всего общее и одинаковое со всѣми образованіе, блестяще увѣнчивающее специальное и техническое образованіе. Я не хочу разрѣшать по этому поводу въ двухъ словахъ такую важную и такую мучительную задачу, какова реформа классическаго образованія; но я позволю себѣ замѣтить, что если бы сознавали все огромное общественное значеніе разговора, то не замедлили бы перенести изъ этого аргументъ достаточно солидный, аргументъ во всякомъ случаѣ достойный разсмотрѣнія, въ пользу сохраненія традиціонной культуры въ широкихъ размѣрахъ.

Тогда стало бы ясно, что главная польза изученія языковъ и древней литературы заключается не только въ томъ, чтобы поддерживать социальное родство послѣдовательныхъ поколѣній, но и въ томъ, чтобы установить въ каждую эпоху тѣсную интеллектуальную и умственную связь между всѣми фракціями избранныхъ извѣстной націи, или даже между избранными всѣхъ націй и позволить всѣмъ этимъ избраннымъ разговаривать другъ съ другомъ съ интересомъ, съ удовольствіемъ, къ какой бы профессіи они ни принадлежали, и изъ какого бы класса, изъ какой страны они ни происходили.

Предположите, что изученіе латинскаго языка и латинскихъ авторовъ, точно такъ же, какъ изученіе философіи и исторіи философіи, было вдругъ уничтожено во французскихъ школахъ: вскорѣ произошелъ бы разрывъ частей въ основѣ французскаго ума, новыя поколѣнія перестали бы принадлежать къ тому же *обществу*, какъ и старшее поколѣніе; и различные французскіе профессионалисты, доктора, инженеры, адвокаты, военные, промышленники, получившіе специальное образованіе, были бы въ *общественномъ смыслѣ* чуждыми другъ другу. У нихъ не было бы другого общаго инте-

реса, а слѣдовательно и другого разговора, какъ санитарныя вопросы, дождь и хорошая погода или газетная политика. И тогда вдругъ „душа Франціи“ была бы разбита не на два, а на сто кусковъ.

Я знаю, что въ глазахъ экономистовъ прежней эпохи польза для культурныхъ людей отъ возможности эксплуатировать одинъ и тотъ же источникъ разговора должна представляться самымъ бесплоднымъ пустякомъ. Разговаривать для нихъ это значитъ терять свое время, и очевидно, что если вся социальная жизнь должна сводиться къ утрированному производству, къ производству ради производства, то слово имѣетъ право быть терпимо только какъ средство обмѣна. Не такое общество, которое осуществило бы этотъ идеалъ, гдѣ люди говорили бы другъ съ другомъ только для того, чтобы сговориться о дѣлѣ, покупкѣ, одолженіи, соединеніи, могли бы такое общество назваться дѣйствительно обществомъ. Не было бы тогда ни литературы, ни искусства, не было бы удовольствія поболтать между друзьями, даже за обѣдомъ. Молчаливые обѣды, буфетъ между двумя скорыми поѣздами, жизнь дѣловая и нѣмая: если мы оттолкнемъ эту перспективу, если мы подумаемъ о свойственной намъ всѣмъ существойственной потребности все лучше и лучше понимать другъ друга для того, чтобы все больше и больше любить и извинять другъ друга, и если мы согласимся, что удовлетвореніе этой глубокой потребности есть самый лучший и самый сладкій плодъ цивилизаціи, то мы должны будемъ признать главной обязанностью правительствъ не дѣлать ничего, что могло бы пресѣчь распространеніе интерспиритуальныхъ отношений, и дѣлать все, что могло бы ему благоприятствовать.

VI.

Послѣ того, какъ мы говорили о разновидностяхъ разговора, о его видоизмѣненіяхъ и причинахъ, скажемъ нѣсколько

словъ о его послѣдствіяхъ, сюжетѣ, котораго мы едва коснулись. Будемъ классифицировать его послѣдствія, чтобы не пропустить какого-либо важнаго изъ нихъ, по различнымъ большимъ категоріямъ социальныхъ отношеній. Съ точки зрѣнія лингвистической, онъ сохраняетъ и обогащаетъ языки, если не расширяетъ ихъ территориальнаго владѣнія; онъ порождаетъ различнаго рода литературы и въ особенности драму. Съ точки зрѣнія религіозной, онъ является самымъ плодотворнымъ средствомъ проповѣди, онъ распространяетъ поочередно догматы и скептицизмъ. Религіи утверждаются и ослабляются не столько благодаря проповѣдямъ, сколько благодаря разговорамъ. Съ точки зрѣнія политической, разговоръ до прессы является единственной уздой для правительствъ, недоступное убѣжище свободы; онъ создаетъ репутаціи и обаяніе, онъ располагаетъ славой и при помощи ея властью. Онъ стремится уравнивать собесѣдниковъ, уподобляя ихъ другъ другу, и разрушаетъ іерархію въ силу того, что выражаетъ ее. Съ точки зрѣнія экономической, онъ объединяетъ сужденія относительно пользы различныхъ богатствъ, создаетъ и точно опредѣляетъ идею стоимости, устанавливаетъ лѣстницу и систему стоимостей. Такимъ образомъ, эта ненужная болтовня, простая потеря времени въ глазахъ утилитарныхъ экономистовъ, есть въ дѣйствительности экономическій агентъ наиболѣе неизбѣжный, потому что безъ него не было бы мнѣнія, а безъ мнѣнія не было бы цѣнности, основнаго понятія политической экономіи и, по правдѣ сказать, многихъ другихъ специальныхъ наукъ.

Съ точки зрѣнія моральной, онъ борется безпрестанно и чаще всего съ успѣхомъ противъ эгоизма, противъ склонности преслѣдовать въ поступкахъ чисто индивидуальныя цѣли; онъ намѣчаетъ и разрабатываетъ телеологию вполне социальную, противопоставляя ее этой индивидуальной телеологіи; ради этой социальной телеологіи онъ посредствомъ похвалъ и порицаній, которыя раздаются кстати и переда-

ются заразительно, распространяетъ спасительныя иллюзіи или условную ложь. Благодаря взаимному проникновенію умовъ и душъ, онъ содѣйствуетъ зарожденію и развитію психологіи именно не индивидуальной, а прежде всего соціальной и моральной. Съ точки зрѣнія эстетической, онъ порождаетъ вѣжливость при помощи любезности сперва односторонней затѣмъ сдѣлавшейся взаимной; онъ стремится согласовать между собой сужденія вкуса, въ концѣ концовъ достигаетъ этого и вырабатываетъ такимъ образомъ поэтическое искусство, эстетическій кодексъ, имѣющій верховное владычество въ каждую эпоху и въ каждой странѣ. Итакъ, онъ могущественно содѣйствуетъ дѣлу цивилизаціи, первыми условіями которой являются вѣжливость и искусство.

Гиддингсъ въ своихъ *Принципахъ соціологіи* дѣлаетъ замѣчаніе относительно разговора, и замѣчаніе важное. По его мнѣнію, когда два человѣка встрѣчаются, то разговоръ, который они ведутъ другъ съ другомъ, есть только дополненіе къ ихъ взаимнымъ взглядамъ, которыми они окидываютъ другъ друга; пытаются узнать, принадлежатъ ли они къ одному и тому же общественному виду, къ одной и той же общественной группѣ.

„Мы лелѣемъ, — говоритъ онъ, — иллюзію, которая заставляетъ насъ вѣрить, что мы болтаемъ, потому что интересуемся тѣми вещами, о которыхъ говоримъ, точно такъ же какъ мы лелѣемъ самую сладостную изъ всѣхъ иллюзій, а именно вѣру въ искусство для искусства. На самомъ же дѣлѣ всякое выраженіе вульгарное или художественное и всякое общеніе начиная съ случайнаго разговора при первомъ вступленіи въ отношенія и кончая самыми глубокими интимными разговорами настоящей любви, все это вытекаетъ изъ источника элементарной страсти взаимно познакомиться другъ съ другомъ и установить сознаніе вида“. Что первый разговоръ двухъ встрѣтившихся незнакомыхъ другъ другу людей *всегда* имѣетъ характеръ, указанный Гиддингсомъ, это уже очевидно, хотя и вѣрно во многихъ случаяхъ. Но вѣроятно, что

дальнѣйшіе разговоры, происходящіе между ними послѣ того, какъ состоялось ихъ взаимное знакомство, носятъ совершенно другой характеръ. Они стремятся соединить ихъ въ одно общество, или укрѣпить это соединеніе, если они уже принадлежатъ къ одному и тому же обществу. Они стремятся, следовательно, породить и подчеркнуть, расширить и углубить *сознаніе вида*, а не просто только опредѣлить его. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы обнажить свои границы, но чтобы безпрестанно расширять ихъ.

Возвратимся къ нѣкоторымъ изъ этихъ общихъ послѣдствій. Когда цивилизованный народъ, благодаря вторичной утратѣ безопасности, поломкѣ мостовъ, негодности дорогъ къ употребленію, отсутствію писемъ, общественныхъ связей, попадаетъ въ варварство, онъ становится относительно молчаливымъ. Тамъ много говорили прозой и стихами, словесно и письменно; тамъ теперь почти совсѣмъ не говорятъ. До какой степени любили разговаривать въ моментъ передъ паденіемъ имперіи, можно составить себѣ понятіе по различнымъ мѣстамъ у Макробія, современника Θεодосія Младшаго. Въ его *Сатурналияхъ* (какъ извѣстно, написанныхъ въ діалогахъ) одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ другому: „Обращайся кротко съ твоимъ невольникомъ, допускай его милостиво къ разговору“. Онъ порицаетъ, повидимому, рѣдкій въ его эпоху обычай тѣхъ, которые не позволяютъ своимъ невольникамъ разговаривать съ ними, прислуживая имъ у стола. Въ другомъ мѣстѣ одно изъ его дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Въ теченіе всей моей жизни, Децій, для меня не было ничего лучше, какъ употреблять досугъ, остающійся мнѣ отъ защиты, на разговоръ въ обществѣ образованныхъ людей, въ родѣ тебя, напримѣръ. Хорошо направленный умъ не можетъ найти отдохновенія болѣе благопріятнаго и полезнаго, какъ бесѣда, гдѣ вѣжливость украшаетъ какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ“. Правда, эта послѣдняя фраза напоминаетъ уже приближающееся варварское состояніе, если

только эта любовь къ разговору, немного торжественному многорѣчивому, который былъ осмѣянъ Гораціемъ, не объясняется ораторскими привычками этого адвоката.

Изолированный крестьянинъ молчитъ; варваръ въ своемъ крѣпкомъ жилищѣ, въ своемъ ущельи въ скалѣ не говоритъ ни слова. Когда онъ случайно заговоритъ, то для того, чтобы сказать рѣчь. Не этимъ ли столь простымъ фактомъ слѣдуетъ объяснить разложеніе латинскаго языка и появленіе неолатинскихъ языковъ? Если бы галло-романскія селенія продолжали существовать и сообщаться между собой послѣ паденія императорскаго трона, такъ же, какъ и прежде, то по всей вѣроятности никогда не перестали бы говорить по латыни на всей территоріи имперіи. Но за недостаткомъ безпрестаннаго упражненія въ словѣ на огромномъ пространствѣ и въ самыхъ измѣнчивыхъ условіяхъ, упражненія котораго требовало сохраненіе такого богатаго и сложнаго языка, неизбежно должно было случиться, что большинство словъ погибло, осталось безъ объекта, и что деликатное чувство нюансовъ склоненія и спряженія утратилось и изгладилось среди земледѣльцевъ, пастуховъ, варваровъ, обреченныхъ на одиночество за неимѣніемъ хорошо содержащихся дорогъ и хорошо урегулированныхъ отношеній. Что же тогда случилось? Когда эти существа, обыкновенно молчаливые, чувствовали потребность сообщать другъ другу какую-либо идею, всегда грубую, то ихъ заржавленный языкъ отказывался доставить имъ точное выраженіе, и смутное выраженіе удовлетворяло ихъ вполне; суженіе ихъ словаря влекло за собой упрощеніе ихъ грамматики; латинскія слова, латинскіе обороты и окончанія приходили имъ на память только въ искаженномъ и испорченномъ видѣ, и для того, чтобы быть понятыми, они должны были усиливать свою изобрѣтательность и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше они утрачивали привычку говорить правильно и легко. И человѣкъ оказался тогда почти въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ

находился въ доисторическія времена, когда, не владея еще даромъ слова, онъ долженъ былъ мало-по-малу изобрѣтать слово также при помощи изобрѣтательныхъ попытокъ, сосредоточивая на удовлетвореніи насущной потребности словеснаго общенія всѣ свои умственные способности. И такимъ образомъ изъ цѣлой массы нововведеній, придуманныхъ людьми съ VII до X вѣка для того, чтобы легче понять другъ друга, произошли романскіе языки. За отсутствіемъ частыхъ и разнообразныхъ разговоровъ латинскій языкъ разложился, и началъ образовываться зародышъ неолатинскихъ языковъ, въ позднѣе, благодаря возврату къ общественной жизни, къ обычнымъ разговорамъ, неолатинскіе языки увеличились и расцвѣли. Не такъ ли же точно было со всякимъ разложеніемъ и зарожденіемъ языка?

Если прекращеніе разговоровъ разлагаетъ культивированные языки или же ослабляетъ ихъ, то возвратъ къ общественнымъ отношеніямъ и необходимо сопровождающимъ ихъ разговорамъ есть первая причина образованія новыхъ языковъ. Точно такъ же этотъ процессъ образованія будетъ медленнѣе или быстрѣе, сообразно съ тѣмъ, будетъ ли онъ происходить въ странѣ, гдѣ населеніе весьма рѣдко и раздробленно, или же въ области относительно густо заселенной и централизованной. Именно такой контрастъ представляетъ Англія въ средніе вѣка по сравненію съ неолатинскими народами. И не можетъ ли этотъ контрастъ служить для объясненія того, почему французскимъ діалектамъ понадобилось столько вѣковъ для того, чтобы образоваться, и діалекту Иль-де-Франса для того, чтобы утвердиться во всѣхъ французскихъ провинціяхъ, въ то время какъ англійскій языкъ создавался и распространился съ быстротой, поражающей лингвистовъ? Это потому, что, какъ указалъ Бутми, вмѣстѣ съ другими историками, централизація власти утвердилась въ Великобританіи гораздо раньше, чѣмъ у насъ, и благодаря заключенію жителей на островѣ могущественно содѣйствовала

ихъ болѣе быстрому объединенію. Ассимилирующее подражаніе дѣйствовало тамъ, переходя отъ группы къ группѣ, съ большей силой, нежели во Франціи, и уже начиная съ среднихъ вѣковъ. Представьте себѣ все, что предполагаетъ умноженіе разговоровъ между индивидуумами и между людьми различныхъ ранговъ, классовъ, разныхъ графствъ, постепенное исчезновеніе многочисленныхъ нарѣчій или только двухъ различныхъ языковъ, каковы англо-саксонскій и романскій, передъ однимъ языкомъ, который создается и развивается въ то время, какъ распространяется, который даже своимъ образованіемъ обязанъ своему распространенію. И дѣйствительно, характерная черта англійской жизни въ средніе вѣка та, что это — общая жизнь всѣхъ классовъ въ непрерывномъ столкновеніи и обмѣнѣ примѣровъ. Прибавимъ мимоходомъ, что тамъ, какъ и вездѣ, подражаніе особенно распространялось отъ высшихъ къ низшимъ¹, начиная съ столь блестящихъ дворовъ, гдѣ разговоръ былъ уже такъ благороденъ и утонченъ; и нужно искать объясненія этой столь быстрой и глубокой ассимиляціи въ установленіи англійской іерархіи, въ сближеніи ея послѣдовательныхъ ступеней, достаточно различныхъ для того, чтобы существовалъ престижъ высшей ступени, и недостаточно раздѣленныхъ для того, чтобы отнять охоту къ соревнованію.

Политическая роль разговора не менѣе значительна, не-

¹ Можно видѣть примѣненіе этого закона даже у дикарей. Описывая нравы дикихъ акадійцевъ, Шарлевуа (*Histoire de la nouvelle France*) пишетъ: «Каждое мѣстечко имѣло своего *sagamo* (начальника), не зависающаго отъ другихъ; но всѣ они поддерживали между собой нѣкотораго рода сношенія, которыми тѣсно связывали всю націю. Они употребляли большую часть хорошаго времени года на то, чтобы посѣщать другъ друга и держать совѣты, на которыхъ говорилось объ общихъ дѣлахъ». Такимъ образомъ привычка разговаривать регулярно и периодически и специально посѣщать другъ друга родилась у начальниковъ племенъ и, распространяясь, содѣйствовала взаимной ассимиляціи сосѣднихъ народовъ.

или лингвистическая. Существуетъ тѣсная связь между функционированіемъ разговора и измѣненіями общественнаго мнѣнія, отъ чего зависитъ перемѣнчивость власти. Если гдѣ-нибудь общественное мнѣніе измѣняется мало, медленно, остается почти неподвижнымъ, это значитъ, что разговоры тамъ рѣдки, скромны, вращаются въ узкомъ кругѣ сплетень. Если же общественное мнѣніе подвижно, если оно переходитъ отъ одной крайности къ другой, это значитъ, что разговоры тамъ часты, смѣлы, свободны. Гдѣ мнѣніе слабо, тамъ, значитъ, говорятъ безъ одушевленія; гдѣ оно сильно, тамъ, значитъ, сильно спорятъ; гдѣ оно яростно, тамъ, значитъ, разгораются страсти во время спора; гдѣ оно бываетъ исключительнымъ, требовательнымъ, тираническимъ, это значитъ, что разговаривающіе находятся во власти коллективнаго безумія, въ родѣ пресловутаго „дѣла“; гдѣ оно носитъ либеральный характеръ, тамъ, значитъ, разговоры разнообразны, свободны, питаются общими идеями.

Эта связь между мнѣніемъ и разговоромъ такъ тѣсна, что позволяетъ намъ возстановить разговоръ въ извѣстныхъ случаяхъ, когда у насъ нѣтъ документовъ относительно послѣдняго, но намъ извѣстно первое. У насъ мало свѣдѣній относительно разговоровъ прошедшихъ лѣтъ; но у насъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія касательно того, въ какой мѣрѣ мнѣніе имѣло рѣшающее вліяніе здѣсь или тамъ, въ той или другой націи, въ такомъ-то и такомъ-то классѣ на рѣшенія политической или судебной власти. Напримѣръ, мы знаемъ, что правительствъ Аѳинъ въ гораздо большей степени, нежели правительствъ Спарты, были созданы мнѣніемъ; отсюда мы были бы въ правѣ сдѣлать заключеніе, если бы не имѣли свѣдѣній изъ другихъ источниковъ, что аѳиняне были гораздо говорливѣе лакедемонянъ. Во время Людовика XIV мнѣніе двора имѣло большое вліяніе, гораздо большее, чѣмъ думаютъ, на рѣшеніе монарха, который безсознательно подчинялся ему; мнѣніе города не шло въ счетъ, а мнѣніе провинцій вовсе

игнорировалось. Это означает, что при дворѣ разговаривали много объ общественных дѣлахъ, въ городѣ говорили мало и еще меньше во всей остальной Франціи. Но въ моментъ революціи эти пропорціи были разрушены, потому что примѣры политическаго разговора, данный высшими сферами, мало-помалу спустился до самой глубины деревень.

Итакъ, эволюція власти объясняется эволюціей мнѣнія, которое само объясняется эволюціей разговора, а этотъ въ свою очередь объясняется цѣлымъ рядомъ различныхъ источниковъ: воспитаніемъ въ семьѣ, школой, обученіемъ, проповѣдями, политическими рѣчами, книгами, газетами. И периодическая пресса питается свѣдѣніями изъ цѣлаго свѣта, которыя касаются всего, что происходитъ исключительнаго, гениальнаго, изобрѣтательнаго, новаго. Газеты бываютъ болѣе или менѣе интересны, оказываютъ вліяніе въ томъ или иномъ смыслѣ сообразно съ характеромъ и окраской новостей, которыя появляются и подчеркиваются газетами. И среди этихъ новшествъ, которыми питается пресса, нужно поставить на первомъ планѣ дѣйствія власти, рядъ фактовъ политическихъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ получается, что сами дѣйствія власти, размельченные прессой и пережеванные разговоромъ, въ широкой степени содѣйствуютъ преобразованію власти. Но власть могла бы дѣйствовать какъ угодно; она не претерпѣвала бы эволюціи, если бы ея дѣйствія не были разглашены прессой и не подверглись обсужденію при разговорѣ; она оставалась бы въ томъ же состояніи, несмотря на измѣненія, усиленія или ослабленія, которыя приходили бы отъ новшествъ другого рода, а именно религіозныхъ и экономическихъ, если бы они получили широкое и всеобщее распространеніе. Тамъ, гдѣ власть осталась очень устойчивой, мы можемъ вообще быть увѣрены, что разговоръ былъ очень скромный и замкнутъ ¹. Итакъ, для того, чтобы вернуть

¹ Во времена Бэкона въ Англіи зарождался разговоръ, и онъ посвящаетъ этому предмету нѣсколько словъ въ своихъ *Опытахъ морали*

власти ея прежнюю устойчивость, устойчивость первобытныхъ временъ, когда люди не разговаривали внѣ узкаго круга своей семьи, нужно было бы начать съ установленія *всеобщей интимности*. При такой гипотезѣ сама всеобщая подача голосовъ была бы безсильна, что-нибудь измѣнить.

Въ смыслѣ политическомъ нужно считаться не столько съ разговорами и спорами въ парламентѣ, сколько съ разговорами и спорами частными. Именно тамъ вырабатывается власть въ то время какъ въ палатахъ депутатовъ и въ кулуарахъ власть изнашивается и часто лишается значенія.

Когда рѣшенія парламентовъ остаются безъ отголоска, въ томъ случаѣ если пресса не разглашаетъ ихъ, они не имѣютъ почти никакого вліянія на политическую цѣнность представителя власти. То, что происходитъ въ этихъ закрытыхъ мѣстахъ, имѣетъ отношеніе только къ перемѣнѣ власти, но отнюдь не къ ея силѣ и къ ея настоящему авторитету. Кафе, клубы, салоны, лавки, какія-либо мѣста, гдѣ ведутся разговоры—вотъ настоящія фабрики власти. Не надо, однако, забывать, что эти фабрики не могли бы функционировать, если бы не существовало перваго матеріала, который онѣ обрабатываютъ, а именно—привычки къ послушанію и довѣренію, созданной семейной жизнью, домашнимъ воспитаніемъ. Власть выходитъ оттуда, какъ богатство выходитъ изъ мануфактуръ и фабрикъ, какъ наука выходитъ изъ лабораторій, изъ музеевъ и библіотекъ, какъ вѣра выходитъ изъ изу-

ки политики, но онъ даетъ не общія утвержденія, которыя были бы для насъ очень интересны, а общіе совѣты, которые для насъ не такъ интересны. Если мы будемъ судить по этимъ совѣтамъ, то англійскіе разговоры въ то время должны были быть необыкновенно скромны, гораздо скромнѣе разговоровъ на континентѣ, возбужденныхъ религіозными войнами. «Что касается шутокъ, — говоритъ онъ, — то есть вещи, которыя никогда не были предметомъ ея: напр., религія, государственные дѣла, великіе люди, лица, утвержденныя въ высокомъ званіи (высшіе чиновники, въ родѣ него)», и проч.

ченія катехизиса и материнскихъ наставленій, какъ военная сила выходитъ изъ пушечныхъ заводовъ и казарменныхъ упражненій.

Вообразите французскихъ гражданъ, запертыхъ въ одиночныя тюрьмы и предоставленныхъ собственнымъ размышлениямъ безъ малѣйшаго взаимнаго вліянія, и послѣ этого идущихъ вотировать... Но они не могли бы вотировать! Дѣйствительно, они или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ не могли бы отдать предпочтенія Петру или Павлу, той программѣ, или иной. Или же, если бы у каждаго изъ нихъ была своя собственная идея, то получилась бы настоящая выборная кутерьма.

Конечно, еслибы какой-нибудь государственный человѣкъ, въ родѣ Мирабо или Наполеона, могъ бы быть лично извѣстенъ всѣмъ французамъ, то не нужно было бы разговора для того, чтобы основать его авторитетъ, и французы могли бы быть нѣмыми, и все-таки они въ огромномъ большинствѣ были бы не меньше очарованы имъ. Но, такъ какъ это невозможно, то необходимо, какъ только протяженіе государства переходитъ границы маленькаго города, чтобы люди болтали между собой для того, чтобы создать надъ собой престижъ, который долженъ управлять ими. Въ сущности, на три четверти повинуются какому-нибудь человѣку потому, что видятъ какъ другіе повинуются ему. Первые, которые начали повиноваться этому человѣку, имѣли или полагали, что имѣютъ на это свои причины: они повѣрили въ его покровительственную и руководящую силу вслѣдствіе его преклоннаго возраста, или же его знатнаго происхожденія, или его тѣлесной силы, или его краснорѣчія, или его генія. Но эта вѣра, зародившаяся у нихъ самопроизвольно, была передана ими посредствомъ разговоровъ другимъ, которые послѣ нихъ въ свою очередь также стали вѣрить. Именно, разговаривая о дѣяніяхъ человѣка, дѣлаютъ его извѣстнымъ, знаменитымъ, славнымъ; и разъ онъ, благодаря славѣ, достигъ власти, то

именно благодаря разговорамъ относительно его плановъ кампаніи или его декретовъ его могущество или увеличивается, или уменьшается.

Особенно въ экономической жизни разговоръ имѣетъ большое значеніе, котораго экономисты, повидимому, не замѣтили. Разговоръ, обмѣнъ идей — или, скорѣе, взаимный или односторонній даръ идей — не является ли онъ вступленіемъ къ обмѣну услугъ? Именно при помощи слова сначала, во время разговора, люди одного общества сообщаютъ другъ другу свои нужды, свои желанія потребленія, или же производства. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы желаніе купить новый предметъ зарождалось при видѣ его безъ того, чтобы разговоръ заранѣе возбудилъ это желаніе. Такой случай происходитъ, напр., тогда, когда мореплаватель пристаётъ къ незнакомому острову; его окружаютъ дикари, которые, не говоря съ нимъ, такъ какъ ни они не знаютъ его языка, ни онъ ихъ, ослѣпляются стекляшками, привезенными имъ, и прибрѣтаютъ ихъ, отдавая пищу и мѣха. За исключеніемъ такихъ случаевъ, разговоръ имѣетъ большое вліяніе на зарожденіе, а еще болѣе на распространеніе потребностей, и безъ него никогда не могло бы быть точной и одинаковой цѣны, перваго условія всякой немного развитой торговли, всякой немного успѣшной промышленности.

Отношеніе разговора къ психологіи соціальной и моральной очевидно въ XVII вѣкѣ во Франціи, но оно явно сказывается не только тамъ. Гораций въ одной изъ своихъ сатиръ хвалитъ ту жизнь, которую онъ ведетъ въ своемъ деревенскомъ домѣ. Тамъ онъ часто принимаетъ къ столу своихъ друзей. „Каждый гость, свободный отъ законовъ этикета, осушаетъ по своему выбору малыя или большія чаши. Тутъ завязывается разговоръ, но не о сосѣдяхъ съ цѣлью позлословить, ни о ихъ имѣніяхъ съ цѣлью позавидовать, ни о талантѣ Лепоса въ танцевальномъ искусствѣ; мы разговариваемъ о предметахъ, которые больше интересуютъ насъ, и которые стыдно игнори-

ровать: что дѣлаетъ человѣка счастливымъ, добродѣтель или богатства? Нужно ли въ своихъ связяхъ сообразоваться съ тѣмъ, что полезно, или съ тѣмъ, что честно? Какова природа добра? Въ чемъ состоитъ высшее благо? Между тѣмъ иногда кстати Сервій примѣшиваетъ къ этимъ серьезнымъ разговорамъ и старушечьи сказки“. Изъ этого мы видимъ, что модные разговоры среди выдающихся людей временъ Августа походили на одной важной чертой на разговоры „порядочныхъ людей“ нашего вѣка: они также вращались около моральныхъ обобщеній, когда они не касались литературныхъ сужденій. Только мораль, обсуждаемая современниками Горація, эпикурейцами съ окраской стоицизма, это — мораль болѣе индивидуальная, нежели общественная, такъ какъ послѣдователи Зенона точно такъ же какъ и послѣдователи Эпикура, ставили своей задачей укрѣплять, оздоравливать индивидуумъ, взятый въ отдѣльности, оторванный отъ своей группы. Наоборотъ, вопросы поднимаемые свѣтскими христіанами и моралистами временъ Людовика XIV имѣютъ прежде всего отношеніе къ общественной морали.

М-me de Лафайетъ пишетъ М-me de Севинье, что однажды послѣ обѣда весь разговоръ съ М-me Скарронъ, аббатомъ Тестю и другими собесѣдниками вращался вокругъ „личностей, вкусъ которыхъ стоитъ выше или ниже ихъ ума“. „Мы пускались, — говоритъ она, въ такія тонкости, что не могли больше ничего понять“. Въ наши дни спросить, какой интересъ можетъ заключаться въ трактованіи такихъ темныхъ сюжетовъ? Но не нужно забывать, что въ эту эпоху въ аристократическихъ сферахъ общественность достигала своей высшей точки развитія, и не было ничего болѣе кстати, какъ освѣтить, точно опредѣлить, разобраться насколько возможно въ *соціальной психологіи*, еще не получившей имени. XVII вѣкъ, въ разговорахъ между порядочными людьми, повидимому, никогда очень не занимался индивидуальной психологіей. Какой-нибудь романъ Бурже заставилъ бы звать М-me de Лафайетъ

и Ларошфуко. То, что ихъ интересовало и должно было наиболѣе интересоваться, это изученіе отношеній *интерспиритуальныхъ* и они бессознательно создавали *интерпсихологію*. Прочтите Лабрюйера, прочтите начерченные Бюсси-Робютею портреты его современниковъ, или прочтите какого-либо другого писателя: они никогда не характеризуютъ человѣка съ точки зрѣнія его отношеній къ природѣ или къ себѣ самому, но исключительно съ точки зрѣнія его *соціальныхъ* отношеній къ другимъ людямъ, согласія или несогласія его сужденій относительно прекраснаго съ ихъ сужденіями (*вкусъ*), его способности нравиться имъ, при рассказываніи пикантнаго анекдота, или при написаніи остроумнаго письма (*умъ*) и т. д.

Естественно, что, люди, начиная заниматься психологіей, создавали общественную психологію, и точно такъ же понятно, что они дѣлали это бессознательно, потому что они не могли имѣть о ней точнаго представленія, какъ только противопоставляя ее психологіи индивидуальной.

Эта послѣдняя развила въ XVII вѣкѣ только одну свою сторону, — впрочемъ, важную и оригинальную, — а именно мистицизмъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что сладостныя или томительныя состоянія души, изображенныя такими живыми штрихами въ полныхъ одухотвореніи письмахъ Фенелона и многихъ другихъ мистиковъ того времени, ощущаются ими какъ глухой и внутренній разговоръ съ божественнымъ собесѣдникомъ, съ невыразимымъ утѣшителемъ, скрытымъ въ душѣ. Говоря правду, мистическая жизнь при старомъ режимѣ отчасти создана по образцу „свѣта“. Богъ дѣлаетъ тамъ *визиты* душѣ. Онъ говоритъ ей, она Ему отвѣчаетъ. *Милость*, не есть ли это радость и сила, которую даетъ вамъ любимый голосъ, говорящій внутри васъ и подкрѣпляющій васъ? Периоды злости и томленія, на которые жалуются „спиритуалы“ это интервалы, иногда очень долгіе, между визитами и разговорами неизреченнаго гостя.

Другая вѣтвь, совершенно отдѣльная отъ *соціальной пси-*

хологія и тѣсно связанная съ индивидуальной, это психологія половая, которой спеціально посвятили себя драматурги и романисты, и которая играетъ въ разговорахъ тѣмъ болѣе захватывающую роль, чѣмъ они цивилизованнѣй. Она имѣетъ также нѣкоторую связь съ мистической психологіей.

✓ Разговоръ есть родоначальникъ вѣжливости. Это справедливо даже тогда, когда вѣжливость заключается въ томъ, чтобы не разговаривать. Провинціалу, только что пріѣхавшему въ Парижъ, ничего не кажется болѣе страннымъ, болѣе противорѣчащимъ его натурѣ, какъ видъ омнибусовъ, наполненныхъ людьми, которые тщательно воздерживаются отъ разговоровъ другъ съ другомъ. Молчаніе между незнакомыми, которые встрѣчаются, естественно, кажется неприличіемъ, какъ молчаніе между знакомыми есть признакъ раздора между ними. Каждый хорошо воспитанный крестьянинъ считаетъ своимъ долгомъ „составить компанію“ тѣмъ, съ кѣмъ онъ совершаетъ путь. Въ дѣйствительности же это происходитъ не потому, что потребность разговора въ маленькихъ городахъ или въ деревняхъ сильнѣе, нежели въ большихъ. Наоборотъ, эта потребность, повидимому, возрастаетъ въ прямой зависимости отъ большей густоты населенія и высшей степени цивилизации. Но именно вслѣдствіе силы этой потребности въ большихъ городахъ пришлось устроить плотины противъ опасности быть потопленными подъ волнами нескромныхъ словъ.

Нужно достигнуть высокой степени сердечной близости для того, чтобы позволить себѣ долго молчать, когда двое друзей находятся вмѣстѣ. Между друзьями, которые не очень близки, между людьми безразличными, встрѣчающимися въ салонѣ, слово служить единственной соціальной связью, и какъ только эта единственная связь порвалась, тотчасъ же является большая опасность, опасность увидѣть проявленіе лжи вѣжливости, полное отсутствіе глубокой привязанности наперекоръ внѣшнимъ проявленіямъ дружбы. Это ледяное молчаніе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, оно

производитъ впечатлѣніе, будто разорвали цѣломудренные покровы, и люди дѣлаютъ все, чтобы избѣжать его. Въ угасающее пламя разговора бросаютъ все, что только придетъ на умъ, свои самыя дорогія тайны, не высказывать которыхъ было прямымъ интересомъ, точно такъ же какъ въ моментъ кораблекрушенія бросаютъ въ море свои самыя драгоценныя товары для того, чтобы задержать потопленіе. Молчаніе среди салоннаго разговора—это потопленіе корабля среди океана.

Изъ разговора родились комплименты, точно такъ же, какъ и злословіе. Разговаривая другъ съ другомъ, люди замѣтили, что ихъ хорошее мнѣніе о нихъ самихъ не раздѣляется другими и обратно.

Тщеславную иллюзію другого, когда дѣло шло о равномъ, можно было высмѣять, рѣзко напасть на нее, порицая противника; да и то опытъ научилъ избѣгать конфликтовъ, вызванныхъ такими порывами откровенности. Но когда дѣло шло о высшемъ, о хозяйнѣ, то осторожность подсказывала поддерживать эту химеру. Отсюда получились комплименты, которые, мало-по-малу ослабляясь и вмѣстѣ дѣлаясь взаимными и подъ этой обоюдной формой становясь общимъ достояніемъ, сдѣлались основаніемъ городской жизни. Вначалѣ они всегда бывають корыстными и только постепенно дѣлаются безкорыстными. Я спрашиваю себя, не объясняется ли то, что индусы сказали относительно всемогущества молитвы, опьяняющей властью похвалы надъ наивными душами. Молитва, прежде всего, есть гиперболическая похвала.—Характеръ комплиментовъ измѣняется. Въ Китаѣ, чтобы сказать пріятное кому-нибудь, ему говорятъ, что онъ выглядитъ старымъ; у насъ говорятъ, что онъ помолодѣлъ. Въ средніе вѣка сказать молодому монаху, *позировавшему* при священномъ умерщвленіи плоти, что онъ былъ худъ и истощенъ, это значило сказать ему самую деликатную похвалу. Можно ли уловить смыслъ какъ въ эволюціи комплиментовъ, такъ и въ эволюціи оскорбленій? Сравнивая ругательства ге-

роевъ Гомера съ ругательствами диффаматорскихъ газетъ мы сказали бы, что словарь бранныхъ словъ скорѣе обогатился, нежели видоизмѣнился. Ко всѣмъ физическимъ недостаткамъ, болѣзнямъ, уродствамъ, которыя приписывались нѣкогда врагамъ, прибавились просто пороки цивилизаціи, утонченная испорченность, интеллектуальныя аномаліи, которыя также щедро навязываются имъ. Но эти публичныя оскорбленія прессы, какъ и эти похвалы, представляютъ собою нѣчто отдѣльное, весьма отличное отъ оскорбленій и похвалъ, употребляющихся въ частныхъ случаяхъ, и они должны были сохранить отчасти свой первоначальный гиперболизмъ. Все, что обращается къ публикѣ, это грубому персонажу, требуетъ также кричащихъ и грубыхъ красокъ: объявленій, расклеенныхъ на стѣнахъ, выборныхъ программъ, газетныхъ полемикъ. Не менѣе справедливо и то, что по сравненію съ полемиками между учеными XVI вѣка, полемики нашихъ самыхъ ярыхъ газетъ, хранилищъ всяческой брани, кажутся весьма подслащенными. Что же касается частныхъ оскорбленій, то они приняли смягченный характеръ: еще значительно скорѣе, они перешли отъ гомерической грубости къ самой скромной ироніи, и вмѣсто того, чтобы особенно упираться на физическіе недостатки, они все болѣе болѣе упираются на интеллектуальные недостатки или на моральную грубость. Этотъ двойной прогрессъ, конечно, безъ поворота.

Эти же самыя двѣ характерныя черты замѣчаются въ эволюціи похвалы и одинаково имѣютъ видъ безповоротности. Безъ сомнѣнія, ни одинъ монархъ, ни одинъ великій человекъ въ наши дни не вынесъ бы чрезмѣрныхъ похвалъ, подобныхъ тѣмъ, какія обращались жрецами къ фараонамъ по ихъ приказанію, или какія Пиндаръ цѣлыми потоками проливалъ на увѣнчанныя головы атлетовъ. Тонъ посвященій на книгахъ, написанныхъ всего два вѣка назадъ, возбуждаетъ у насъ улыбку. Если мы сравнимъ частныя разговоры и споры

въ разговорахъ и спорахъ прошлаго, XVIII-го, XVII-го, XVI-го вѣковъ, отъ которыхъ намъ остались образцы, мы безъ труда можемъ констатировать, что доля какъ прямого комплимента какъ и откровенной брани въ нихъ постепенно уменьшалась; эти тяжелыя монеты раздѣлились и подраздѣлились на меньшія очень тонкія монеты. Съ другой стороны сущность этихъ прикрытыхъ комплиментовъ измѣнилась не менѣе, чѣмъ сущность этихъ замаскированныхъ любезностей. Люди начали съ того, что прежде всего хвалили физическую силу божества (см. сатиру Іова), потомъ его мудрость, наконецъ, его доброту. Возврата назадъ не можетъ случиться. Такъ же точно вначалѣ хвалили прежде всего могущество королей, затѣмъ ихъ ловкость, ихъ организаціонный геній, наконецъ, ихъ заботы о народѣ. Къ кому обращался весь лиризмъ поэтовъ восхвалителей въ самыя древнія времена въ Греціи? Больше къ атлетамъ, нежели къ артистамъ. Въ наши дни бываетъ наоборотъ, несмотря на пристрастіе къ триумфаторамъ велосипедовъ или foot-ball'a, нечего бояться, что положеніе вещей вернется къ прежнему порядку. Между тѣмъ нужно отмѣтить, что похвалы, обращенныя къ женщинамъ, претерпѣвали эволюцію обратную предыдущимъ. Сперва хвалили добродѣтель женщинъ, ихъ духъ порядка и экономіи, ихъ таланты какъ *тканщицъ*, затѣмъ какъ музыкантъшъ, все это прежде, чѣмъ хвалить, въ крайней мѣрѣ публично, ихъ физическую красоту; теперь же, когда ихъ хвалятъ, то скорѣе за красоту, чѣмъ за добродѣтель, или даже за умъ, но похвала ихъ красотѣ имѣла свою особенную маленькую эволюцію, которая сводится къ общей тенденціи; раньше хвалили ихъ формы больше, чѣмъ ихъ грацію, теперь хвалятъ грацію больше формъ.

Посмотрите на двухъ людей, мужчинъ или женщинъ, которые дѣлаютъ другъ другу визиты вѣжливости и разговариваютъ между собой. Они тщательно избѣгаютъ такихъ сюжетовъ, относительно которыхъ они рискуютъ имѣть различныя мнѣнія; или если они не могутъ избѣжать необходимости коснуться

ихъ, они какъ можно тщательно скрываютъ свое противорѣчіе; чаще всего они доходятъ даже до того, что жертвуютъ частью своихъ идей, для того чтобы имѣть видъ согласія. Вѣжливый разговоръ, такимъ образомъ, можетъ считаться за постоянное и универсальное упражненіе въ общественности, за единоедушное и заразительное усиліе согласовать умы и сердца, изгладить или прикрыть ихъ дисгармонію. Собесѣдники одушевлены очевиднымъ желаніемъ во всемъ гармонизировать другъ съ другомъ; и дѣйствительно, они безсознательно *внушаютъ* другъ другу, съ большой силой, согласныя чувства и идеи. Взаимный характеръ этого внушенія между тѣмъ никогда не бываетъ вполне выдержанъ; обыкновенно дѣйствіе, оказываемое однимъ изъ собесѣдниковъ на другого или на другихъ, бываетъ преобладающимъ и сводитъ до незначительныхъ размѣровъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что обычаи вѣжливости, поддерживаемые разговорами во время визитовъ, воздѣлываютъ довольно глубоко ту почву, гдѣ должно расцвѣсти общественное единоедушіе, и служатъ для него неизбѣжнымъ подготовленіемъ.

Разговоръ былъ колыбелью литературной критики ¹. Въ XVII вѣкѣ, какъ мы можемъ усмотрѣть изъ корреспонденціи Бюсси-Рабютэна со своей любезной кузиной, длиннаго разговора въ письмахъ, разговоры порядочнаго общества имѣли большею частью отношеніе къ сравнительному достоинству книгъ и авторовъ. Тамъ обмѣнивались сужденіями и спорили о послѣднихъ трагедіяхъ Расина, о сказкѣ Лафонтена, о посланіи Буало, о янсенистскомъ произведеніи; и если приглядѣться поближе ко всѣмъ этимъ разговорамъ, то можно увидѣть, что они всегда стремились послѣ спора согласоваться

¹ Послѣдствіе замѣчательное, если подумать о томъ важномъ значеніи, какое приобрѣла въ нашу современную эпоху литературная критика, высказывая сужденія обо всемъ, даже въ области философской критики, политики, социальныхъ идей.

на одной и той же точкѣ зрѣнія. Такъ было во всякое время независимо отъ того, каковъ былъ господствующій сюжетъ разговоровъ. Именно вездѣ, гдѣ въ извѣстной средѣ люди много говорили о литературѣ, они безсознательно содѣйствовали коллективной выработкѣ поэтической науки, литературнаго кодекса, принятаго всѣми и способнаго доставлять готовые сужденія, всегда согласныя между собой, относительно всѣхъ родовъ умственного творчества. Также, когда мы видимъ гдѣ-нибудь автора, формулирующаго такого рода эстетическій законъ, будь то Аристотель, или Горацій, или Буало, мы можемъ быть увѣрены, что ему предшествовалъ длинный періодъ разговора, сильная общественная жизнь. Итакъ, мы можемъ быть увѣрены, что говорилось много о литературѣ до Аристотеля и въ его время, со временъ софистовъ какъ въ Аѣнахъ, такъ и въ остальной Греціи; что въ Римѣ много говорили о томъ же со временъ Сципіоновъ, и въ Парижѣ со времени *Précieuses* и до нихъ. Эпоха реставраціи также кончила тѣмъ, что выработала свою романтическую поэтику, не менѣе деспотическую для того, чтобы быть анонимной. Въ наши дни таковой еще не утвердилось, но элементы для нея уже приготовляются, и нужно замѣтить, что такъ какъ область разговора даже литературнаго, а не только политическаго и общественнаго, сильно расширилась благодаря увеличенію числа собесѣдниковъ, то выработка кодекса будетъ болѣе продолжительна, нежели въ прежнія эпохи на томъ основаніи, что чѣмъ больше чанъ, тѣмъ больше броженіе. Посредствомъ спора, какъ и посредствомъ обмѣна идей, посредствомъ конкуренціи и войны, какъ и посредствомъ работы, мы содѣйствуемъ всѣ и всегда созданію высшей гармоніи мыслей, словъ и дѣйствій, устойчиваго равновѣсія сужденій, формулированныхъ въ догмы литературныя, артистическія, научныя, философскія, религіозныя, или созданію устойчиваго равновѣсія дѣйствій подъ формой законовъ и нравственныхъ принциповъ. Дѣйствительно, социаль-

ная логика дѣйствуетъ во всѣхъ рѣчахъ и во всѣхъ поступкахъ людей и неизбежно приводитъ къ своимъ конечнымъ выводамъ.

VII.

Далеко позади и значительно ниже разговора стоитъ письменная корреспонденція, какъ факторъ мнѣнія. Но этотъ второй сюжетъ, связанный самыми тѣсными узами съ первымъ, не задержитъ насъ долго. Обмѣнъ письмами—это болтовня на разстояніи, болтовня, продолжающаяся несмотря на отсутствіе. Слѣдовательно, тѣ причины, которыя благоприятствуютъ разговору—прибавленіе досуга, объединеніе языковъ, распространеніе общихъ знаній, равенство ранговъ и т. д.—дѣлаютъ также большей активности корреспонденціи, были бы времена, когда больше всего путешествовали и болтали. Такова была эпоха Плинія Младшаго. Таковъ былъ также нашъ XVI вѣкъ. „XVI вѣкъ,—говоритъ одинъ историкъ,—это прежде всего вѣкъ письменной корреспонденціи. Количество политическихъ писемъ, отъ королей, министровъ, капитановъ и посланниковъ, сохранныхъ среди манускриптовъ національной бібліотеки, неисчислимо. Тамъ фигурируютъ также корреспонденціи религіозныя и интимныя“¹. Въ Испаніи, если сравнить эту страну съ другими націями Западной Европы, пишутъ мало. Огонь разговора всегда и везде вспыхивалъ въ слояхъ націи, наиболѣе любящихъ путешествовать.

На первый взглядъ могло бы показаться, что путешествовать, умножая письма, должны уменьшать количество разговоровъ. Но извѣстная истина, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ много путешествуютъ, больше всего говорятъ и пишутъ другъ другу. Такимъ же образомъ, развитіе желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ темъ чтобы пресѣчь развитіе каретной торговли, поддержало ее. Если кочевыя привычки нашихъ современниковъ слишкомъ часто врываются между старыми друзьями, между соседями, гражданами одного и того же города, „эти тихія бесѣды въ сумерки“ *lenes sub noctem susurri*, которыя, какъ говоритъ Гораций, „повторялись въ обычный часъ“, то онѣ позволяютъ все возрастающему числу чужестранцевъ видѣться, разговаривать другъ съ другомъ, и эти свиданія если и отличаются такимъ прелестнымъ характеромъ, зато болѣе

поучительны. Любознательность выиграла больше, чѣмъ потеряла интимность, и какъ бы чувствительна ни была для насъ эта потеря, я покоряюсь при мысли, что она можетъ быть только временной. Нельзя ли возвести въ принципъ—что всѣмъ могущій освѣтить интересующій насъ сюжетъ—что письменныя корреспонденціи, разговоры и путешествія находятся между собой въ тѣсной связи до такой степени, что если мы у извѣстнаго народа въ извѣстный моментъ откроемъ развитіе одного изъ этихъ трехъ, напр. путешествій, мы будемъ въ правѣ сдѣлать заключеніе о развитіи и двухъ другихъ, и обратно? Тѣ времена, когда письменная корреспонденція наиболѣе процвѣтала (я разумѣю времена до появленія журнализма, столь недавняго, который немного измѣнилъ въ этомъ отношеніи положеніе вещей, какъ мы это увидимъ), были временами, когда больше всего путешествовали и болтали. Такова была эпоха Плинія Младшаго. Таковъ былъ также нашъ XVI вѣкъ. „XVI вѣкъ,—говоритъ одинъ историкъ,—это прежде всего вѣкъ письменной корреспонденціи. Количество политическихъ писемъ, отъ королей, министровъ, капитановъ и посланниковъ, сохранныхъ среди манускриптовъ національной бібліотеки, неисчислимо. Тамъ фигурируютъ также корреспонденціи религіозныя и интимныя“¹. Въ Испаніи, если сравнить эту страну съ другими націями Западной Европы, пишутъ мало. Огонь разговора всегда и везде вспыхивалъ въ слояхъ націи, наиболѣе любящихъ путешествовать.

¹ Тогда появляется вся іерархія формулъ вѣжливости и письменный церемониаль. Высшему говорятъ *Monseigneur*, равному *Monsieur*. Написываютъ: «поручаю себя вашей милости», обращаясь къ знатной особѣ. Начинаютъ: «Моля Бога послать вамъ долгую жизнь въ полномъ здравьи». Ступени отмѣчены словами, предшествующими подписи: «вашъ слуга, вашъ покорный слуга, вашъ смиренный слуга». (Descue de Stoutz). Прибавимъ, что письма въ XVI вѣкъ, такъ же какъ и разговоры, въ своемъ отраженіи которыхъ они являются, лишены осторожности и неловкости, нескромны, непристойны и не деликатны до послѣдней степени. Слѣдующій вѣкъ распространить чувство нюансовъ.

тешествовать, и тамъ ощущалась потребность писать другъ другу, напр., въ Греціи среди риторовъ и софистовъ, странствующихъ продавцовъ мудрости, притомъ въ нѣдрахъ народа приморскаго и подвижнаго; въ Римѣ среди аристократіи, такъ охотно кочующей и странствующей; въ средніе вѣка въ сферахъ университета и церкви, гдѣ монахи проповѣдники, епископы, легаты, аббаты и даже аббатиссы (эти послѣднія въ особенности) такъ легко перемѣщались и путешествовали такъ далеко, по сравненію съ остальнымъ населеніемъ. Первыя почты начали съ того, что были привилегіей университетской и экклезіастической, или, скорѣе, подымаясь еще выше, королевской.

Относительно этого важнаго учрежденія я скажу только нѣсколько словъ, чтобы показать, что его развитіе шло согласно съ закономъ распространенія примѣровъ *сверху внизъ*. Сначала короли и папы, затѣмъ князья и прелаты, имѣли своихъ частныхъ курьеровъ, раньше чѣмъ простые власти, затѣмъ ихъ вассалы, затѣмъ постепенно всѣ слои націи до самаго послѣдняго, также поддались искушенію писать другъ другу. Когда своимъ эдиктомъ 19 іюня 1494 года Людовикъ XI организовалъ почту, курьеры носили только письма монарха, но „изъ специально королевскаго, — говоритъ du Camp, — это учрежденіе не замедлило стать административнымъ съ точной оговоркой, чтобы письма прочитывались и не содержали въ себѣ ничего, что могло бы нанести ущербъ королевскому авторитету“. Людовикъ XI прекрасно сознавалъ то могущественное дѣйствіе, которое могла оказывать корреспонденція частныхъ лицъ на рождающееся мнѣніе. Въ первый разъ при Ришелье письма были подчинены правильному тарифу (1627), что ясно показываетъ ихъ непрерывное численное возрастаніе¹. „Можно легко отдать себѣ отчетъ

¹ Между тѣмъ частныя письма — такъ какъ выше, по поводу XVI в., рѣчь шла о корреспонденціи политическаго характера — были повидному весьма малочисленны до половины XVII в., если судить по вы-

въ необыкновенномъ ростѣ службы на фермахъ во Франціи въ продолженіе XVIII в., сравнивая цѣну послѣдовательныхъ наймовъ“. Она возросла съ двухъ съ половиной милліоновъ въ 1700 году до десяти милліоновъ въ 1777 году, она увеличилась такимъ образомъ вчетверо. Въ наши дни почтовая статистика позволяетъ вычислить быстрое и непрерывное возрастаніе количества писемъ въ различныхъ государствахъ¹, и измѣрить такимъ образомъ неравное, но повсюду регулярное увеличеніе общей потребности, которую они удовлетворяютъ. Такимъ образомъ оно можетъ указать намъ на неравномѣрныя ступени и успѣхи общественности.

Но эта же самая статистика является хорошимъ образцомъ, подтверждающимъ, что всегда существуютъ скрытые *качественные* элементы подъ социальными количествами, для которыхъ статистика вообще служитъ приблизительнымъ мѣриломъ². Дѣйствительно, нѣтъ ничего болѣе схожаго по внѣшнему виду, какъ письмо въ одну и ту же эпоху, въ одной и той же странѣ, и кажется, что условіе однородности единицъ для вычисленій статистика выполнено какъ нельзя лучше. Письма имѣютъ приблизительно одинаковый форматъ, одинаковаго типа конвертъ, одинъ и тотъ же способъ запечатыванія, держкъ изъ мемуаровъ m-lle de Монпансье, цитированной Редереромъ. Она говоритъ о принцессѣ де Партени (m-me de Сабле): въ ея время писаніе вошло въ употребленіе. Обыкновенно писались только свадебные контракты; что касается писемъ, то о нихъ никто даже не упоминалъ.

¹ Во Франціи, наприм., отъ 1830 до 1892 г. число писемъ увеличилось изъ года въ годъ *равномерно* (исключая 1848 и 1870), отъ 63 милліоновъ писемъ до 773 милліоновъ. Отъ 1858 до 1892 количество телеграфныхъ депешъ возвысилось отъ 32 до 463 милліоновъ, круглымъ числомъ.

² Если бы это было умѣстно, я показалъ бы, что существуетъ не меньше скрытой *качественности* въ физическихъ количествахъ, измѣряемыхъ научными прогрессами аналогичными по существу со статистикой и не менѣе правдоподобныхъ, чѣмъ она, хотя на видъ болѣе основательными.

ванія, одинаковаго рода надписи. Въ настоящее время они покрыты одинаковыми почтовыми марками. Уголовная и гражданская статистика, конечно, далека от того, чтобы считать единицы до такой степени сходны. Но распечатайте письма: сколько характеристическихъ различій, глубокихъ и существенныхъ, несмотря на постоянство торжественныхъ формулъ начала и конца! Сложить вмѣстѣ эти столь разнообразные вещи, этого слишкомъ мало. Мы знаемъ ихъ количество, но мы не знаемъ даже ихъ длину. Между тѣмъ любопытно было бы узнать, не становились ли они, по мѣрѣ того какъ дѣлались все многочисленнѣе, болѣе короткими, что весьма вѣроятно, и болѣе сухими? И если бы существовала статистика разговоровъ¹, которая была бы также вполне законной, то точно также интересно было бы знать ихъ длительность, которая въ нашъ дѣловой вѣкъ навѣрное была бы обратно пропорціональна ихъ количеству. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ больше всего бываетъ дождя, гдѣ падаетъ съ неба наибольшее количество воды—простите мнѣ это сравненіе—тамъ въ большинствѣ случаевъ дожди идутъ очень рѣдко. Особенно интересно было бы знать внутреннія видоизмѣненія сущности писемъ, точно такъ же какъ и разговоровъ, но статистика здѣсь не можетъ намъ помочь.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ сомнѣній, что появленіе журнализма дало письменнымъ видоизмѣненіямъ рѣшительный толчокъ. Пресса, поддерживавшая и питавшая разговоръ столькими новыми возбуждающими и питательными средствами, наоборотъ, иссушила много источниковъ корреспонденціи. Очевидно, что если бы въ мартѣ 1658 г. во Франціи были ежедневныя газеты столь же освѣдомленные, столь же аккуратно посылаемые въ провинціи, какъ и въ наши дни, то

¹ Она была бы возможна, если бы каждый изъ насъ велъ правильный дневникъ, подобный дневнику Гонкуровъ. До сихъ поръ записывается только количество засѣданій конгресса или ученыхъ обществъ, и статистика въ этомъ отношеніи отмѣчаетъ постоянное возрастаніе.

Оливье Патрю, такой занятой человѣкъ, не сталъ бы трудиться писать своему другу Дабленкуру длинное письмо, гдѣ онъ даетъ столько подробностей (какія можно найти теперь въ первомъ попавшемся газетномъ листкѣ) относительно посѣщенія Христиной Шведской французской академіи. Большая, но незамѣтная услуга, которую газеты оказываютъ намъ, заключается въ томъ, что онѣ избавляютъ насъ отъ обязанности писать нашимъ друзьямъ цѣлую массу интересныхъ новостей¹ относительно событій дня, которыя наполняли письма прошлыхъ вѣковъ.

Можно ли сказать, что пресса, освободивъ и избавивъ частныя корреспонденціи отъ этого балласта хроникъ, сдѣлала услугу письменной литературѣ, наведя ее на настоящій путь, тѣсный, но глубокий, чисто психологическій и сердечный? Я боюсь, что думать такимъ образомъ было бы чистой иллюзіей. Все усиливающейся городской характеръ нашей цивилизации имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что число нашихъ друзей и знакомыхъ не перестаетъ возрастать, въ то время какъ степень ихъ близости уменьшилась, и то, что мы имѣемъ сказать или написать, относится все меньше и меньше къ отдѣльнымъ личностямъ и все болѣе и болѣе къ цѣлымъ группамъ и къ группамъ все болѣе многочисленнымъ. Нашъ настоящій собесѣдникъ, нашъ настоящій корреспондентъ—это—и съ каждымъ днемъ все болѣе—публика². По-

¹ Журналисты очень рано сознали этотъ родъ пользы. Ренадо въ началѣ обзора своей *Газеты* въ 1631 году говоритъ объ „облегченіи, приносимомъ ими (газетами) тѣмъ, кто пишетъ своимъ друзьямъ, которыми раньше они были принуждены, для удовлетворенія ихъ любознательности, терпѣливо описывать новости, чаще всего выдуманныя ради удовольствія и основанныя на недостоверности простого слуха“. Это *облегченіе* носило въ эту эпоху еще вполне частный характеръ, какъ мы видимъ по письму Патрю, о которомъ мы только что упоминали.

² Потребность обращаться къ публикѣ довольно недавняго происхожденія. Даже короли прежняго режима не обращались никогда къ публикѣ: они обращались къ сословіямъ, къ парламенту, къ духовенству, но никогда ко всей націи, взятой вмѣстѣ, тѣмъ болѣе частныя лица.

этому не удивительно, что печатныя письма, имѣющія характеръ сообщеній¹, объявленія и рекламы путемъ газетъ прогрессируютъ гораздо быстрѣе, чѣмъ наши частныя письма. Можетъ-быть, мы имѣемъ право считать вѣроятнымъ, что среди этихъ послѣднихъ фамиллярныя письма, письма-разговоры, которыя, естественно, нужно ставить отдѣльно отъ писемъ дѣловыхъ, все уменьшаются по количеству и еще болѣе по длинѣ, если судить по необыкновенной степени упрощенія и сокращенія, до которой дошли даже любовныя письма въ „личной корреспонденціи“ извѣстныхъ газетъ². Утилитарный лаконизмъ телеграммъ и телефонныхъ разговоровъ, которые постепенно овладѣваютъ областью корреспонденціи, отнимая на стилѣ самыхъ интимныхъ писемъ. И если поглощаемая прессой съ одной стороны, телеграфомъ и телефономъ съ другой, подтачиваемая съ разу съ этихъ двухъ концовъ, корреспонденція живетъ и даже, судя по почтовой статистикѣ, какъ будто и процвѣтаетъ, то это можно объяснить только умноженіемъ дѣловыхъ писемъ.

Письмо фамиллярное, личное, подробное было убито газетой, и это понятно, потому, что она является его высшимъ эквивалентомъ, или скорѣе продолженіемъ и дополненіемъ, универсальнымъ отраженіемъ. Дѣйствительно, газета и книга

¹ Письма съ сообщеніями о рожденіи, о бракѣ, о смерти избавили частную корреспонденцію отъ одного изъ ея наиболѣе обильныхъ прежнихъ сюжетовъ. Напр., мы видимъ въ одномъ томѣ корреспонденціи Вольтера цѣлый рядъ писемъ, въ которомъ содержатся сообщенія друзьямъ г-жи дю Шатле, въ остроумныхъ и подробныхъ вариантахъ, о рожденіи ребенка, только что произведеннаго ею на свѣтъ.

² Но что безспорно все сокращается и упрощается въ письмахъ всякаго рода, это ихъ церемоніаль. Сравните современное «преданный вамъ» съ формулами для окончанія письма въ XVI и въ XVII в. Преобразование заключительныхъ формулъ при разговорѣ въ томъ же смыслѣ не подлежитъ сомнѣнію, но такъ какъ онѣ не оставили по себѣ прочнаго слѣда, то изучать прогрессъ или регрессъ въ этомъ дѣлѣ удобнѣе по корреспонденціи прошлаго и настоящаго.

е одинаковаго происхожденія. Книга происходитъ отъ речи, отъ монолога, и, прежде всего, отъ поэмы, отъ поэмы. Книга поэзіи предшествовала книгѣ прозы; священная книга книгѣ свѣтской. Но происхожденіе газеты свѣтское и фамиллярное. Она происходитъ отъ частнаго письма, которое въ свою очередь происходитъ отъ разговора. И газеты начали съ того, что были частными письмами, обращенными къ отдѣльнымъ личностямъ, и переписанными въ извѣстномъ числѣ экземпляровъ. „За долго до печатнаго, публичнаго журнализма“¹ болѣе или менѣе терпимаго, или даже болѣе или менѣе принимаемаго въ расчетъ правительствами, существовалъ писанный журнализмъ часто тайный“, который горно держался или пережилъ самого себя до XVIII в. въ письмахъ Гримма или въ мемуарахъ Башомона.

Посланія апостола Павла, письма миссіонеровъ—все это настоящіе журналы. Если бы апостолъ Павелъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь *Религіозную недѣлю*, то именно такія статьи онъ писалъ бы туда.

Словомъ, газета—это публичное письмо, публичный разговоръ, который происходя отъ частнаго письма, отъ частнаго разговора, становится для нихъ важнымъ регуляторомъ и наиболѣе обильной пищей, одинаковой для всѣхъ въ цѣломъ мірѣ, глубоко измѣняющейся для всѣхъ съ каждымъ днемъ. Газета начала съ того, что была только продолжающимся отголоскомъ разговоровъ и корреспонденцій, а кончила тѣмъ, что стала для нихъ почти единственнымъ источникомъ. Что до корреспонденціи, то она еще живетъ ими, она живетъ ими болѣе чѣмъ когда-либо, особенно въ той наиболѣе сжатой и наиболѣе современной формѣ, которую онѣ принимаютъ, въ формѣ телеграфической депеши. Изъ частной телеграммы, адресованной къ ея главарию, она дѣлаетъ сенсационную всеобщую новость, которая моментально во всѣхъ боль-

¹ Eugène Dubiet, *Le Journalisme*. Hachette, 1892.

шихъ городахъ материка породить толпы; а всѣ эти разсѣянные толпы, тѣсно соприкасающіяся другъ съ другомъ на разстояніи, благодаря сознанію ихъ одновременности, ихъ взаимнаго дѣйствія, рожденнаго ея дѣйствіемъ, она свяжетъ въ одну огромную толпу, отвлеченную и всемогущую, которую она назоветъ общественнымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ, она окончила долгую вѣковую работу, начатую разговоромъ, продолженную корреспонденціей, но остававшуюся всегда въ состояніи разсѣяннаго и несвязнаго наброска, работу сліянія личныхъ мнѣній въ мнѣнія мѣстныя, этихъ послѣднихъ — въ мнѣніе національное и мнѣніе *всемирное*, грандіозное объединеніемъ общественнаго ума. — Я говорю общественнаго ума, я не говорю національныхъ умовъ, *традиционныхъ*, которые остаются въ основѣ различными подѣ двойнымъ вторженіемъ *раціональнаго* болѣе серьезнаго интернаціонализма, по отношенію къ которому національный умъ является часто отзвукомъ и народнымъ резонаторомъ. — Власть огромная, несмотря ни на что, которая не можетъ иначе идти, какъ все увеличиваясь, такъ какъ потребность согласоваться съ публикой, часть которой составляетъ, думать и дѣйствовать въ смыслѣ мнѣнія, становится тѣмъ сильнѣе и непреодолимѣе, чѣмъ публика многочисленнѣй, чѣмъ сильнѣе мнѣніе, и чѣмъ чаще удовлетворялась эта самая потребность. Итакъ, не нужно удивляться, видя, какъ наши современники сгибаются подѣ напоромъ налетающаго вихря общественнаго мнѣнія, и необходимо не дѣлать отсюда заключенія, что характеры ослабѣли. Если гроза повергаетъ на землю дубы и тополи, то это не значитъ, что они стали слабѣе, это значитъ, что вѣтеръ сдѣлался сильнѣе.

III.

ТОЛПЫ И ПРЕСТУПНЫЯ СЕКТЫ ¹.

Въ теченіе всего послѣдняго столѣтія, когда во всемъ, — въ политикѣ и политической экономіи, въ морали, въ правѣхъ и даже въ религіи, длился этотъ кризисъ индивидуализма, вплоть до нашихъ дней преступленіе считалось актомъ, по существу своему самымъ индивидуалистическимъ въ мірѣ; и среди криминалистовъ понятіе о коллективномъ преступленіи было, такъ сказать, потеряно, какъ утратилась даже среди теологовъ идея о коллективномъ грѣхѣ, за исключеніемъ развѣ идеи о грѣхѣ наслѣдственномъ. Когда покушенія заговорщиковъ, преступленія разбойничьихъ шайкъ заставили признать фактъ существованія преступленій, совершаемыхъ коллективно, тогда успѣли разложить эти туманныя уго-

¹ Я думаю, что здѣсь необходимо перепечатать въ качествѣ полезнаго дополненія къ предыдущимъ этюдамъ этотъ этюдъ, напечатанный раньше (въ декабрь 1893 г.) въ *Revue des Deux-Mondes*, а затѣмъ въ моихъ *Essais et Mélanges* (Storck et Masson, 1895). Еще задолго до появленія этого этюда я занимался психологіей толпы. Читателя, интересующагося этимъ предметомъ, я позволяю себѣ отослать къ моей *Philosophie pénale* (Storck et Masson, 1890), къ главѣ *Le crime*, стр. 323 и сл., а также къ моему докладу о *преступленіяхъ толпы*, который былъ прочитанъ и обсуждался на брюссельскомъ Конгрессѣ криминальной антропологии въ августъ 1892. Все это было потомъ перепечатано въ моихъ *Essais et Mélanges*.

ловныя дѣянія на отдѣльныя индивидуальныя преступленія, считая первыя только суммой вторыхъ. Но въ настоящее время социологическая или социалистическая реакція противъ этой великой *эгоцентрической* иллюзіи должна естественнымъ образомъ направить вниманіе на социальную сторону актовъ, которыми индивидуумъ несправедливо приписываетъ себѣ. Исслѣдователи съ большимъ интересомъ занялись преступностью сектъ — по этому вопросу ничто по глубинѣ и силѣ не можетъ сравниться съ работами Тэна по психологіи якобинцевъ — а въ последнее время преступностью толпъ. Это — два чрезвычайно различныхъ вида одного общаго рода, именно *групповое* преступленія; и совмѣстное изученіе ихъ не будетъ бесполезнымъ или несвоевременнымъ.

I.

Трудность вопроса заключается не въ томъ, чтобы отыскать коллективныя преступленія, а въ томъ чтобы открыть преступленія, которыя не являются таковыми, въ которыхъ среда не участвуетъ ни въ какой степени. Этотъ послѣдній вопросъ до того важенъ, что можно даже спросить себя, существуютъ ли вообще чисто индивидуальныя преступленія, подобно тому, какъ ставился вопросъ о томъ, существуютъ ли произведенія гения, которыя не являются произведеніями коллективными. Проанализируйте состояніе преступника самого жестокаго и самого одинокаго въ моментъ преступленія или разберите душевное состояніе изобрѣтателя, самого великаго и удивительнаго въ тотъ моментъ, когда онъ совершаетъ свое открытіе. Отбросьте при образованіи этого лихорадочнаго состоянія все то, что слѣдуетъ отнести на долю вліяній воспитанія, товарищей, образованія, біографическихъ фактовъ — что останется? Очень немного, и тѣмъ не менѣе нѣчто и нѣчто существенное, нѣчто такое, чему вовсе не нужно изо-

лировать, чтобы быть собою. Напротивъ того, это невѣдомое нѣчто, которое является вполне индивидуальнымъ я, должно смѣшиваться съ вѣшнимъ міромъ для того чтобы познать себя и укрѣпиться; оно питается тѣмъ, что измѣняетъ его. Только благодаря разнообразнымъ актамъ, вытекающимъ изъ соприкосновенія съ посторонними лицами, оно развивается, приспособляя ихъ къ себѣ, при чемъ степень этого приспособленія весьма различна въ зависимости отъ того, насколько индивидуально я дана способность скорѣе приспособлять постороннихъ лицъ къ себѣ, чѣмъ самому ассимилироваться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Впрочемъ, даже при подчиненіи оно остается всего чаще собою, и его подчиненіе имѣетъ свой собственный характеръ. Почему Руссо отвернулся отъ дѣйствительности, когда для осуществленія высшей возможной степени индивидуальной автономіи онъ находилъ необходимымъ режимъ продолжительнаго уединенія съ ранняго дѣтства, уединенія, впрочемъ, неполнаго, уединенія двоякаго, учителя и ученика, которое гипнотизировало второго изъ нихъ. Его *Эмилъ* — это само олицетвореніе и въ то же время, путемъ абсурда, отверженіе индивидуализма, присущаго его эпохѣ. Если уединеніе — плодотворное и даже единственно плодотворное средство, то это потому, что оно чередуется съ интенсивной жизнью различныхъ отношеній, опытовъ и чтеній, давая возможность размыслить надъ ней.

Несмотря на все это, преступленія можно назвать индивидуальными, какъ и всѣ вообще дѣйствія, совершенныя одною личностью въ силу неясныхъ, отдаленныхъ, смутныхъ вліяній другихъ людей, невѣдомыхъ и неопредѣленныхъ; съ другой стороны, можно сохранить слово „коллективный“ для дѣйствій, совершенныхъ непосредственнымъ совмѣстнымъ трудомъ извѣстнаго опредѣленнаго количества соисполнителей. Конечно, въ этомъ смыслѣ существуютъ и индивидуальныя творенія гения, или вѣрнѣе въ твореніяхъ гения все индивидуально. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что въ то время,

какъ въ нравственномъ отношеніи группы способны къ двумъ противоположнымъ крайностямъ, къ крайней преступности порою къ высшему героизму,—въ смыслѣ интеллектуальномъ мы не наблюдаемъ того же явленія. Масса можетъ опуститься до такой степени безумія или оупѣнія, какія невѣдомы индивидууму, взятому въ отдѣльности; и въ то же время масса лишена возможности подняться до высшаго развитія творческаго ума и воображенія. Въ нравственномъ отношеніи массы могутъ падать очень низко и подниматься очень высоко. Въ интеллектуальномъ отношеніи онѣ способны доходить только до крайней степени паденія. Если намъ извѣстны случаи коллективныхъ злодѣяній, на которые былъ бы не способенъ индивидуумъ, случаи рѣзни и грабежей, совершаемыхъ вооруженными шайками, пожары во время революцій, сентябрьскіе дни, Варооломеевская ночь, случаи массовыхъ подкуповъ и т. д., то съ другой стороны мы знаемъ и о проявленіяхъ коллективнаго героизма, въ которыхъ индивидуумъ возвышается надъ самимъ собою, о битвахъ легендарныхъ рыцарей, о возстаніяхъ, вызванныхъ патріотическимъ чувствомъ, о массовыхъ мученичествахъ, о ночи 4-го августа и т. д. Но въ противовѣсъ коллективному проявленію безумія и тупости, примѣры котораго мы приведемъ, можно ли указать коллективные акты генія?

Нѣтъ. Отвѣтить утвердительно можно только, принявъ бездоказательствъ банальную неосновательную гипотезу, по которой языки и религіи, творенія безъ сомнѣнія геніальныя, были самороднымъ и безсознательнымъ созданіемъ массъ, и что особенно замѣчательно, не организованныхъ массъ, а нестройныхъ скопищъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать это слишкомъ легкое рѣшеніе капитальнаго вопроса. Оставимъ въ сторонѣ то, что происходило въ доисторическія времена. Но можно ли въ историческія времена указать изобрѣтеніе, открытіе, вѣрную инициативу, которыми бы мы были обязаны этому безличному существу, толпѣ? Нѣтъ. То, что въ революціяхъ

было чисто разрушительнаго, толпа можетъ приписать себѣ, до крайней мѣрѣ отчасти, но что основали онѣ, что въ дѣятельности открыли такого, что до или послѣ нихъ не было постигнуто и предусмотрѣно людьми высшими, какъ Лютеръ, Руссо, Вольтеръ, Наполеонъ? Пусть миѣ укажутъ армію, даже наилучшаго состава, которая сама собою создала бы планъ кампаніи, замѣчательной или хотя бы посредственной; пусть миѣ укажутъ военный совѣтъ, который при раздумываніи, я не говорю уже при обсужденіи какого-нибудь маневра, могъ бы сравниться съ умомъ, самымъ посредственнымъ, главнокомандующаго. Встрѣчалъ ли кто-нибудь художественный шедевръ въ живописи, скульптурѣ или архитектурѣ, наконецъ даже эпопею, которые были бы задуманы и исполнены коллективнымъ вдохновеніемъ десяти, ста поэтовъ или художниковъ? Такъ фантазировали на счетъ *Илиады* въ извѣстную эпоху дурной метафизики; теперь смѣются надъ этимъ. Все геніальное индивидуально, даже въ дѣлѣ преступленій. Нѣтъ преступной толпы, нѣтъ такой ассоціаціи преступниковъ, которые изобрѣли бы новый способъ убійства или грабежа; геніальнымъ убійцамъ и ворами обязаны мы тѣмъ, что искусство убивать и грабить ближняго поднялось, достигло нынѣшняго совершенства.

Отъ чего зависитъ указанное несходство? Почему социальнымъ группамъ несвойственно высокое умственное развитіе, тогда какъ имъ доступно высокое и сильное развитіе воли и даже добродѣтели? Причина этого несходства заключается въ томъ, что поступокъ добродѣтельный, даже самый героическій, самъ по себѣ есть нѣчто весьма простое и отличается отъ обыкновеннаго нравственнаго поступка только степенью; въ самомъ дѣлѣ, сила единства, которое получается въ собраніяхъ людей, гдѣ чувства и мнѣнія усиливаются, благодаря многочисленнымъ точкамъ соприкосновенія, есть сила по преимуществу количественная. Но произведеніе генія или таланта имѣетъ всегда сложный характеръ и отли-

чается по самой природѣ, не только по степени, отъ обыкновеннаго умственнаго акта. Здѣсь дѣло заключается не въ томъ, чтобы воспринять и запомнить, что попало, приноравливаясь къ извѣстному типу, а въ томъ, чтобы создать новую комбинацію изъ воспріятій и образовъ, уже извѣстныхъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что десять, сто, тысяча умовъ, соединившихся вмѣстѣ, болѣе способны чѣмъ одинъ охватить всѣ стороны какого-нибудь сложнаго вопроса; и эта иллюзія столь же непреоборима и обаятельна, сколько глубока. Во всѣ времена народы, наивно проникнутые этимъ предразсудкомъ, въ тревожныя минуты своей жизни ждали отъ религиозныхъ и политическихъ собраній исцѣленія отъ золъ. Въ средніе вѣка это были соборы, въ новое время — генеральныя штаты, парламенты. Вотъ какой панацеи ищутъ болыныя массы. Изъ этой же ошибки вытекаетъ вѣра въ судъ присяжныхъ, постоянно обманывающая и постоянно вновь возрождающаяся. Въ дѣйствительности это не просто *собранія* лицъ; это скорѣе *корпорации*, въ родѣ большихъ религиозныхъ орденовъ, или гражданскихъ или военныхъ ополченій, которыя иногда отвѣчали потребностямъ народовъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что даже въ формѣ корпораций коллективныя группы безсильны создать что-нибудь новое. Такъ бываетъ независимо отъ того, насколько дѣеспособенъ социальный механизмъ, въ который вовлечены индивидуумы.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, чтобы одновременно по сложности и эластичности своей структуры онъ равнялся мозговому организму, этой несравненной арміи нервныхъ клѣтокъ, которую каждый изъ насъ носитъ въ своей головѣ?

Пока хорошо сотворенный умъ стоитъ выше парламента даже наилучшимъ образомъ устроеннаго, въ отношеніи быстроты и вѣрности функціонированія, быстраго впитыванія и выработки многообразныхъ элементовъ, тѣсной солидарности безчисленныхъ дѣйствующихъ силъ, до тѣхъ поръ будетъ чистымъ ребячествомъ, хотя правдоподобно *a priori* и извѣ-

нительно, разсчитывать, что мятежи и совѣщательныя органы могутъ скорѣе вывести страну изъ затруднительнаго положенія, чѣмъ одинъ человекъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, когда страна переживаетъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, въ которые она чувствуетъ настоятельную потребность не только въ великой отзывчивости сердца, но и въ великихъ способностяхъ ума, всякій разъ является необходимость въ единоличномъ управленіи, въ формѣ ли республиканской, или монархической, или съ парламентской окраской. Не разъ раздавались протесты противъ этой необходимости, которая казалась *переживаніемъ*, и причины которой тщетно доискивались. Можетъ-быть намекъ на ея скрытую причину заключается въ выше приведенныхъ соображеніяхъ.

Они могутъ также помочь точно опредѣлить, въ чемъ состоитъ отвѣтственность вождей въ дѣйствіяхъ, совершенныхъ группами, которыми руководятъ эти вожди. Собраніе, ассоціація, толпа или секта имѣютъ лишь ту *идею*, которая имъ внушена; эта болѣе или менѣе разумная идея, указаніе на то, какую преслѣдовать цѣль, какія употреблять средства, можетъ сколько угодно распространяться изъ ума одного человека по умамъ всѣхъ, и она все-таки останется одной и той же. Тотъ, кто внушалъ ее, отвѣчаетъ за ея непосредственныя слѣдствія. Но возбужденіе, которое соединяется съ этой идеей и которое распространяется вмѣстѣ съ ней, не остается одинаковымъ при своемъ распространеніи; интенсивность этого возбужденія растетъ на подобіе математической прогрессіи, и то, что было умѣреннымъ желаніемъ или перѣшительнымъ мнѣніемъ у виновника этой пропаганды, у того, напр., кто первый внушилъ рискованное подозрѣніе противъ извѣстной категоріи гражданъ, то быстро превращается въ страсть и убѣжденіе, ненависть и фанатизмъ въ массѣ, склонной къ броженію, куда попало зерно. Сила возбужденія, двигающая толпой и доводящая ее до послѣдней крайности въ отношеніи какъ добра, такъ и зла, является

въ значительной долѣ ея собственнымъ дѣломъ; она — результатъ взаимнаго разгоряченія этихъ людей, которые собираются вмѣстѣ, видя каждый въ другомъ свое отраженіе. Возлагать на вождя толпы отвѣтственность за всѣ преступленія къ которымъ влечетъ ее это крайнее возбужденіе, было бы столь же несправедливо, какъ приписывать этому вождю всѣ заслугу великихъ дѣлъ патріотическаго самопожертвованія великихъ подвиговъ самоотверженія, порожденныхъ тѣмъ же лихорадочнымъ возбужденіемъ. Отъ вождей толпы или мятежниковъ всегда можно требовать отвѣта за то коварство и искусство которыя проявила толпа при совершеніи своихъ убійствъ, грабежей и пожаровъ, но не всегда они отвѣтственны за ярость и количество бѣдъ, причиненныхъ преступной заразой толпы. Генералу одному слѣдуетъ воздать почетъ за его планъ кампаніи, но не ему принадлежитъ почетъ за храбрость его солдатъ. Я не говорю, что этого различія достаточно для рѣшенія всѣхъ возникающихъ при этомъ вопросовъ объ отвѣтственности; я хочу сказать, что его нужно имѣть въ виду при разрѣшеніи ихъ.

II.

Какъ съ интеллектуальной, такъ и съ другихъ точекъ зрѣнія, необходимо установить замѣтные отличительные признаки между разными формами социальныхъ группировокъ. Не станемъ останавливаться на тѣхъ, которыя заключаются просто въ матеріальномъ сближеніи. Прохожіе на многолюдной улицѣ, путешественники, сошедшіеся, даже густо набившіеся на пакеботѣ, въ вагонѣ, за табльдотомъ, молчащіе или несвязанные общимъ разговоромъ, группируются физически, а не въ общественномъ смыслѣ слова. То же скажемъ бы я о крестьянахъ, скопившихся на ярмаркѣ, пока они ограничиваются только заключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ ме-

ду собою, преслѣдуютъ каждый въ отдѣльности свои разнородныя, хотя исходныя цѣли, не устраиваютъ кооперацій для общаго общаго дѣла. Все, что можно сказать о нихъ, это то, что они носятъ въ себѣ способность къ социальному группированію въ той мѣрѣ, въ какой ихъ предрасполагаетъ къ общему или менѣе тѣсному въ случаѣ надобности соединенію сходство языка, національности, религіи, класса, воспитанія, всякое сходство социального происхожденія, т. е. всякое сходство, обусловленное распространеніемъ чрезъ подражаніе какого-нибудь элемента, исходящаго отъ перваго изобрѣтателя, анонимнаго или извѣстнаго. Стоитъ, чтобы произошелъ на улицѣ динамитный взрывъ, стоитъ, чтобы возникла опасность крушенія судна или поѣзда, чтобы вспыхнулъ пожаръ въ отелѣ, распространилась на ярмаркѣ какая-нибудь клевета противъ заподозрѣннаго барышника, — и тотчасъ же эти способные къ ассоцірованію индивидуумы соединяются для стремленія къ общей цѣли подъ давленіемъ общаго возбужденія.

Тогда сама собою рождается первая ступень ассоціаціи, которую мы называемъ толпой. Чрезъ рядъ посредствующихъ ступеней отъ этого примитивнаго агрегата, летучаго и аморфнаго мы поднимаемся къ толпѣ организованной, имѣющей іерархическое раздѣленіе, продолжительную и регулярную жизнь, словомъ, къ той толпѣ, которую мы называемъ *корпорацией* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Самое широкое выраженіе той и другой — церковь и государство. Замѣтимъ даже, что церкви и государства, религіи и націи въ періоды своего сильнаго роста всегда имѣютъ тенденцію осуществить корпоративный типъ, монастырскій или полководной, къ счастью никогда не достигая его вполне. Ихъ историческая жизнь проходитъ въ томъ, что они раскачиваются между тѣмъ и другимъ типомъ, даютъ попеременно то идею огромной толпы, какъ варварскія государства, то идею великой корпорации, какъ Франція эпохи Людовика Святого.

Это же происходило съ тѣмъ, что называлось корпораціями, при старомъ режимѣ; въ обычное время онѣ были корпораціями въ гораздо меньшей степени, чѣмъ рабочія федераціи. Эти дѣйствительныя маленькія корпораціи, властно управляемыя, каждая въ отдѣльности, своимъ главою. Но когда общаго опасность собираетъ вмѣстѣ всѣхъ рабочихъ одной промышленной отрасли для общей цѣли, такой, напр., какъ выигрышъ процесса, тогда, въ родѣ того, какъ это бываетъ съ гражданами одной націи во время войны, федеративная связь немедленно скрѣпляется, и впередъ пробивается одно правящее лицо. Въ промежуткѣ между моментомъ этой совмѣстной единодушной работы, дѣятельность ассоціаціи среди соединенныхъ рабочихъ ограничивается преслѣдованіемъ какого-нибудь экономического или эстетическаго идеала точно такъ же, какъ въ промежуткѣ между войнами вся національная жизнь гражданъ сводится къ заботѣ объ извѣстномъ патристическомъ идеалѣ. Современная нація, благодаря продолжительному вліянію эгалитарныхъ идей, имѣетъ тенденцію снова стать большой сложной толпой, которую направляютъ въ большей или меньшей степени національныя или мѣстныя вожаки.

Но потребность въ іерархическомъ строѣ среди разросшихся обществъ стала до того сильна, что по мѣрѣ ихъ демократизаціи, какъ это ни странно, имъ порою все болѣе приходится принимать военную организацію, укрѣплять, усовершенствовать и расширять ту по преимуществу іерархическую и аристократическую организацію, которая называется арміей, не говоря уже объ администраціи, этой второй огромной арміи; и этимъ путемъ, они, быть-можетъ, готовятся по минованіи воинственнаго періода, подъ эгидой мира, промышленности, науки и искусства, облачиться въ корпоративную оболочку, чтобы стать огромной мастерской.

Между двумя указанными крайними полюсами можно помѣстить нѣкоторыя группы, имѣющія временный характеръ;

но ихъ составъ набирается по установленнымъ правиламъ, или онѣ подчинены извѣстному краткому уставу. Сюда относятся: судъ присяжныхъ, нѣкоторыя обычныя собранія, преслѣдующія цѣли удовольствія, литературные салоны XVIII вѣка, версальскій дворъ, театральная аудиторія, которая, несмотря на несерьіозный характеръ своей цѣли и своего общаго интереса, связана строгимъ этикетомъ, имѣетъ опредѣленный іерархическій строй съ различіемъ мѣстъ; сюда относятся, наконецъ, литературныя и ученые общества, академіи, которыя являются скорѣе собраніями взаимно обмѣнивающихся талантовъ, чѣмъ группами вмѣстѣ занимающихся работниковъ. Къ разновидностямъ корпораціи мы причисляемъ членовъ заговора и такъ часто встрѣчающіяся преступныя секты. Парламентскія собранія занимаютъ особое мѣсто; это скорѣе сложные и противорѣчивыя толпы, толпы, такъ сказать двойственныя—двуглавыя, какъ говорятъ, чудовища—гдѣ съ беспорядочнымъ большинствомъ борются одна или нѣсколько составившихъ коалицію группъ меньшинства, и гдѣ, вслѣдствіе этого, по счастью нейтрализуется до извѣстной степени зло единодушія, эта великая опасность, присущая толпамъ.

Но въ формѣ ли толпы или корпораціи, всякая настоящая ассоціація въ одномъ отношеніи всегда сохраняетъ одинаковый характеръ: ее всегда въ большей или меньшей степени создаетъ и ведетъ вождь, явный или сокрытый; онъ довольно часто скрываетъ отъ насъ, когда дѣло идетъ о толпахъ; онъ всегда замѣтенъ и бросается въ глаза, когда мы имѣемъ дѣло съ корпораціями. Съ момента, когда масса людей начинаетъ трепетать общимъ трепетомъ, одушевляется и идетъ къ своей цѣли, можно утверждать, что какой-нибудь вдохновитель или вождь, или группа такихъ вдохновителей, вожаковъ, среди которыхъ одинъ является активнымъ ферментомъ, вдохнули въ эту толпу свою душу, вдругъ ставшую грандіозной, искаженной, чудовищной; и самъ вдохновитель нерѣдко первый бываетъ пораженъ и охваченъ

ужасомъ. Подобно тому, какъ всякая мастерская имѣетъ своего руководителя, всякій монастырь—своего настоятеля, всякій полкъ — своего командира, всякое собраніе — своего предсѣдателя, или, вѣрнѣе, всякая фракція собранія—своего *лидера*, точно такъ же всякій оживленный салонъ имѣетъ своего корифея въ разговорѣ, всякій мятежъ — своего вождя, всякій дворъ—своего короля, или князя, или князька, всякая клака — начальника клаки. Если театральная аудиторія имѣетъ до извѣстной степени право считаться чѣмъ-то въ родѣ ассоціаціи, то это именно тогда, когда она аплодируетъ, потому что она подчиняется толку, который данъ первымъ хлопкомъ, являясь отраженіемъ этого импульса, а также тогда, когда она слушаетъ, потому что она подчиняется внушенію автора, выраженному устами говорящаго актера. Такимъ образомъ, вездѣ, явное или скрытое, царитъ различіе между *вожакомъ* и *ведомыми*, различіе, столь важное въ вопросѣ объ отвѣтственности. Это не значить, что воля всѣхъ исчезла предъ волей одного; эта послѣдняя, — она впрочемъ также внушена, она эхо внѣшнихъ и внутреннихъ голосовъ, по отношенію къ которымъ она служить только сгущеннымъ и первымъ выраженіемъ,—для того, чтобъ импонировать другимъ, должна дѣлать имъ уступки и льстить имъ для того, чтобы вести ихъ. Такъ бываетъ съ ораторомъ, который не упуститъ случая принять мѣры ораторскаго искусства, съ драматическимъ авторомъ, который долженъ всегда уступать предубѣжденіямъ и мнѣніямъ вкусамъ своихъ слушателей, съ лидеромъ, который долженъ ладить съ своей партіей, даже съ тѣмъ же Людовикомъ XIV, который поневолѣ сообразуется съ своими придворными.

Впрочемъ, мысль эту слѣдуетъ понимать различно, смотря потому, идетъ ли дѣло о собраніяхъ, образовавшихся самопроизвольно, или объ организованныхъ собраніяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ одна воля, чтобы занять господствующее положеніе,

должна, при своемъ появленіи, согласоваться, до извѣстной степени, со склонностями и традиціями тѣхъ, чья воля подчиняется. Но разъ появившись, эта воля одного выполняется тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ искуснѣе организація данной корпораціи. Когда же дѣло касается толпы повелѣвающей, волѣ нѣтъ необходимости согласоваться съ традиціями, которыя не существуютъ. Она даже можетъ заставить себѣ повиноваться, хотя бы между нею и склонностями большинства было только слабое согласіе; но, сообразуясь, или нѣтъ, она всегда выполняется плохо и искажается въ то время, какъ оказываетъ давленіе. Можно сказать, что признаками, по которымъ различаются всѣ формы ассоціаціи, служатъ: 1) способъ, которымъ одна мысль или одна воля среди тысячи другихъ становится руководящей, условія соревнованія мыслей и волей, изъ которыхъ она выходитъ побѣдительницей; 2) бѣлая или меньшая возможность, которая открывается распространенію руководящей мысли, руководящей воли. Такъ называемая демократическая эмансипація стремится всѣмъ открыть доступъ къ интересующему насъ соревнованію, которое сначала ограничивается извѣстными категоріями лицъ, постепенно затѣмъ расширяющимися. Но всякое усовершенствованіе соціальной организаціи, въ демократической или аристократической формѣ, даетъ въ результатъ возможность индивидуальному на мѣренію, обдуманному и связно построенному, входить въ умы всѣхъ членовъ ассоціаціи въ болѣе чистомъ видѣ, съ меньшими искаженіями, болѣе глубоко, путями, болѣе надежными и краткими. Глава бунта никогда не располагаетъ вполнѣ своими людьми, генералъ почти всегда располагаетъ своими; руководство перваго идетъ медленными и окольными путями, благодаря тысячамъ уклоненій, второй дѣйствуетъ прямо и быстро.

III.

Несмотря на приведенныя выше соображенія, мысль о томъ, что роль вожаковъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ толпѣ, является универсальной и весьма важной, оспаривалась и оспаривалась энергично¹. Въ самомъ дѣлѣ есть толпы, не имѣющія явнаго вождя. Въ странѣ свирѣпствуетъ голодъ, со всѣхъ сторонъ поднимаются истомленные голодомъ массы, требуя хлѣба; повидимому, вожака нѣтъ; единодушіе рождается само собою. Вглядитесь однако попристальнѣй. Всѣ эти волненія вспыхнули не сразу; подобно пороховому приводу, они начались отъ первой искры. Первая вспышка началась гдѣ-нибудь въ мѣстности, болѣе другихъ пострадавшей и склонной къ взрыву, въ мѣстности, гдѣ больше работали агитаторы, явные или скрытые, давшіе сигналъ къ мятежу. Далѣе, взрывъ послѣдовалъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, и новымъ агитаторамъ предстояло уже меньше дѣла, благодаря ихъ предшественникамъ, и такъ отъ одного мѣста къ другому распространяется ихъ дѣятельность, чрезъ подражаніе одной толпы другой толпѣ, распространяется съ постоянно растущей силой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляетъ значеніе мѣстныхъ вожаковъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, дѣятельность руководителей не скроется совершенно отъ глаза, въ особенности когда народный циклонъ перешелъ далеко за предѣлы, въ которыхъ онъ имѣлъ *raison d'être*,

¹ На брюссельскомъ Конгрессѣ уголовной антропологіи, въ августѣ 1892 года, одинъ русскій ученый дѣлалъ намъ подобныя возраженія, ссылаясь на аграрныя волненія во время недорода. Затѣмъ одинъ итальянскій ученый докторъ Біанки, на котораго мы скоро сошлемся, приводилъ въ возраженіе намъ аналогичные факты. Въ отвѣтъ на это я могу указать, что положеніе, развиваемое здѣсь мною, уже раньше въ 1882 году доказывалъ замѣчательный русскій писатель Михайловскій въ журналѣ „*Отечественныя Записки*“.

за предѣлы области недорода. Странно, по крайней мѣрѣ для того, кто не признаетъ могущества за силой подражанія, что самопроизвольность въ мятежахъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ менѣе она мотивирована. Именно это упускаетъ изъ виду итальянскій писатель, который въ возраженіе намъ ссылается на агитацію въ верхней части Миланской области въ 1889 году. Во время ряда этихъ мелкихъ сельскихъ бунтовъ онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ зародились почти сами собою; что, однако, удивляетъ его, такъ какъ онъ признаетъ, что причина, выставленная агитаціей, была недостаточна для ея оправданія. Жалобы на собственниковъ по поводу контрактовъ не заключали въ себѣ ничего серьезнаго, и если годъ былъ плохимъ, то ввозъ произведеній новой промышленности отчасти вознаграждалъ за недородъ. Какъ же при подобныхъ условіяхъ можно думать, что эти итальянскіе крестьяне возстали сами собою безъ всякихъ побужденій извнѣ или изнутри или, вѣрнѣе, извнѣ и изнутри одновременно? Онъ долженъ былъ дойти до первой изъ этой вспышекъ, чтобъ убѣдиться, что народное недовольство, бывшее мѣстнымъ и частнымъ, прежде чѣмъ распространиться и стать общимъ, не родилось единымъ, что здѣсь, какъ это бываетъ во время пожаровъ, были свои зажигатели, изъ фермы на ферму, изъ корчмы въ корчму разносившіе клевету, злобу и ненависть. Именно они дали глухому броженію, вызванному ими, эту точную формулировку: „Собственники не хотятъ смягчить арендныхъ контрактовъ; чтобы принудить ихъ къ этому, необходимо внушить имъ страхъ“. Всѣ средства были указаны: скопленіе толпами, крики, пѣніе угрожающихъ пѣсенъ, битье стеколъ, грабежи и пожары. Для агитатора, разъ дѣйствуетъ сила зараженія, требуется немного труда, чтобы толпу въ двѣ-три сотни крестьянъ или крестьянокъ, по окончаніи обѣдни или вечерни, склонить къ подобнаго рода манифестаціямъ. Ему нужно только швырнуть камнемъ, испустить крикъ или за-

тянуть пѣсню, — немедленно всѣ послѣдуютъ за нимъ; а намъ скажутъ потомъ, что волненіе началось само собою. Между тѣмъ, инициатива этого человѣка была безусловно необходима.

При бѣгломъ взглядѣ всѣ безпорядочныя сборища вытекающія изъ одной первой вспышки и тѣсно примыкающія одно къ другому, это обычное явленіе революціонныхъ кризисовъ, — можно считать одной общей толпой. Такимъ образомъ, существуютъ сложныя толпы, какъ въ физикѣ сложныя волны, рядъ волнистыхъ группъ. Если стать на эту точку зрѣнія, мы увидимъ, что не бываетъ толпы безъ вожака; мы увидимъ, кромѣ того, что, если, идя отъ первой изъ этихъ *составныхъ* толпъ къ послѣдней, значеніе *второстепенныхъ* вожаковъ уменьшается, то значеніе *первоначальныхъ* вожаковъ все возрастаетъ, увеличиваясь съ каждой новой сумятицей, которая порождается предшествующей, путемъ зараженія на разстояніи. Эпидеміи стачекъ служатъ тому доказательствомъ. Первая стачка несомнѣнно та, въ которой недовольство имѣло наиболѣе серіозный характеръ, и которая вслѣдствіе этого болѣе всѣхъ другихъ должна бы возникать сама по себѣ; эта первая стачка всегда вырисовываетъ предъ нами личность агитаторовъ; слѣдующія за нею стачки, хотя порою лишены всякаго смысла и толку — какъ это обозначилось среди рабочихъ, двигающихъ жернова въ Перигорѣ, которые просто хотѣли стать модными — эти слѣдующія стачки производятъ впечатлѣніе взрывовъ, происшедшихъ безъ помощи фитиля; можно было бы сказать, что онѣ производятъ выстрѣлы сами, однѣ, подобно плохимъ ружьямъ. Впрочемъ, я признаю, что мало подходитъ имя *вожаковъ* сюда, въ примѣненіи къ простымъ смутьянамъ, которые безъ опредѣленнаго желанія, полубезсознательно нажали курокъ ружья. Я беру примѣръ изъ недавняго времени у доктора Біанки: Въ одной деревнѣ въ исходѣ марта мѣсяца народъ, который какъ намъ извѣстно, былъ уже чрезмѣрно возбужденъ, замѣтилъ полицейскихъ аген-

товъ, явившихся для надзора за нимъ; видъ этихъ агентовъ привелъ народъ въ крайнее раздраженіе; слышались свистки, затѣмъ крики, потомъ революціонныя пѣсни, и вотъ эти бѣдные люди, дѣти и старцы, воспаляютъ другъ друга. Толпа ринулась, принимается, конечно, бить стекла и разрушать все, что можетъ. Слѣдуетъ кстати отмѣтить эту необыкновенную склонность толпъ къ разбитымъ стекламъ, къ шуму, къ ребяческому разрушенію; это одна изъ многочисленныхъ сходныхъ чертъ между толпою и пьяницей, для котораго величайшее удовольствіе, опорожнивъ бутылку, разбить ее. Въ нашемъ примѣрѣ первый, издавшій свистъ или крикъ, не давалъ себѣ, вѣроятно, отчета въ томъ возбужденіи, которое онъ вызоветъ. Но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ волненіемъ, которому предшествовали многія другія, имѣвшія своихъ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ болѣе сознательно, добровольно.

Случается также часто, что толпа, приведенная въ движеніе кучкой воспламененныхъ людей, образующихъ ядро, обгоняетъ ихъ и всасываетъ въ себя, и, ставши безголовой не имѣетъ, какъ можетъ показаться, вожака но въ дѣйствительности она не имѣетъ его въ томъ смыслѣ, въ какомъ тѣсто, поднявшись, не имѣетъ больше дрожжей.

Наконецъ — существенное замѣчаніе — роль этихъ вожаковъ тѣмъ значительнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ съ большимъ единодушіемъ, послѣдовательностью и разумомъ дѣйствуетъ толпа, чѣмъ болѣе приближается она къ нравственной личности, къ организованной ассоціаціи.

И такъ мы видимъ, что, несмотря на важное значеніе, которое имѣетъ характеръ ея членовъ, ассоціація въ концѣ концовъ будетъ хотѣть того, чего захочетъ ея глава. И первостепенное значеніе имѣетъ характеръ этого послѣдняго; нѣсколько менѣе справедливо это можетъ быть по отношенію къ толпѣ. Но, если здѣсь неудачный выборъ вождя можетъ не произвести такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ въ корпора-

тивной ассоціаціи, зато здѣсь меньше шансовъ, что этотъ выборъ будетъ удаченъ. Толпы, а также собранія, даже парламентскія, готовы ухватиться за хорошаго говоруна, за перваго встрѣчнаго, неизвѣстнаго имъ. Но корпораціи купцовъ, *collegia* древняго Рима, церкви и первые христіане, словомъ всѣ корпораціи, выбирая *пріора*, *епископа*, синдика, подвергали его сперва продолжительному испытанію, или если они брали своего главу вполнѣ готовымъ, какъ напр. армія, то онъ выходилъ изъ рукъ разумной и хорошо освѣдомленной власти. Ассоціаціи менѣе подвержены „закупориванію“, потому что онѣ не пребываютъ всегда въ *состояніи собранія*, а чаще пребываютъ въ *состояніи разсѣянія*, которое представляетъ ихъ членовъ, освобожденныхъ отъ тисковъ соприкосновенія, влеченію ихъ собственнаго разума.—Далѣе, если глава извѣстной корпораціи признанъ превосходнымъ, онъ можетъ умереть, и его дѣло переживетъ его ¹; основатель религіознаго ордена, причисленный послѣ смерти къ лику святыхъ, живетъ и дѣйствуетъ въ сердцахъ своихъ учениковъ; къ его ученію присоединяется ученіе всѣхъ аббатовъ и реформаторовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, и престижъ которыхъ такъ же, какъ и его престижъ, растетъ и очищается по мѣрѣ того, какъ увеличивается время, отдѣляющее ихъ; между тѣмъ, добрые вожаки толпы ² — встрѣчаются и такіе — перестаютъ дѣйствовать, какъ только они исчезли; ихъ забываютъ прежде, чѣмъ успѣютъ замѣнить. Толпа повинуется только живымъ и присутствующимъ вожакамъ, которые имѣютъ престижъ такъ сказать тѣлесный, физическій, она

¹ Къ сожалѣнію, это бываетъ по временамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда глава не заслуживаетъ такой чести послѣ смерти: политическія партіи служатъ тому доказательствомъ. Во Франціи буланжисты перешли Буланже въ Чили бальмаседисты—Бальмаседу.

² Въ конференціи по вопросу о *Промышленномъ примиреніи и роли вожаковъ* (Брюссель 1892) одинъ весьма компетентный бельгійскій инженеръ, Вейлеръ, указываетъ, какую полезную роль въ спорахъ между патронами и рабочими могутъ играть *добрые вожаки*, именно, какъ онъ

никогда не повинуется призракамъ идеальнаго совершенства, воспоминаній, ставшихъ безсмертными. Какъ я мимоходомъ замѣтилъ, корпораціи въ своемъ продолжительномъ существованіи, которое иногда тянется цѣлыя столѣтія, выставляютъ *рядъ* непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ руководителей, которые какъ бы прививаются одни надъ другими и очищаютъ другъ друга; еще одно отличіе отъ толпы, гдѣ въ лучшемъ случаѣ существуетъ *группа* вожаковъ временныхъ, дѣйствующихъ одновременно, которые отражаясь другъ въ другъ, приобрѣтаютъ увеличенный характеръ. Таковы отличительные признаки, таковы причины, почему толпа стоитъ ниже.

Существуютъ и другіе. Не только ниже всѣхъ стоятъ самые вожаки, которые рѣшаются быть избранниками толпы или терпятъ ее надъ собою; самаго низкаго качества бываютъ и тѣ внушенія, которыя исходятъ отъ нихъ. Почему? Во-первыхъ, потому, что чувства и идеи, наиболѣе заразительныя, естественно обладаютъ наибольшей силой, какъ среди колоколовъ, наибольшей силой обладаютъ не тѣ, которые лучше или правильнѣе звучатъ, а самые большіе, которыхъ звукъ разносится какъ можно дальше; во-вторыхъ потому, что наибольшей силой обладаютъ идеи самыя узкія или самыя ложныя, идеи, которыя поражаютъ не умъ, а чувство, точно такъ же самыми интенсивными чувствами бываютъ наиболѣе эгоистическія; вотъ почему въ толпѣ легче распространить пустой образъ, чѣмъ абстрактную истину, легче склонить ее къ сравненію, чѣмъ къ разумному соображенію, легче внушить ей вѣру въ человѣка, чѣмъ заставить отказаться

ихъ называетъ, „вожаки профессіи“, а не вожаки по профессіи. Онъ указываетъ также на то, что рабочіе не обнаруживаютъ въ эти критическіе моменты особенной охоты имѣть дѣло съ политиками. Почему? Потому что имъ хорошо извѣстно, что, разъ явившись, эти послѣдніе заставятъ ихъ волей-неволей покориться. Это—оковы, которыхъ они боятся, но которыя они тѣмъ не менѣе носятъ.

отъ предразсудка; и вотъ почему,—въ виду того, что въ толпѣ удовольствіе отъ поношенія кого-нибудь всегда живѣе, чѣмъ удовольствіе поклоненія, и чувство самосохраненія всегда сильнѣе чувства долга,—свистки скорѣе раздаются въ толпѣ, чѣмъ крики „браво“, и порывы паники чаще охватываютъ ее, чѣмъ порывы храбрости.

IV.

Не безъ основанія высказывалась относительно толпы мысль,¹ что она въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоитъ въ общемъ ниже средняго уровня своихъ членовъ. Соціальный составъ въ данномъ случаѣ, какъ всегда, не только не похожъ на свои элементы, по отношенію къ которымъ онъ скорѣе является *произведеніемъ* или *комбинаціей*, чѣмъ суммой, но онъ по обыкновенію имѣетъ и меньше цѣнности, чѣмъ они. Но это справедливо только по отношенію къ толпѣ или къ сборищамъ, которыя приближаются къ понятію толпы. Напротивъ, тамъ, гдѣ царитъ больше *духа корпораций*, чѣмъ *духа толпы*, часто случается, что составное цѣлое, въ которомъ упрочивается геній великаго организатора, выше своихъ отдѣльныхъ элементовъ. Смотря потому, является ли труппа актеровъ корпорацией или толпой, т. е. смотря потому, насколько она обучена и организована, актеры эти играютъ вмѣстѣ лучше или хуже, чѣмъ въ отдѣльности, когда они читаютъ монологи. Въ корпорации, прекрасно дисциплинированной, какъ напр. въ жандармеріи, превосходно разработанныя правила для розысканія преступниковъ, для допроса свидѣтелей, составленія протоколовъ—всегда хорошо составленныхъ вплоть до стиля—передаются по традиціи и поддерживаютъ духъ индивидуума, опиравагося на высшій

¹ См. по этому вопросу интересную статью Sighele о *folla delinquente*.

разумъ. Если латинская поговорка утверждала, что *сенаторы хорошіе люди, а сенатъ—дурное животное*, то я имѣлъ сотни случаевъ замѣтить, что жандармы, хотя они очень часто бываютъ умными людьми, все-таки ниже въ этомъ отношеніи, чѣмъ жандармерія. Одинъ генераль говорилъ мнѣ, что въ насъ такое же убѣжденіе во время смотра своихъ рекрутовъ. Когда онъ спрашивалъ ихъ въ отдѣльности о военныхъ маневрахъ, онъ нашелъ ихъ отвѣты довольно слабыми; но разъ они собрались вмѣстѣ, они поражали его стройнымъ и бодрымъ исполненіемъ маневровъ; они проявляли коллективную разумность, гораздо высшую, чѣмъ та, которую они обнаруживали каждый въ отдѣльности. Точно такъ же полкъ насто храбрѣе, отважнѣе и нравственнѣе солдата. Корпорации—полки, религіозные ордена, секты,—заходятъ гораздо дальше и въ добръ и злѣ, чѣмъ толпы; самыя благодѣтельныя толпы менѣе далеки отъ самыхъ преступныхъ, чѣмъ величайшіе подвиги нашихъ армій отъ яростнѣйшихъ проявленій якобинства, или чѣмъ сестры конгрегации св. Винсента де Поля отъ членовъ каморы и анархистовъ. Тѣмъ, изображавшій съ такой силой одновременно и преступныя толпы и преступныя секты, жакерію и насилія якобинцевъ во время революціи, показалъ, насколько эти послѣднія гибельнѣе первыхъ. Но въ то время какъ толпы чаще дѣлаютъ зло, чѣмъ добро, корпорации дѣлаютъ чаще добро, чѣмъ зло. Далѣе, среди корпораций мы не находимъ тенденціи, по которой заразительность впечатлѣній и чувствъ соответствуетъ ихъ интенсивности; эта тенденція парализуется здѣсь спеціальнымъ подборомъ и воспитаніемъ, искусомъ, который длится цѣлые годы.

Если порою толпа во время дѣйствія кажется лучшей, даже болѣе героической и великодушной, чѣмъ въ среднемъ люди, входящіе въ ея составъ, то это бываетъ или при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ (напр., благородный энтузіазмъ національнаго собранія въ ночь на 4-е августа) или (какъ

въ этомъ же, пожалуй, случаѣ) такое великодушіе бываетъ только наружнымъ, и оно даже въ глазахъ самихъ заинтересованныхъ лицъ прикрываетъ могучую власть тайнаго ужаса. У толпы часто является героизмъ страха. Въ иныхъ случаяхъ благотѣльное дѣйствіе толпы есть только послѣдній слѣдъ бывшей корпораціи. Развѣ мы не видимъ иногда случаевъ бессознательнаго самопожертвованія среди толпы не большихъ городовъ, сбѣжавшейся для тушенія большого пожара? Я говорю *иногда* по отношенію къ толпѣ, а не къ пожарнымъ командамъ, гдѣ черты удивительнаго героизма представляютъ обычное повседневное явленіе. Окружающіе ихъ толпа, быть-можетъ, по ихъ примѣру, охваченная чувствомъ соревнованія, изрѣдка тоже готова жертвовать собою и пренебрегать опасностью для спасенія чьей-нибудь жизни. Но если замѣтить, что эти собранія представляютъ собою явленіе традиціонное, что они имѣютъ свои правила и обычаи, что они раздѣляютъ работу, что по правой сторонѣ передаются полныя, а по лѣвой—пустыя ведра, что дѣйствія здѣсь комбинируются съ искусствомъ, которое скорѣе *основано на привычкѣ*, чѣмъ произвольно—тогда мы убѣдимся, что проявленія состраданія и братской помощи являются пережиткомъ корпоративной жизни, присущей средневѣковымъ „общинамъ“.

Нужно ли въ настоящее время приводить доказательства въ пользу того, что люди въ *массѣ*, въ видѣ толпы, имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ каждый въ *отдѣльности*? Нужно, потому что противъ этой мысли спорили. Но я буду кратокъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ готфейскихъ крестьянъ, сжегшихъ на медленномъ огнѣ Монэ, ни одинъ изъ парижскихъ мятежниковъ, утопившихъ агента Виценцини, не былъ виноватъ, я не говорю, въ томъ, что совершили, а въ томъ, что желалъ этого отвратительнаго злодѣянія. Большинство участниковъ сентябрьскихъ убійствъ были далеко не злодѣями. Бросающаяся толпа, даже состоящая въ

большинствѣ изъ лицъ интеллигентныхъ, всегда заключаетъ въ себѣ что-то ребяческое и звѣрское одновременно: ребяческое — вслѣдствіе своей капризной измѣчивости, вслѣдствіе неожиданныхъ переходовъ отъ гнѣва къ взрывамъ смѣха, звѣрское — вслѣдствіе своей свирѣпости. Она труслива даже тогда, когда составлена изъ людей довольно смѣлыхъ. Если противникъ, не уступающій ей, напр., инженеръ, сбить съ ногъ, его судьба рѣшена. Затаптать ногами своего врага—въ этомъ удовольствіи толпа никогда себѣ не отказываетъ. Вотъ образчикъ ея капризовъ. У Тэна есть рассказъ объ одной революціонной шайкѣ, которая готовилась умертвить предполагаемаго барышника, но вдругъ разстрогалась, проникается восхищеніемъ передъ нимъ и „заставляетъ его пить и танцовать вмѣстѣ съ собою вокругъ дерева Свободы, на которомъ за минуту передъ тѣмъ она собиралась его повѣсить“. Подобныя вещи наблюдались въ періодъ коммуны. Во время послѣдней недѣли заключенныхъ отвели въ Версаль, гдѣ ихъ окружила толпа. Среди нихъ, рассказываетъ Людовикъ Галеви, находилась „молодая женщина, довольно красивая, со связанными за спиною руками, въ офицерскомъ плащѣ съ подкладкой изъ краснаго сукна и съ распущенными волосами. „Полковница, полковница!“ кричитъ толпа. Съ поднятой высоко головой молодая женщина посмотрѣла на крикуновъ съ вызывающей улыбкой. Тогда отовсюду послышались крики: „Смерть!... смерть ей!...“ Но одинъ старикъ воскликнулъ: „Не надо крови, вѣдь она женщина наконецъ!“ Гнѣвъ толпы мгновенно обращается на старика. Его окружаютъ съ криками: „Онъ — коммунаръ! Онъ — поджигатель! Старика грозила сильная опасность, но въ это время послышался пронзительный голосъ, веселый и смѣшной голосъ уличнаго парижскаго мальчугана: „Не троньте его, это его дамочка!“ Вокругъ старика раздался дружный взрывъ хохота; онъ спасенъ... Толпа, почти моментально, отъ яростной злобы перешла къ неподдѣльному веселью“.

Въ этой исторіи достойно вниманія все отъ начала до конца. Можно быть увѣреннымъ, разъ рѣчь идетъ о французцахъ, что при видѣ этой прекрасной амазонки, бравирующей передъ убійцами, каждый изъ нихъ въ отдѣльности пришелъ бы только въ восхищеніе отъ нея. Собравшись, они обнаружили только ярость по отношенію къ ней; они обнаружили чувствительность только къ своему задѣтому коллективному самолюбію; это было крайнее увеличеніе ихъ частныхъ самолюбіи, достигшихъ очень высокой силы вслѣдствіе ея смѣлаго вызова „задѣтое самолюбіе народа, говоритъ г-жа Сталь въ своей *Considérations sur la Révolution française*, не похоже на наши мимолетные переходы: это—потребность причинить смерть“. Вполнѣ вѣрно. Но у изолированныхъ лицъ изъ народа раны самолюбія или его уколы не достигаютъ до такой раздражающей и убійственной остроты: это бываетъ только съ народными массами. И это бываетъ не только съ ними, но и со всякимъ собраніемъ людей, даже образованныхъ и хорошо воспитанныхъ. Собраніе, даже самое парламентски-дисциплированное, задѣтое ораторомъ, не рѣдко представляетъ собою зрѣлище такой убійственной чувствительности.

Трудно себѣ представить, до какой степени толпа или вообще всякое собраніе, не организованное, не дисциплинированное, превосходитъ входящіе въ ея составъ элементы не постоянствомъ, забывчивостью, легковѣріемъ и жестокостью: но доказательства слишкомъ многочисленны. Обращено ли вниманіе хотя, напр., на слѣдующее. Въ октябрѣ 1892 года Парижъ былъ терроризированъ благодаря динамитнымъ взрывамъ. Казалось бы, что самой настоятельной необходимостью было защищать себя противъ этой постоянной угрозы, и, въ самомъ дѣлѣ, какъ велика была опасность! Но когда по этому случаю было свергнуто министерство, и былъ вотированъ новый законъ о печати, — смѣшное средство противъ этого бича, — вспыхиваетъ панамское дѣло. Съ этого момента

я хочу сказать, съ перваго дня, когда еще никто не могъ предвидѣть важнаго характера предстоящихъ разоблаченій, вчерашняя тревога была забыта, хотя опасность оставалась такой же, и общественное любопытство, злоба, достигнувъ чрезвычайныхъ размѣровъ и, прежде всего, общественное негодованіе, совершенно разсѣяли страхъ. Таковъ коллективный умъ: образы слѣдуютъ другъ за другомъ отрывочно, набѣгая одинъ на другой, нарастая безъ связи, какъ въ мозгу уснувшего или загипнотизированнаго человѣка, и каждый изъ этихъ образовъ захватываетъ все поле вниманія. И тѣмъ не менѣе большинство индивидуальныхъ умовъ, составляющихъ этотъ коллективный умъ, стекающихся для того, чтобъ образовать эту великую массу, называемую общественнымъ мнѣніемъ, способны къ послѣдовательности и порядку при группировкѣ своихъ идей.

Другой примѣръ. „Въ маѣ 1892 года¹, — рассказываетъ Дельбефъ, — какой-то несчастный нѣмецъ, только что высадившійся въ Лютихѣ, послѣдовалъ за толпой къ мѣсту, гдѣ произведенъ былъ динамитный взрывъ. Вдругъ кто-то изъ толпы, видя, что онъ бѣжитъ скорѣе другихъ, принимаетъ его за виновника взрыва, сообщаетъ объ этомъ своимъ сосѣдямъ, и эта же самая толпа почитаетъ своимъ долгомъ убить его. Между тѣмъ, изъ какихъ элементовъ состояла она? Въ общемъ—изъ избраннаго общества, явившагося на концертъ. И можно было услышать голоса господъ, требующихъ револьверъ для того, чтобъ убить наугадъ несчастнаго, ни національности, ни имени, ни преступленія котораго они не знали! Въ дѣлѣ Куртрэ, когда будущій депутатъ учился разыгрывать роль, аналогичную роли Бали и товарищей въ стачкахъ, посмотрите, какъ глупа толпа: она пытается убить экспертовъ“. Возьмемъ примѣры менѣе трагическаго харак-

¹ Journal de Liège, 12 октября 1892. Статья Дельбефа по поводу моего доклада о преступленіяхъ толпы на брюссельскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи.

тера, напр., аудиторію кафэ-концертовъ; туда собираются парижане и парижанки съ утонченнымъ вкусомъ. Взятые въ отдѣльности, они обнаруживаютъ вкусъ къ утонченной музыкѣ, къ литературѣ пикантной, но пріятной. Собравшись вмѣстѣ, они наслаждаются исключительно бессмысленными пѣснями. Ивета Гильберъ пыталась заставить ихъ воспринять произведенія, достойныя ея спеціальнаго таланта; она потерпѣла фіаско. Разъ уже мы коснулись панамскаго вопроса, можно отмѣтить, что и въ этомъ дѣлѣ и въ массахъ другихъ тотъ коллективный слѣдственный органъ, который называется слѣдственной комиссіей, производилъ свои дѣйствія съ необычайной медленностью и неподвижностью; весьма вѣроятно, что каждый изъ его членовъ, облеченный тѣми же полномочіями, дѣйствуя отдѣльно, лучше исполнилъ бы дѣло. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что судъ присяжныхъ менѣе разсудителенъ, чѣмъ присяжные¹.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, который я заимствую изъ мемуаровъ Жиске, полицейскаго префекта при Луи-Филиппѣ. Въ апрѣлѣ 1832 года въ Парижѣ въ разгаръ холерной эпидеміи „молва, распространившаяся по Парижу съ быстротой молнии, приписывала отравѣ дѣйствіе эпидеміи и увѣрила массы, обыкновенно чрезвычайно воспримчивыя въ такіе моменты, что какія-то лица отравляли пищу, воду въ источникахъ, вино и другіе напитки. Въ одно мгновеніе огромныя сборища заволокли набережныя, Гревскую площадь и т. д. и, можетъ-быть, никогда въ Парижѣ не бывало такого скоп-

¹ Вогюэ сказалъ однажды относительно нашихъ министровъ: «Я съ удовольствіемъ могъ констатировать крупныя индивидуальныя достоинства этихъ министровъ, проявляющихъ въ своихъ департаментахъ по большей части качества выдающихся администраторовъ; но точно мгновенный параличъ поражаетъ ихъ, когда они за министерскимъ столомъ или у подножія трибуны должны постановить какое-нибудь коллективное рѣшеніе». И сколько есть министерствъ, парламентовъ и конгрессовъ, къ которымъ съ полнымъ правомъ можно примѣнить это замѣчаніе!

ленія индивидуумовъ, которые были до крайности возбуждены этой идеей объ отравленіи и искали виновниковъ этихъ воображаемыхъ преступленій“. Это была какая-то коллективная манія преслѣдованія. „Всякій, у кого находились въ рукахъ бутылка, флаконъ или небольшой пакетъ, возбуждалъ подозрѣніе; простой флаконъ могъ превратиться въ обвинительный документъ въ глазахъ этой обезумѣвшей толпы“. Жиске самъ обошелъ „эти чудовищныя массы людей, покрытыхъ лахмотьями, и нѣтъ никакой возможности, говоритъ онъ, изобразить, какой отвратительный видъ представляли онѣ, нельзя передать впечатлѣніе ужаса, который вызывалъ раздававшійся кругомъ глухой ропотъ“. Эти обезумѣвшіе люди легко становились убійцами. „Одинъ молодой человекъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ убитъ на улицѣ. Сентъ-Дени по одному только подозрѣнію въ томъ, что онъ хотѣлъ бросить ядъ въ кувшины одного виноторговца...“ При этомъ были совершены четыре убійства... Подобныя же сцены происходили въ Вожирарѣ и предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Здѣсь „двое неосторожныхъ бѣжали, преслѣдуемые тысячами разъяренныхъ людей, которые обвиняли ихъ въ томъ, что они дали дѣтямъ отравленную тартинку“. Бѣглецы укрылись въ кордегардіи; но толпа мгновенно окружила послѣднюю; посыпались угрозы, и ничто не могло бы спасти несчастныхъ отъ смерти, еслибы полицейскому комиссару и одному отставному чиновнику не пришла въ голову счастливая мысль—раздѣлить между собою тартинку на глазахъ у всей толпы. „Благодаря этой находчивости тотчасъ же ярость смѣнилась весельемъ“. Такого рода безумства свойственны всѣмъ временамъ; толпы всѣхъ народовъ и всѣхъ климатовъ, римская толпа, обвиняющая христіанъ въ римскихъ пожарахъ, въ пораженіяхъ легіоновъ и бросающая ихъ въ добычу звѣрямъ, средневѣковая толпа, проникнутая самыми нелѣпыми подозрѣніями противъ альбигойцевъ, евреевъ, всякаго рода еретиковъ, подозрѣніями, которыхъ распро-

страненность замѣняетъ доказательства, мюнцеровскія толпы въ Германіи въ эпоху реформаціи, толпы Журдана во время террора во Франціи,—всѣ онѣ представляютъ собою одинаковое зрѣлище. Всѣ онѣ „terroristes par peur“, какъ выразилась г-жа Роланъ о Робеспьерѣ.

По поводу непослѣдовательности толпы мнѣ вспоминается то, что происходитъ на востокѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, постигнутыхъ проказой. Тамъ, рассказываетъ докторъ Цамбако-Паша, „въ большинствѣ деревень, какъ только явится подозрѣніе въ появленіи проказы или кого-нибудь обвинять несправедливо въ заболѣваніи ею, население, не обращаясь къ властямъ и даже къ врачу, немедленно учреждаетъ судъ и казнить по закону Линча того, кого считаетъ проказленнымъ, повѣсивъ его на ближайшемъ деревѣ или избивъ камнями ¹ но это же население посѣщаетъ часовни при больницахъ для прокаженныхъ „прикладывается къ образамъ въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ прикасались уста прокаженныхъ и причащается изъ однѣхъ съ ними чашъ“.

Но какъ ни велика подвижность, непослѣдовательность толпы, ея свобода отъ традиціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе толпа всегда склонна къ рутинѣ, и въ этомъ отношеніи она также противоположна корпораціямъ, которыя, въ теченіе всего періода своего роста, являются одновременно и традиціоналистическими и прогрессивными, именно потому, что онѣ держатся традиціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ довольно рѣдкій образецъ такой характерной рутины случайно собравшихся людей. Это происходило въ залахъ монтдорской теплицы, въ старомъ зданіи. Здѣсь триста — четыреста человѣкъ скопляются на небольшомъ пространствѣ, посреди водяныхъ паровъ температуры въ 40 градусовъ. Всѣ скучаютъ и для развлеченія

¹ *Voyage chez les lépreux*, par le d-r Zambaco-Pacha (Paris, Masson, 1891).

вмѣсто того, чтобы болтать, какъ въ дамской комнатѣ, стараются двигаться, и вотъ всѣ принимаются двигаться въ видѣ процессій въ фланелевыхъ жилетахъ вокругъ находящагося въ центрѣ бассейна. И, замѣчательная вещь, всегда всѣ движутся въ одномъ и томъ же направленіи, въ направленіи, если мнѣ не измѣняетъ память, часовой стрѣлки, но никогда въ противоположномъ. По крайней мѣрѣ, такъ было въ теченіе того мѣсяца, когда я подвергался этому странному леченію. Нѣсколько разъ при началѣ сеанса я пытался устроить водоворотъ, повернуть въ обратную сторону это вращательное движеніе; я терпѣлъ фіаско. Гулявшіе или большинство изъ нихъ помнили, какъ они повернули наканунѣ; и бессознательно, повинувшись повсюду сопровождающему насъ инстинкту подражанія, который съ инстинктомъ симпатіи и общности находится во взаимныхъ отношеніяхъ причины и слѣдствія,—каждый стремился вѣрно слѣдовать полученному импульсу. Этимъ, замѣтимъ кстати, можно измѣрить социальную силу потребности подражанія. Если столь незначительное мало способное подѣйствовать на умъ и сердце дѣйствіе какъ лѣйствіе перваго изъ купавшихся, которому пришла мысль повернуть въ извѣстномъ направленіи, если столь незначительное дѣйствіе достигло такой силы внушенія развило коллективное стремленіе столь глубокое, то какова должна быть заразительная сила страстей, возбужденныхъ въ массахъ вождемъ, который вселяетъ въ нихъ идеи убійства, грабежей и поджоговъ, или обѣщаетъ имъ золотыя горы! Докторъ Обри, превосходно изслѣдовавшій въ своемъ интересномъ сочиненіи *Contagion du meurtre* явленія этого рода, сообщилъ мнѣ о небольшомъ наблюденіи, сдѣланномъ имъ во время этихъ изслѣдованій,—оно подкрѣпляетъ предыдущее соображеніе. „Въ анатомическихъ театрахъ, пишетъ онъ, работаютъ много, но работа эта имѣетъ такой характеръ, что она не мѣшаетъ болтать и пѣть. Однажды я и товарищи были поражены психологическимъ явленіемъ, которое мы окрестили

терминомъ *réflexe musical*. Оно заключалось въ слѣдующемъ. Если въ моментъ возможно болѣе полного молчанія кто-нибудь изъ насъ пропоетъ нѣсколько тактовъ какой-нибудь извѣстной аріи и затѣмъ сразу остановится, почти немедленно вслѣдъ за этимъ въ другомъ концѣ залы, кто-нибудь изъ студентовъ станетъ, работая, продолжать начатую арію. Мы часто повторяли этотъ опытъ и всегда съ успѣхомъ. Не разъ мы спрашивали того или другого товарища, продолжавшаго арію, и изъ ихъ отвѣтовъ узнавали, что они, продолжая начатую арію, не замѣчали, что слѣдуютъ извѣстному толчку. Развѣ это, часто безсознательное, внушеніе не проливаетъ нѣкотораго свѣта на идеи, которыя неизвѣстно почему и какимъ путемъ появляются въ толпѣ, которыя, явившись неизвѣстно откуда, распространяются съ головокружительной быстротой? ¹.

Но вернемся назадъ. Театральная публика представляетъ аналогичные случаи. Если она капризна въ всякой другой публики, то она и въ наибольшей степени обладаетъ стаднымъ чувствомъ; столь же трудно предусмотрѣть ея капризы, какъ и передѣлать ея привычки. Прежде всего, ея способы выражать свое одобреніе и порицаніе всегда одинаковы въ одной и той же странѣ; у насъ, во Франціи, это — аплодисменты и свистки. Затѣмъ ей необходимо всегда показывать на сценѣ то, что она привыкла видѣть, какъ бы искусственно это ни было; съ другой стороны опасно показывать то, чего она не привыкла дѣть. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что театральная пу-

¹ Докторъ Баженовъ, русскій психіатръ, сообщаетъ фактъ, который превосходно подтверждаетъ и дополняетъ наблюденіе доктора Обри. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ на одной изъ московскихъ сценъ Сара Бернаръ играла *Даму съ камеліями*. Въ пятомъ дѣйствіи, въ самый драматическій моментъ, когда вниманіе всей публики было приковано къ ея устамъ и можно было услышать, какъ летитъ муха, въ этотъ моментъ Маргарита Готье, умирающая отъ чахотки, закашлялась. Тотчасъ вся аудиторія была заражена, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ нельзя было разслышать словъ великой артистки.

блика — сидячая толпа, т. е., полутолпа. Настоящая толпа, т. е. такая, въ которой электрическій токъ вслѣдствіе соприкосновенія достигаетъ высшей степени быстроты и энергии, состоитъ изъ людей стоящихъ и, прибавимъ, находящихся въ движеніи. Но это различіе не всегда существовало. Еще въ 1780 году — свидѣтельство объ этомъ есть въ статьѣ, помещенной въ *Mercure de France* отъ 10 іюня 1780 года — партеръ стоялъ въ главныхъ театрахъ, и едва только начинали говорить о томъ, чтобы публика партера садилась. Можно подумать, что, садясь, партеръ сталъ умнѣе; то же случилось съ политической и судебной аудиторіей у народовъ, которые начали съ парламентовъ на площадяхъ, составленныхъ изъ воиновъ или старцевъ, стоящихъ подъ оружіемъ, а кончили собраніями, заключенными въ дворцахъ и сидящими въ курульныхъ креслахъ и на стульяхъ. Такъ же вѣроятно, что эта перемѣна положенія дала каждому слушателю большую силу, чтобы противиться вліянію сосѣдей, и нѣсколько больше индивидуальной свободы. Садиться — значитъ начать изолироваться. Партеръ сталъ въ меньшей степени *мизане-ттомъ* съ тѣхъ поръ, какъ онъ усѣлся; только съ этого момента французская сцена начинаетъ эмансипироваться. Впрочемъ, среди сидящихъ зрителей также существуютъ самые дѣйствительные проводники взаимнаго внушенія, особенно зрѣніе. Если-бы зрители не видѣли другъ друга, если-бы они присутствовали на представленіи такъ, какъ арестанты одиночныхъ камеръ присутствуютъ на богослуженіи, т. е. въ небольшихъ рѣшетчатыхъ клѣткахъ, откуда невозможно видѣть другъ друга, тогда, несомнѣнно, каждый изъ нихъ, подвергаясь дѣйствію пьесы и актеровъ, свободному отъ всякой примѣси вліянія публики, отдавался бы гораздо болѣе свободной склонности собственнаго вкуса, и въ этихъ странахъ залахъ проявлялось бы гораздо меньшее единодушіе и въ аплодисментахъ и въ свисткахъ. Въ театрѣ, на банкетѣ, въ любой народной манифестаціи рѣдко случается, чтобы

кто-нибудь, даже не одобряя *in petto* аплодисментовъ, то-стовъ, виватовъ, рѣшился не аплодировать, не поднять своего бокала, хранить упрямое молчаніе среди восторженныхъ криковъ. Въ Лурдѣ, въ толпѣ вѣрующихъ, идущей въ видѣ процессіи и молящейся, есть скептики, которые, вспомнивъ завтра видѣнное сегодня—эти сложенные крестомъ руки, эти крики вѣры, которые издаетъ одинъ голосъ, мгновенно подхватываютъ уста всѣхъ, это цѣлованіе земли, и эти паденія на землю всей массы по приказанію монаха,—разсмѣются надъ всѣмъ этимъ. Но сегодня они не смѣются, не протестуютъ; они сами цѣлуютъ землю или дѣлаютъ видъ, что цѣлуютъ, и если не складываютъ руки крестомъ, то дѣлаютъ жестъ для этой цѣли... Есть ли это страхъ? Нѣтъ. Этимъ благочестивымъ толпамъ чужда ярость. Но невѣрующіе не хотятъ ихъ шокировать. И что же представляетъ собою эта боязнь скандала? Она показываетъ, что въ глубинѣ самый невѣрующій, самый независимый изъ людей приписываетъ чрезвычайно важное значеніе коллективному неодобренію публики, состоящей изъ индивидуумовъ, сужденіе которыхъ cadaquo въ отдѣльности не играетъ въ его глазахъ никакой роли. Впрочемъ, этого недостаточно для того, чтобы объяснить обычное замѣчательное угожденіе невѣрующаго восторженной толпѣ, въ которую онъ замѣшался. По моему, слѣдуетъ признать, что въ моментъ, когда трепеть мистическаго восторга пробѣгаетъ по толпѣ, невѣрующій воспринимаетъ частицу его, и сердце его проникается мимолетной вѣрой. Признавъ и доказавъ этотъ фактъ по отношенію къ религіозной толпѣ, мы должны воспользоваться имъ такъ же для объясненія того, что происходитъ въ толпѣ преступной, гдѣ часто потокъ мимолетной свирѣпости проникаетъ и искажаетъ нормальное сердце.

Восхваленіе „гражданскаго мужества“ въ противовѣсъ военному, которое слыветъ менѣе рѣдкостнымъ, представляется чѣмъ-то банальнымъ и преувеличеннымъ. Но доля

истины, заключающаяся въ этой банальной идеѣ, объясняется вышеприведеннымъ соображеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ гражданское мужество заключается въ томъ, чтобы вступить въ борьбу съ народнымъ увлеченіемъ, противостать потоку, выступить предъ собраніемъ, въ совѣтѣ съ особымъ, изолированнымъ мнѣніемъ, противоположнымъ мнѣнію большинства; военное же мужество состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы отличиться въ сраженіи, подвергаясь въ болѣе сильной степени импульсу окружающихъ, идя больше другихъ въ томъ же направленіи, въ которомъ они дали толчокъ. Когда же въ видѣ исключенія, военное мужество требуетъ противодѣйствія увлеченію, когда дѣло заключается въ томъ, что полковникъ долженъ бороться съ паникой, охватившей солдатъ или, наоборотъ, сдерживать необдуманный порывъ, тогда мужество появляется рѣже и представляется, надо признаться, болѣе удивительнымъ, чѣмъ оппозиціонная рѣчь въ палатѣ депутатовъ.

Вообще, по своимъ обычнымъ капризамъ, по своей необузданной воспримчивости, по своему легковѣрію, нервозности, по своимъ рѣзкимъ переходамъ отъ ярости къ мягкости, отъ отчаянья къ взрывамъ веселости, толпа походитъ на женщину даже тогда, когда она состоитъ, какъ это почти всегда бываетъ, изъ мужскихъ элементовъ. Къ счастью для женщинъ, ихъ образъ жизни, заставляющій ихъ запирались въ домахъ, осуждаетъ ихъ на сравнительное уединеніе. Во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, собранія мужчинъ бываютъ болѣе частыми, обычными и многочисленными чѣмъ собранія женщинъ. Отъ этого, быть-можетъ, зависитъ отчасти большая разница, раздѣляющая оба пола въ смыслѣ преступности въ пользу болѣе слабаго пола. Меньшая преступность деревень по сравненію съ городами—явленіе, которое можно объяснить той же причиной. Селянинъ живетъ въ состояніи постоянного разъединенія съ своими сосѣдями. Если женщинамъ приходится вести жизнь, при которой онѣ ежедневно соби-

раются вмѣстѣ — я не говорю о корпоративной жизни въ формѣ монастырской или другой — ихъ испорченность достигаетъ одного уровня съ испорченностью мужчинъ или даже опережаетъ ее. Равнымъ образомъ, когда крестьянинъ въ годы сильнаго удешевленія жизни усердно посѣщаетъ трактиры, какъ рабочій — кафэ, — онъ становится болѣе безнравственнымъ и болѣе опаснымъ, чѣмъ рабочій. Карлъ Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ (гл. XXV) рисуетъ яркую картину рабочихъ-земледѣльцевъ, которые, будучи набраны „странствующимъ, кутящимъ пьяницей-хозяиномъ, предприимчивымъ и изворотливымъ“, гуляютъ по различнымъ графствамъ Англіи. „Вредъ этой системы, говоритъ онъ, заключается въ чрезмѣрности труда, налагаемаго на дѣтей и молодыхъ людей... и въ деморализаціи этихъ странствующихъ трупъ. Уплата производится въ трактирѣ среди обильныхъ возліаній. Шатаясь, поддерживаемый справа и слѣва крѣпкими руками какой-нибудь здоровенной дѣвки, достойный хозяинъ идетъ во главѣ колонны, а позади молодая труппа играетъ и поетъ игривыя и непристойныя пѣсни. Встрѣчающіеся деревни, разсадники и притоны этихъ шаекъ, обращаются въ Содомъ и Гоморру“.

V.

До сихъ поръ мы занимались больше толпами; остановимся теперь дольше на корпораціяхъ. Но сперва выяснимъ отношеніе, которое первыя имѣютъ съ этими послѣдними, и ту причину, по которой мы соединили ихъ въ одинъ и тотъ же этюдъ. Эта причина весьма проста: съ одной стороны толпа стремится снова возродиться при первомъ же случаѣ, стремится возрождаться черезъ промежутки времени все менѣе и менѣе неправильные и, совершенствуясь каждый разъ, организоваться корпоративно въ нѣчто въ родѣ секты или

партіи; клубъ начинается съ того, что бываетъ открытымъ и публичнымъ; потомъ мало-по-малу онъ закрывается и суживается; съ другой стороны, вожаками толпы чаще всего являются не изолированные индивидуумы, но *приверженцы секты*. Секты — это дрожжи толпы. Все, что совершается толпой серьезнаго, важнаго, какъ въ хорошемъ такъ и въ дурномъ, внушено ей какой-нибудь корпораціей. Когда толпа, прибѣжавшая тушить пожаръ, проявляетъ разумную дѣятельность, это значитъ, что ею управляетъ отрядъ корпораціи пожарныхъ. Когда толпа стачечниковъ нападаетъ какъ разъ на то, на что нужно нападать, разрушаетъ то, что нужно разрушить для достиженія своей цѣли, на прим., орудія рабочихъ, оставшихся на фабрикѣ, это значитъ, что позади ея, подъ ней, есть какой-нибудь синдикатъ, союзъ, ассоціація¹. Толпы манифестантовъ, процессіи, триумфальныя похоронныя шествія вызываются братствами или поли-

¹ Иногда это оспаривается, но несправедливо, потому что такой фактъ не всегда можетъ быть доказанъ юридически. Въ своей книгѣ, впрочемъ, основанной на точныхъ документахъ и очень интересной, о *Профессиональныхъ ассоціаціяхъ въ Бельгии* (Брюссель, 1891) Вандервельде, великій трибунъ бельгійскаго социализма, порицаетъ приговоръ ассизнаго суда въ Геннегау, въ іюль 1886 г., который осудилъ нѣсколькихъ членовъ союза рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ въ Шарлеруа за подстрекательство къ возмущеніямъ, произведеннымъ стачкой рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ въ мартѣ того же года. Противъ нихъ были только — говоритъ онъ намъ — „недостаточныя презумпціи“. Но нѣсколькими строками выше онъ говоритъ намъ, что задолго до стачки „союзъ рабочихъ стекляннаго производства приготовлялся къ борьбѣ: къ борьбѣ ужасной, къ борьбѣ на жизнь и смерть, какъ писалъ глава союза обществамъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ“. А *тѣмъ временемъ* выпыхиваютъ мартовскія возмущенія 1886; 25-го числа тысячи рабочихъ являются къ своимъ орудіямъ; на слѣдующій день эта огромная масса распространяется по странѣ, останавливаетъ машины, грабитъ стеклянные заводы... разрушаетъ заводъ Боду, словомъ, выполняетъ цѣликомъ программу союза. Это — презумпціи, если недостаточныя, то все-таки очень важныя.

тическими кружками. Крестовые походы, эти огромныя воинственныя толпы, произошли изъ монашескихъ орденовъ по голосу какого-нибудь Петра Пустынника или св. Бернарда. Массовыя возстанія 1792 года были вызваны клубами, которые были сформированы и дисциплинированы остатками старинныхъ военныхъ корпусовъ. Сентябрьскіе ужасы, эти жакеріи революціи, эти поджигающія или кровожадныя толпы— все это не что иное, какъ уродливыя послѣдствія якобинизма; вездѣ во главѣ ихъ видѣнъ делегатъ отъ сосѣдней *секции*. Вотъ въ чемъ опасность сектъ: предоставленныя своимъ собственнымъ силамъ, онѣ почти никогда не были бы слишкомъ вредными; но достаточно слабой закваски злости для того, чтобы поднялось огромное тѣсто глупости. Часто случается, что секта и толпа, удаленныя одна отъ другой, были бы неспособны на преступленіе, но комбинація ихъ легко становится преступной.

Секты, впрочемъ, могутъ обходиться и безъ толпы для того, чтобы дѣйствовать; это въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе является у нихъ главной цѣлью или обычнымъ средствомъ, напр., сицилійская маффія и неаполитанская каморра. Какъ было сказано выше, корпораціи идутъ дальше, нежели толпы, какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ. Ничего нѣтъ благотѣльнѣе средневѣковой Ганзы; ничего нѣтъ вреднѣе въ наши дни анархистской секты¹. Здѣсь и тамъ та же сила расширенія благотѣльнаго или ужаснаго. Родившись въ 1241 году, Ганза въ нѣсколько лѣтъ съ неслыханной въ эту эпоху быстротой распространенія сдѣлалась „высшимъ выраженіемъ коллективной жизни, концен-траціей всѣхъ купеческихъ гильдій Европы“². Въ XIV вѣкѣ

¹ Я разумѣю анархизмъ, который производитъ или скорѣе производилъ *пропаганду дѣйствіемъ*. Что же касается чистыхъ приверженцевъ свободы, то они играютъ полезную роль, какъ противовѣсъ общественной дисциплинировкѣ.

² Я заимствую эти строки у Прэна, извѣстнаго бельгійскаго кри-

она образуетъ федерацію, распространяющую свои факторіи отъ Лондона до Новгорода. А, между тѣмъ, она основана „только на вольномъ соглашеніи гильдій и городовъ; она не знаетъ другихъ средствъ дисциплины кромѣ исключенія, и корпоративная сила такъ велика, что Ганза, несмотря на это, имѣетъ вліяніе на всю Европу“, къ вѣщему интересу европейской торговли. Анархизмъ также распространился очень быстро. Около 1880 г., его изобрѣтатель, основатель въ Женевѣ Prevolté; затѣмъ, въ 1881 году, въ Лионѣ Droit social, листки почти не имѣвшіе читателей. „Въ 1882 г., говоритъ генеральный адвокатъ Бераръ¹, существовало нѣсколько адептовъ въ Лозаннѣ, или въ Женевѣ, два или три отдѣльныхъ индивидуума въ Парижѣ, одна или двѣ группы въ Лионѣ съ развѣтвленіями въ Сентъ-Этьенъ, въ Вильфраншъ-на-Сенѣ и въ Вѣнѣ—въ общемъ шесть-десять, много сто человѣкъ; вотъ и весь тогдашній анархическій легионъ“. Десять лѣтъ спустя, 28-го марта 1892 г., въ Парижѣ составилъ чисто-анархическій союзъ, одобряющій Равашюля и его сообщниковъ. Тамъ было 3,000 человѣкъ, и многочисленныя телеграммы были посланы изъ Франціи, и изъ-за границы для того, чтобы соединиться сердцемъ въ собраніи. „Анархисты многочисленны, очень многочисленны въ рабочемъ классѣ“, говоритъ химикъ Жираръ, который часто имѣетъ дѣло съ ними. По словамъ Жана Преваля², анархизмъ не есть простое скопище разбойниковъ, но „партія на пути организаціи, съ очень опредѣленной цѣлью и съ надеждой, безусловно основательной, увлечь за собой, по мѣрѣ достиженія успѣ-

миналиста, который въ своей очень поучительной книгѣ о *Демократіи и парламентскомъ режимѣ* (2-е изданіе) пространно говоритъ о корпоративномъ режимѣ, такъ процвѣтавшемъ нѣкогда и существующемъ еще въ нѣкоторыхъ провинціяхъ его страны.

¹ *Les Hommes et les Théories de l'anarchie*, Берара (Archives de l'anthropologie criminelle, № 42).

² *Anarchie et Nihilisme*, Жана Преваля (2-е изданіе, 1892 г.).

хоть, огромную массу городского пролетаріата“. Тотъ же писатель называетъ анархистовъ „легкой конницей социализма“. Распространеніе нигилизма въ Россіи шло съ меньшей быстротой. Большіе процессы, разразившіеся надъ нимъ въ 1876 и 1877 г. могутъ служить доказательствомъ этого.

Между самыми лучшими и самыми преступными корпораціями существуетъ другое сходство: какъ тѣ, такъ и другія суть не что иное, какъ формы этой знаменитой „борьбы за существованіе“, которой такъ злоупотребляли; формула весьма удобная, которая тремя четвертями своего успѣха обязана, подобно многимъ людямъ, единственно своей гибкости. Дѣйствительно, рассмотримъ самыя плодотворныя корпораціи среднихъ вѣковъ: „Возьмите,—говоритъ Прэнъ,—самыя древнія и самыя простыя гильдіи въ Абботсбургѣ, или въ Кембриджѣ, основанныя въ XI в. въ Англіи; гильдіи въ Монсѣ или Камбрѣ, основанныя въ 1070 и 1076 г.; гильдію Amicitia въ городѣ Эрѣ во Фландріи, уставы которыхъ были утверждены Филиппомъ въ 1188 г.; изучите самыя могущественныя корпораціи во времена ихъ наивысшаго блеска: гентскихъ ваяльщиковъ суконъ, лондонскихъ бакалейщиковъ, аугсбургскихъ скорняковъ въ XIV вѣкѣ; вездѣ вы увидите приложеніе одного и того же принципа: люди, не увѣренные въ будущемъ и страшашіеся за свои интересы, ищутъ точку опоры въ солидарности. Впрочемъ, исторія ихъ очень проста: это борьба маленькихъ противъ большихъ“. То же можно было бы сказать и о прежнихъ университетахъ, этихъ большихъ интеллектуальныхъ корпораціяхъ и даже артистическихъ корпораціяхъ той же самой эпохи, напр., о корпораціи художниковъ, основанной въ Гентѣ въ 1337 году подъ покровительствомъ св. Луки. Но и банда разбойниковъ есть тоже не что иное, какъ борьба противъ высшаго общества. Только нужно признаться, что ея способъ борьбы совершенно другой. Почему же это? Почему одна и та же причина, горячее желаніе лучшей участи однихъ заставляетъ объединяться

въ работѣ, а другихъ соглашаться другъ съ другомъ для убійства?

Этотъ вопросъ — проблема „факторовъ преступленія“, такъ волнующая умы современныхъ криминалистовъ; но это проблема, перенесенная съ отдѣльныхъ индивидуумовъ на группы и поставленная относительно коллективныхъ злодѣйствъ. Переимѣняясь такимъ образомъ, она освѣщается и расширяется и даетъ средство контролировать нѣкоторыя слишкомъ поспѣшныя рѣшенія, поводомъ для которыхъ послужили индивидуальныя преступленія. Здѣсь не мѣсто распространяться относительно этого контроля. При помощи этого сравненія мы легко замѣтили бы, что вліяніе климата, времени года, расы, физиологическихъ причинъ здѣсь несомнѣнно, но что оно было сильно преувеличено. Мы увидали бы, что участіе физическихъ силъ идетъ все уменьшаясь въ группахъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ, организуясь, дѣлаются все болѣе похожими на индивидуальную личность; что, слѣдовательно, это вліяніе больше сказывается на толпѣ въ ея образованіи, въ ея направленіи, честномъ или преступномъ, нежели на дисциплинированныхъ ассоціаціяхъ. Лѣтомъ, на югѣ, днемъ въ хорошую погоду, бесконечно легче вызвать безпорядки на улицѣ, нежели зимой, на сѣверѣ, ночью и подъ проливнымъ дождемъ, между тѣмъ какъ въ періоды политическаго кризиса почти одинаково легко составить заговоръ какъ зимой такъ и лѣтомъ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, ночью или днемъ, въ проливной дождь, или при сіяніи солнца. Мы увидали бы, наоборотъ, что „антропологическій факторъ“, или, попросту говоря, составъ группы имѣетъ болѣе значеніе въ ассоціаціяхъ, нежели въ скопищахъ, образовавшихся подъ вліяніемъ непосредственнаго и скоропреходящаго чувства. Толпа, состоящая въ большинствѣ изъ честныхъ людей, можетъ легко быть вовлечена въ преступленія, вызванныя страстями; пролить вспышки моментальнаго преступнаго умоизступленія, въ то время какъ секта, одушевленная сильнымъ и стойкимъ

чувствомъ, совершаетъ преступленія только обдуманная и разсчитанная, всегда соотвѣтствующія ея коллективному характеру и съ сильнымъ отпечаткомъ ея расы.

Но все это только второстепенныя условія. Вопросъ въ томъ, каковы тѣ причины, которыя придаютъ имъ тотъ или иной характеръ и заставляютъ ихъ дѣйствовать. Не только не существуетъ климата или времени года, предрасполагающихъ къ пороку или къ добродѣтели, потому что подъ одною широтой и въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ случаются всякаго рода злодѣйства на ряду съ высокими и деликатными моральными поступками, но даже не существуетъ такой расы, которая была бы порочна или добродѣтельна по своему существу. Каждая раса производитъ заразъ индивидуумовъ, которые *кажутся* обреченными чѣмъ-то въ родѣ органическаго предназначенія, одни на различнаго рода преступленія, другіе на различныя проявленія мужества и доброты. Только порціи тѣхъ и другихъ въ одинъ данный моментъ различаются въ различныхъ расахъ или скорѣе въ различныхъ народахъ. Но это различіе не постоянно: оно измѣняется до полной противоположности, когда превратности исторіи измѣняютъ религію, законы, національныя установленія, и понижаютъ или повышаютъ уровень благосостоянія и цивилизаціи. Шотландія на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ была въ Европѣ страной наиболѣе богатой убійствами, по статистикѣ же нашего времени это страна съ *наименьшимъ* количествомъ убійствъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ съ одинаковымъ количествомъ населенія. Пропорціональное количество шотландцевъ, которыхъ могли бы имѣть право считать прирожденными убійцами, уменьшилось на девять десятыхъ приблизительно, меньше такъ называемая прирожденная преступность, то насколько измѣничивѣе должна быть преступность приобрѣтенная? Какъ объясняются эти измѣненія? Почему преступленія въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ *зарождаются*, или *умножаются* таковыми, и почему въ томъ или въ иномъ родѣ? Вотъ гдѣ узелъ проблемы.

VI.

Между преступными ассоціаціями мы также можемъ различать, какъ намъ кажется, такія, которыя рождены преступными, и это выраженіе, примѣненное здѣсь, встрѣтитъ безъ сомнѣнія меньше возраженій, нежели употребленное въ своемъ обычномъ смыслѣ, такъ какъ безъ сомнѣнія мы видимъ секты, рождающіяся нарочно для разбоя, грабежа и убійства и сильно отличающіяся въ этомъ отъ многихъ другихъ, которыя, преслѣдуя вначалѣ самыя благородныя цѣли, въ послѣдствіи извратились; маффія и каморра, напр., вначалѣ представляли собою патріотическіе заговоры противъ чужеземнаго правительства. Но это различіе, казавшееся такимъ капитальнымъ и возбуждившее такую полемику относительно индивидуальной преступности, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія въ приложеніи къ преступности коллективной. Секта, будь она преступной по рожденію или при развитіи, секта, являющаяся злою, одинаково отвратительна, и часто наиболѣе опасными являются тѣ, которыя, возрастая, уклонились отъ своего первоначальнаго принципа. Если мы попытаемся добраться до причинъ, заставляющихъ рождаться для преступленія однѣ секты, и впадать въ преступленіе другія, то мы видимъ, что эти причины однѣ и тѣ же, а именно, причины психологическаго и соціальнаго порядка. Онѣ дѣйствуютъ въ обоихъ случаяхъ двумя различными и дополняющими другъ друга способами: 1) внушая кому-нибудь идею преступленія, которое нужно совершить; 2) пропагандируя эту идею, точно такъ же, какъ и замыселъ и способъ выполнить ее. Когда идетъ объ индивидуальномъ преступленіи, то концепція, резолюція, идея и выполненіе всегда разграничены и идутъ послѣдовательно другъ за другомъ, но воспроизводятся въ

одномъ и томъ же индивидуумѣ; въ этомъ состоитъ главное различіе съ преступленіемъ коллективнымъ, гдѣ различные индивидуумы дѣлать между собой задачи, гдѣ настоящіе вожаки и подстрекатели никогда не бываютъ исполнителями, — различіе аналогичное съ тѣмъ, которое раздѣляетъ маленькую индустрію отъ большой: въ первой ремесленникъ является въ одно и то же время и предпринимателемъ и рабочимъ, онъ самъ свой собственный патронъ; во второй патронъ и рабочій — это два разные лица, что слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно.

Итакъ, что же внушаетъ идею преступленія? и я могъ бы также сказать, идею генія? Принципы и потребности, положенія, признанныя или непризнанныя, и страсти, культивируемые болѣе или менѣе открыто, которыя царятъ въ окружающемъ обществѣ, я не говорю всегда въ большомъ обществѣ, но въ обществѣ тѣсномъ и тѣмъ болѣе плотномъ, куда человѣка заброситъ судьба. Идея преступленія, точно такъ же, какъ и геніальное изобрѣтеніе не вырастаетъ изъ почвы самопроизвольнымъ зарожденіемъ. Преступленіе — и это особенно вѣрно по отношенію къ коллективнымъ преступленіямъ — представляется всегда какъ смѣлый выводъ, но не менѣе послѣдовательный, чѣмъ смѣлый, изъ первыхъ посылокъ, поставленныхъ традиціонными пороками или новой безнравственностью, окружающими предразсудками или скептицизмомъ, подобно наросту нѣкоторымъ образомъ логическому, — а не только психологическому, — образовавшемуся на почвѣ нѣкотораго попустительства въ поведеніи, извѣстныхъ привычныхъ уклоненій слова и пера, извѣстныхъ трусливыхъ заискиваній изъ-за успѣха, золота, власти, извѣстныхъ скептическихъ и непродуманныхъ отрицаній, благодаря системамъ или вкусамъ, находящимся въ обращеніи даже среди самыхъ честныхъ людей какой-нибудь эпохи и страны. Въ феодальной средѣ, управляемой чувствомъ чести, совершается убійство изъ мести въ болѣе современной средѣ, поглощенной ненасытной жад-

ностью, воровство, мошенничество, корыстное убійство — вотъ преобладающія преступленія. Прибавимъ, что форма и характерные признаки преступленія отмѣчены состояніемъ теоретическихъ или техническихъ познаній, распространенныхъ въ этой средѣ. Тотъ, кто задумалъ бы, раньше послѣднихъ успѣховъ химіи, отравленіе при помощи минеральнаго яда, будетъ думать теперь объ отравленіи при помощи яда растительнаго; тотъ, кто вчера усердно старался бы выдумать адскую машину въ родѣ Фіески, будетъ пытаться сегодня сфабриковать новый динамитный снарядъ, болѣе удобный и практичный, карманный снарядъ. И это усовершенствованіе способовъ дѣйствія далеко отъ того, чтобы быть безразличнымъ, такъ какъ, приумножая орудія преступленія такъ же, какъ и орудія промышленности, развитіе наукъ даетъ преступленію чудовищно возрастающую силу разрушенія и дѣлаетъ идею и планъ преступленія доступными для сердецъ болѣе робкихъ, болѣе многочисленныхъ, для все расширяющагося круга, такъ сказать, чувствительныхъ совѣстей, которыхъ устрасило бы весьма опасное управленіе адской машиной Фіески или Кадуцала, и которые не задрожать при мысли поставить подъ лѣстницей котелъ со взрывчатымъ веществомъ.

Изобрѣтеніе вообще, — такъ какъ первая идея преступленія есть только относительно очень легкая форма изобрѣтенія, — это есть работа прежде всего логическая; и вотъ почему часто говорилось въ преувеличенной формѣ, но не безъ нѣкоторой доли правды, что заслуга изобрѣтателя ограничивается срываніемъ плода, готоваго упасть. Формула Ньютона логически выведена изъ трехъ законовъ Кеплера, а эти послѣдніе въ видѣ намека заключались въ результатъ астрономическихъ наблюденій, накопившихся со времени Тихо-Браге и халдейскихъ астрономовъ. Локомотивъ вытекаетъ изъ паровой машины Уатта, изъ старой повозки и изъ нашей возросшей потребности въ перемѣнѣ мѣста; электрическій телеграфъ вытекалъ изъ открытія Ампера и изъ нашихъ

сложныхъ потребностей въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Изобрѣтатель научный, военный, промышленный, преступный—это представитель логики, сдѣлавшій послѣдній выводъ. Это не значить, что всѣмъ дано дѣлать такіе выводы, и что начатки, выработанные всѣми, концентрируются сами по себѣ въ одномъ мозгу безъ всякаго активнаго участія этого послѣдняго; онъ былъ, такъ сказать, ихъ перекресткомъ, благодаря какой-нибудь своей характерной страсти; онъ обладалъ алчностью или любознательностью, эгоизмомъ или преданностью истинѣ; эта страсть искала и нашла средства для достиженія своихъ цѣлей. И для того, чтобы оперировать съ этими сконцентрировавшимися данными, для того, чтобы формулировать этотъ выводъ, перепрыгнуть черезъ страхи ума и моральное отвращеніе, которые другихъ людей удерживаютъ въ обычномъ состояніи безсознательной непослѣдовательности, либо гибельной, либо спасительной,—для всего этого нужна исключительная организація, нуженъ организмъ, образованный такой направляющей монадой, которая принадлежала бы къ числу наиболее закаленныхъ, замкнутыхъ въ себѣ—и стойкихъ въ своемъ бытіи. Что же намъ до того, что безъ спеціальнаго обѣмненія эта благопріятная почва индивидуальнаго характера не пустила бы ни одного ростка?

И не только гениальные люди того или другого общества принадлежать этому обществу; ему принадлежать и преступники. Если оно по праву гордится одними, то оно съ такимъ же основаніемъ должно относить на свой счетъ и другихъ, хотя имѣетъ право приписывать имъ самимъ ихъ дѣйствія. Этотъ убійца убиваетъ съ цѣлью грабежа, потому что повсюду раздаются панегирики въ честь денегъ; тотъ сатиры слышитъ, какъ удовольствіе провозглашается цѣлью жизни; этотъ динамитчикъ исполняетъ только ежедневно повторяемые совѣты анархистскихъ газетъ, а эти послѣднія развѣ не заняты только тѣмъ, что выводятъ строго логическія заключенія изъ слѣдующихъ аксіомъ: собственность есть гра-

бежъ, капиталъ есть врагъ. Всякій слышитъ, какъ смѣются надъ нравственностью люди безнравственные для того, чтобы не быть непослѣдовательными. Высшіе классы, которыхъ постигаетъ преступленіе, не замѣчаютъ того, что именно они пустили въ обращеніе принципъ преступленія, если не сами даже показали примѣръ его.

До событій довольно недавняго времени можно было со всей строгостью отстаивать тотъ парадоксъ, что, если обиліе преступленій, засвидѣтельствованное статистикой въ послѣднія три четверти вѣка, само по себѣ является реальнымъ зломъ, то оно отнюдь не имѣетъ значенія симптома, что испорченность преступниковъ можетъ повышаться и распространяться непрерывно, и все-таки это не докажетъ никому въ мірѣ, что честность честныхъ людей понижается. Напротивъ того, повышение нравственности культурныхъ и некультурныхъ массъ реально прогрессируетъ, въ то время какъ преступность прогрессируетъ въ свою очередь. Эти вещи говорились и печатались оптимистами самымъ искреннимъ образомъ, ярко отмѣченные тѣмъ коллективнымъ пристрастіемъ, которое свойственно нашему времени. Но со времени динамитныхъ взрывовъ и панамскаго дѣла я не думаю, чтобы продолжали говорить такимъ языкомъ. Въ совпаденіи этихъ ужасовъ и этого скандала есть что-то знаменательное; первые говорятъ объ отчаяніи и ненависти внизу, второй о деморализаціи и эгоизмѣ наверху. И все это превосходно совпадаетъ съ восходящими кривыми уголовной статистики¹. Въ виду такого зрѣлища нашъ соціальный строй можно было бы сравнить съ кораблемъ, потерпѣвшимъ крушеніе, на которомъ вотъ-вотъ произойдетъ взрывъ пороха, еслибы не мѣшала мысль о части европейскихъ народовъ, сохраняющей вопреки всему силу и здоровье, именно объ ихъ арміяхъ. И мы почти

¹ Уже послѣ того какъ были написаны эти строки, наступило нѣкоторое улучшеніе съ уголовной точки зрѣнія.

утѣшились бы въ необходимости всеобщаго вооруженія, если бы она не таила въ себѣ столь великихъ опасностей, изъ которыхъ наименьшей, несомнѣнно, является та опасность, что эта необходимость имѣетъ свою небольшую долю участія въ социальныхъ условіяхъ, изъ которыхъ родилась или, вѣрнѣе, воскресла „идея“ анархизма. Нельзя безнаказанно, какъ это дѣлалось болѣе тридцати лѣтъ, обращать изобрѣтательную способность на изобрѣтеніе новыхъ военныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, такихъ ужасныхъ орудій, какъ торпеда или мелинитовыя бомбы. Внося въ качествѣ истинныхъ благодѣтелей человѣчества изобрѣтателей этихъ чудовищныхъ орудій, мы приучили человѣческое воображеніе къ ужасамъ ихъ дѣйствія. Когда эти орудія изобрѣтены противъ внѣшнихъ враговъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ воспользоваться ими противъ внутренняго врага или соперника, противъ внутренняго иноземца.

VII.

Перейдемъ ко второму вопросу: разъ возникла преступная идея, почему и какъ она распространяется и осуществляется? Почему и какъ въ данную минуту она могла воплотиться въ видѣ секты, болѣе или менѣе обширной, болѣе или менѣе сильной и ужасной, реализирующей эту идею, тогда какъ въ другое время она не могла завербовать даже десятка адептовъ? Здѣсь всѣ социальные вліянія особенно преобладаютъ надъ естественными предрасположеніями. Эти послѣднія несомнѣнно требуются въ извѣстной неопредѣленной мѣрѣ; на примѣръ, склонность къ злобному неистовству, къ легковѣрной подозрительности. Но эти склонности сводятся къ нулю, если къ нимъ не присоединится, что чрезвычайно важно, подготовка умовъ посредствомъ разговоровъ или чтенія, частаго посѣщенія клубовъ, кафе, которые при помощи продолжительнаго зараженія, вызваннаго медлен-

нымъ подражаніемъ бросаютъ сѣмена старыхъ идей, которыя готовятъ быстрое воспріятіе вновь явившейся идеи. Идея избираетъ себѣ такимъ образомъ людей среди тѣхъ, которыхъ другія идеи къ ней подготовили. Въ самомъ дѣлѣ, идея не только выбираетъ, но она всегда создаетъ для себя людей, какъ душа—или, если хотите, оплодотворенный зародышъ—создаетъ себѣ тѣло. И вотъ что еще дѣлаетъ она: она погружаетъ и постепенно расширяетъ корни въ почвѣ, которая была для нея приготовлена. Отъ перваго, кто постигъ ее, она, благодаря воспримчивости, еще подражательной, переходитъ сначала къ одному новообращенному, затѣмъ къ двумъ, тремъ, десяти, ста, тысячѣ.

Первая фаза этого развитія зародыша есть ассоціація, состоящая изъ двухъ лицъ. Это—элементарный фактъ, который слѣдуетъ хорошо изучить, потому что всѣ послѣдующія фазы представляютъ собою не что иное, какъ повтореніе. Итальянскій ученый Сигеле посвятилъ цѣлую книгу доказательству той мысли, что во всякой ассоціаціи, состоящей изъ двухъ лицъ, супружеской, любовной, дружеской или преступной, всегда одинъ изъ членовъ ея дѣйствуетъ внушающимъ образомъ на другого и накладываетъ на него свою печать. И хорошо, что доказательства этой истины даны, хотя они и могутъ показаться излишними. Это слишкомъ вѣрно; берегитесь семьи, гдѣ нѣтъ ни вожака, ни ведомаго; въ ней не далеко до развода. Во всѣхъ парахъ, каковы бы онѣ ни были, всегда болѣе или менѣе явное или замаскированное, существуетъ различіе между тѣмъ, кто *внушаетъ*, и тѣмъ, кто *подвергается внушенію*,—различіе, которымъ, впрочемъ, нерѣдко злоупотребляли. Но по мѣрѣ того какъ растетъ ассоціація, благодаря присоединенію слѣдующихъ не-офитовъ, это различіе не перестаетъ дѣйствовать. Эта множественность по существу всегда остается великой двойственностью, и какъ бы ни была велика корпорація или толпа, она представляетъ собою также извѣстный видъ пары, гдѣ-

либо каждый подвергается внушенію со стороны всѣхъ остальныхъ, этого, такъ сказать, коллективнаго внушителя, включая сюда и господствующаго вожака, либо группа слѣдуетъ внушенію этого послѣдняго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ внушеніе остается одностороннимъ; въ первомъ случаѣ оно становится въ значительной степени взаимнымъ; но фактъ самъ по себѣ не измѣнился. Замѣчательно, что одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ такой власти авторитета нѣкоторыхъ людей, являющихся образцами, даетъ намъ анархистская секта, въ основѣ которой заключается полное отрицаніе принципа авторитета. Если существуетъ общество, которое должно бы было обойтись безъ начальника, безъ вожака, то это именно анархистская секта. А между тѣмъ оказывается, что никогда роль вождей не была разыграна такъ блестяще, такъ необъяснимо хорошо, какъ главарями этой секты. Что, наконецъ, представляетъ собою *фактическая пропаганда*, превознесенная ею такъ успѣшно, если не завлеченіе при помощи примѣра.

Есть нѣсколько способовъ быть вожакомъ, производить внушеніе, *впечатлѣніе*. Во-первыхъ, можно производить ихъ вокругъ себя, но можно и на разстояніи — различіе немало-важное. На разстояніи дѣйствуетъ такой образецъ, который вблизи не произвелъ бы никакого дѣйствія или произвелъ бы иное дѣйствіе, чего никогда не бываетъ въ случаяхъ настоящей гипнотизаціи... изъ чего, кстати, вытекаетъ, что не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко въ уподобленіи занимающаго насъ явленія явленіямъ гипнотическимъ; Руссо, напримѣръ, читаемый и перечитываемый, завладѣлъ Робеспьеромъ. Къ Руссо Сигеле охотно примѣнилъ бы слово *inscibe*, къ Робеспьеру — *suscibe*. Но несомнѣнно, что если бы они были лично знакомы, взаимное очарованіе существовало бы не долго и между ними произошелъ бы разрывъ. Такія же отношенія устанавливаются между журналистами и ихъ читателями, между поэтомъ, художникомъ и ихъ поклонни-

ками, которые ихъ не знаютъ, между Карломъ Марксомъ, этимъ вѣщунѣмъ, и тысячами социалистовъ и анархистовъ, которые разобрали каждую букву его. Твореніе нерѣдко обязательнѣе творца. — Во-вторыхъ, вдали или вблизи одинъ человекъ получаетъ власть надъ другими либо благодаря исключительному развитію воли, хотя при этомъ умъ остается посредственнымъ, либо благодаря исключительному развитію ума или только убѣжденія, хотя бы характеръ оставался относительно слабымъ; либо эту власть даетъ непреклонная гордость или сильная вѣра въ себя, при которой человекъ превращаетъ себя въ апостола, либо творческое воображеніе. Нельзя смѣшивать эти различные способы вести за собою; смотря потому, который изъ нихъ преобладаетъ, влияние, оказываемое однимъ и тѣмъ же человекомъ, можетъ быть прекраснымъ или пагубнымъ. Эти четыре главныхъ вида влияния — желѣзная воля, орлиная острота взора и сильная вѣра, могучее воображеніе, неукротимая гордость — очень часто соединяются вмѣстѣ у первобытныхъ народовъ; отсюда происходитъ глубокая сила поклоненія извѣстнымъ вождямъ. Но съ развитіемъ цивилизаціи эти свойства раздѣляются и кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, напр., Наполеона, начинаютъ постепенно отличаться другъ отъ друга. Такъ умъ изощряется на счетъ характера, который смягчается, или на счетъ вѣры, которая слабеетъ. Преимущество заключается въ тенденціи придать характеръ взаимности дѣйствию внушенія, которое вначалѣ было одностороннимъ. Кромѣ того власть при дѣйствіи вблизи и при дѣйствіи на разстояніи пріобрѣтается превосходствомъ не однихъ и тѣхъ же качествъ. При дѣйствіи на разстояніи главную роль играетъ превосходство ума и воображенія; при дѣйствіи вблизи особенно заразительно дѣйствуетъ сила рѣшимости, даже звѣрская, сила убѣжденія, даже фанатическая, сила гордости, даже безумная. Цивилизація къ счастью ведетъ безпрестанно къ возрастанію пропорціональнаго отношенія дѣйствій на разстояніи къ другимъ

дѣйствіямъ, постоянно расширяя и районъ дѣйствія и число людей, завоевавшихъ извѣстность, благодаря распространенію книгъ и газетъ. И это далеко не послѣдняя услуга, которую она намъ оказываетъ и которая является ея долгомъ намъ въ награду за столько бѣдствій. Но когда рѣчь идетъ о толпѣ, то именно дѣйствіе вблизи распространяется со всей своей интенсивностью, безпорядочностью и непристойностью; когда мы имѣемъ дѣло съ корпораціями, оно сказывается въ меньшей степени и лучше, если только это не преступныя ассоціаціи безъ прошедшаго и будущаго, которыя двигаютъ зловредное вліяніе одного человѣка и которыя умираютъ послѣ него.

VIII.

Возвращаясь къ *практической* анархической сектѣ, слѣдуетъ замѣтить, что если она нова и не имѣетъ прошлаго, то только въ своей современной формѣ; въ самомъ дѣлѣ, даже при поверхностномъ взглядѣ, брошенномъ на ея прежнія формы, мы увидимъ, что она очень древняго происхожденія. Апокалиптическая греза о всемірномъ разрушеніи для вящаго блага вселенной не нова подъ солнцемъ. Всѣмъ еврейскимъ пророкамъ являлось это видѣніе. Послѣ взятія Іерусалима и разрушенія храма, въ 70 году нашей эры, въ римской имперіи возникло не мало разныхъ апокалиптическихъ сказаній еврейскихъ и христіанскихъ, которыя всѣ сходились въ предсказаніи полного и внезапнаго разрушенія установленнаго порядка на землѣ и на небѣ; они видѣли въ этомъ необходимую прелюдію къ торжественному воскресенію. Въ эпохи разрушеній—изверженія Везувія или великаго землетрясенія—самая обычная вещь встрѣтить эту мысль о концѣ міра и послѣднемъ судѣ, какъ ни противорѣчитъ она *мизонейзму* древнихъ народовъ. Такимъ образомъ нынѣшніе динамитчики

только возрождаютъ кошмаръ тысячелѣтій. Разница лишь въ томъ, что іерусалимскіе фанатики желали всеобщаго разрушенія вслѣдствіе грѣховъ человѣчества и несоблюденія законовъ; они были убѣждены на основаніи непогрѣшимыхъ книгъ, что за этимъ разрушеніемъ настанетъ эра благоденствія, обѣщанная самимъ Богомъ. Они точно указывали подробности этого царства Мессіи. А наши анархисты, когда ихъ спрашиваютъ о томъ, что они установятъ на мѣсто разрушеннаго до основанія общества, или совсѣмъ ничего не отвѣчаютъ или неопредѣленно говорятъ о возрожденіи „добраго естественнаго закона“. Они не указываютъ намъ священныхъ книгъ, гдѣ можно было бы прочесть возвѣщеніе, сдѣланное имъ ихъ Мессіей, возвѣщеніе объ его же неподдающемся выраженію царствѣ. Далѣе не нравственное зло, а исключительно зло экономическое и матеріальное, отъ котораго страдаютъ люди, побудило ихъ къ ихъ ужасному отрицанію.

Болѣе непосредственныя родственныя узы соединяютъ анархистовъ съ царевубійцами нынѣшняго столѣтія и прошлыхъ вѣковъ, несмотря на внѣшнее различіе побудительныхъ мотивовъ, которые во второмъ случаѣ имѣютъ политическій, а въ первомъ — соціальныя характеръ. Если бы изобрѣтатели адскихъ машинъ, направленныхъ противъ перваго консула Луи-Филиппа, Наполеона III, знали динамитъ, то, несомнѣнно, это вещество выбрали бы они для своихъ покушеній, какъ это сдѣлали политическіе противники президента Венецуэлы, которые 2 апрѣля 1872 года во время междоусобной войны пытались взорвать динамитомъ его дворецъ, но благодаря какому-то чуду не осуществили этого. Впрочемъ, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, царевубійство въ настоящее время является только пережиткомъ прошлаго.

Таковы преступленія сектъ. Существуютъ и преступленія толпъ, имѣющія съ ними не одну общую черту. Таковы массовыя сожженія монастырей въ эпоху реформации, замковъ въ эпоху революціи. Благодаря этимъ толпамъ поджигателей,

среди блага дня срывавшимся съ цѣпи, такъ же какъ благодаря нашимъ динамитчикамъ, разсѣяннымъ во мракъ, вспыхнула ненависть къ правящимъ классамъ, а затѣмъ, благодаря привычкѣ, безумная и тщеславная ярость разрушенія. За этими шайками также стояли софисты, которые должны были догматизировать ихъ преступленія, какъ за всякимъ деспотомъ стоитъ, по словамъ Мишле, юристъ для оправданія его насилій. Пожары, какъ и взрывы, будучи собственно преступленіями, не грязнили пальцевъ, освобождали убійцу отъ необходимости видѣть кровь своихъ жертвъ, слышать ихъ раздражающіе душу крики. И ничто такъ хорошо не примиряетъ съ самой дикой жестокостью самую утонченную чувствительность нервовъ.

Это сравненіе показываетъ, до какой степени преступная секта можетъ быть еще ужаснѣе, чѣмъ преступная толпа. Но съ другой стороны очевидно также, что репрессія имѣетъ гораздо больше силы надъ первой, чѣмъ надъ второй. Опасность секты, составляющая въ то же время ея силу, заключается въ непрерывномъ прогрессѣ ея путей. Системы фитилей и зажиганія вначалѣ были неудовлетворительны, ихъ не замедлили замѣнить новыми, болѣе совершенными. Явилась разрывная бомба, которая была адскимъ изобрѣтеніемъ гения.

Другая опасность сектъ заключается въ томъ, что ихъ составъ не вербуются, какъ это бываетъ съ толпами, исключительно изъ людей болѣе или менѣе сходныхъ между собою по своимъ природнымъ инстинктамъ или по воспитанію; они собираютъ и даютъ работу разнымъ категоріямъ самыхъ несходныхъ между собою лицъ. Люди сходные образуютъ собраніе, но люди, дополняющіе другъ друга, образуютъ товарищескій союзъ; а для того, чтобы пополнять другъ друга, необходимо различаться. Qui se ressemble s'assemble — эта истина особенно вѣрна по отношенію къ сектамъ. Существуетъ не одинъ, а много типовъ якобинца, нигилиста,

анархиста. Ліонскіе анархисты 1882 года поразили Берара разнообразіемъ своего состава. „Мистики, мечтатели, наивные невѣжды, преступники противъ естественнаго права... на одной скамьѣ; рабочіе, прочитавшіе много, не понимавшіе прочитаннаго, составившіе самую странную амальгаму изъ всѣхъ доктринъ; настоящіе дикіе звѣри, прекраснѣйшимъ образцомъ которыхъ является Равашоль; наконецъ, царящій надъ всѣми ими честный отпрыскъ самой чистой аристократіи...“ Мы уже не говоримъ о настоящихъ безумцахъ, входившихъ въ составъ этой группы. — Таковы практики сектантскихъ преступленій; теоретики ихъ, рѣзко отличающіеся отъ практиковъ и нерѣдко искренно отвергающіе ихъ, не менѣе многочисленны и разнообразны. Велико разстояніе между угрюмымъ возвышеннымъ гениемъ, который куетъ противъ капитала правдоподобныя теоремы, трибуномъ, который, подобно Лассалю, бросаетъ ихъ какъ зажигательныя бомбы, и журналистомъ, который пускаетъ ихъ въ обращеніе, примѣняетъ ихъ и чеканитъ изъ нихъ мелкую фальшивую монету. И тѣмъ не менѣе стеченіе всѣхъ этихъ несходныхъ талантовъ, ихъ соприкосновеніе съ мистиками, наивными людьми и преступниками, о которыхъ только что говорилось, и которые сами сошлись вмѣстѣ, — это двойное стеченіе и это соприкосновеніе необходимы для того, чтобы раздался взрывъ динамитной бомбы ¹.

Въ физическомъ отношеніи они такъ же разнородны, какъ и въ нравственномъ. Нѣкоторые представляютъ собою, такъ сказать, вырожденцевъ въ фізіологическомъ и анатомическомъ

¹ Отношеніе существующее между вдохновителями прессы и исполнителями ясно обнаружилось въ Ліонѣ. Въ октябрь 1882 г. въ Ліонѣ имѣли мѣсто два покушенія; одно, въ кафе, было за нѣсколько дней до своего осуществленія *предсказано* въ анархической газетѣ; при этомъ одинъ человѣкъ былъ убитъ и нѣсколько ранены; другое было произведено передъ зданіемъ присутствія по воинской повинности; это покушеніе было *предсказано* въ той же газетѣ.

смыслѣ; таково, повидимому, было значительное число анархистовъ въ Лионѣ. Въ этомъ отношеніи они не походили на своихъ люттихскихъ собратьевъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что многочисленныя покушенія, совершенныя этими послѣдними въ Люттихѣ, съ марта до мая 1892 года, привели въ результатъ только къ матеріальному разрушенію (именно въ церкви Saint-Martin были разбиты дивныя окна); есть даже основаніе думать, что они никогда и не хотѣли убивать или ранить кого бы то ни было. По крайней мѣрѣ два замѣчательныхъ криминалиста, долгое время наблюдавшіе и изучавшіе въ тюрьмѣ шестнадцать люттихскихъ анархистовъ, именно Тири; профессоръ уголовного права въ Люттихѣ, и Пренсъ, главный тюремный инспекторъ Бельгіи, увѣряли меня съ изумительнымъ единодушіемъ, что не замѣтили у заключенныхъ никакой физической аномалии. Оба были поражены „ихъ вполне порядочнымъ видомъ“. Всѣ эти люди казались Тири безупречными „съ точки зрѣнія трудовой, семейной или нравственной“. Одинъ изъ нихъ былъ проникнутъ глубочайшимъ мистицизмомъ. „Многіе, даже большинство, были вполне интеллигентными людьми“. Но это не мѣшало, говоритъ Пренсъ, имъ быть чрезвычайно наивными. „Они, по ихъ словамъ, хотѣли своими взрывами обратить вниманіе на несчастное положеніе народа. Парижская коммуна обратила вниманіе на положеніе рабочихъ; слѣдуетъ продолжать ея дѣло“. Всѣ они, за исключеніемъ ихъ вождя Муано, раскисались въ своемъ безуміи. Одинъ этотъ фактъ показываетъ, какую власть онъ имѣлъ надъ ними. Впрочемъ „нѣтъ сомнѣнія, — писалъ мнѣ Пренсъ, — что они взаимно настраивали другъ друга при совмѣстныхъ бесѣдахъ“; это служило объясненіемъ переворота, совершившагося въ нихъ, когда они были размѣщены по одиночнымъ камерамъ. „Я, — пишетъ дальше тотъ же наблюдатель, — былъ пораженъ пріятнымъ, открытымъ, интеллигентнымъ и симпатичнымъ лицомъ одного молодого человѣка, рабочаго оружейной фабрики.

Онъ разсказалъ мнѣ, что все время, свободное отъ работы, онъ проводилъ за чтеніемъ. Онъ читалъ Монтескье, Прудона и т. д. У Монтескье онъ нашелъ оправданіе права мятежей. У Прудона онъ прочелъ мысль, что собственность есть воровство. „La conquête de Paris“ привело его въ волненіе. „Вы не можете представить, — сказалъ онъ мнѣ, — какъ хорошо это сочиненіе!“ Сколько умовъ должны обладать способностью подвергаться такому же внушенію!

Помѣщенное Гюгомъ Леру въ „Matin“ описаніе парижскихъ анархистовъ, у которыхъ онъ завтракалъ, вполне согласуется съ наблюденіями Пренса и Тири. „Я смотрѣлъ говорить онъ, съ любопытствомъ на своихъ хозяевъ. Въ ихъ фигурахъ не было того ужаснаго отсутствія симметріи, той алкоголической лютости, которыя придаютъ такой печальный характеръ фотографіямъ Бертильона. То были люди по образованію ниже средняго, все — рабочіе“. Они излагаютъ свои теоріи, сильно напоминающія тѣ теоріи, которыя два другихъ „сотоварища“, явившись въ редакцію „Matin“ (11-го ноября 1892 года), развивали тамъ. Эти послѣдніе приходили собирать подписи для *soupes-conférences*. Пища тѣлесная и пища духовная одновременно. Требованіе *panem et circenses* представляло, быть-можетъ, меньше опасности.

Всѣ эти идеи, распространять которыя лежитъ на попеченіи этихъ „conférences“, намъ извѣстны; мы знаемъ ихъ происхожденіе. Ложными идеями, напыщенными рѣчами, теоріями, нерѣдко темными, создаются секты. Производя впечатлѣніе, часто ложное впечатлѣніе, обманывая глазъ, а не умъ, поднимаютъ толпу. Когда, при погребеніи Цезаря, Антоній хотѣлъ поднять римскую чернь, какъ онъ поступилъ? ¹. Послѣ патетической рѣчи, онъ приказываетъ поднять лежавшій трупъ и снять съ него покрывало; трупъ, обнаженный и покрытый двадцатью тремя ранами. „Народу кажется,

¹ См. Duruy, *Histoire des Romains*, т. III, стр. 430 и сл.

будто самъ Цезарь поднимается съ смертнаго ложа, вызывая о мести. Они бѣгутъ въ курію, гдѣ онъ былъ убитъ, и поджигаютъ ее. Они ищутъ убійцъ и, обманутые тождествомъ имени, разрываютъ въ клочки трибуна Цинну, принявъ его за претора Цинну“². На мѣсто этихъ обманчивыхъ впечатлѣній чувства поставьте софизмы теологическіе, метафизическіе, экономическіе, смотря по мѣсту и времени, и явится секта—гусситовъ, анабаптистовъ, якобинцевъ, нигилистовъ, анархистовъ—еще болѣе зажигательная, смертоносная, страшная и притомъ гораздо болѣе прочная, чѣмъ римскіе мятежники, повинующіеся трупу Цезаря.

Отъ Карла Маркса до Крапоткина и отъ Крапоткина до Равашоля разстояніе велико, но всѣ трое являются звеньями одной цѣпи,—я сожалею о томъ, что входитъ въ нее и первый изъ нихъ, онъ—превосходный экономистъ. Отъ негодаванія, часто имѣющаго основаніе, противъ соціальнаго строя, который кажется несправедливымъ и дурнымъ, фатально совершается переходъ къ гнѣву, который заставляетъ клясть счастливыхъ этого несправедливаго порядка, и къ ненависти, которая побуждаетъ убивать ихъ. Развѣ нѣтъ людей, которые рождаются съ неодолимой потребностью ненавидѣть что-нибудь или кого-нибудь? Ихъ ненависть рано или поздно находитъ свой объектъ, который она немедленно изливаетъ на какую-нибудь личность, поражая ее посредствомъ пера или желѣза, клеветы или убійства. Проповѣдники насилія въ печати указываютъ эту личность уличнымъ убійцамъ. Равашоль представляетъ собою типъ анархиста-исполнителя, безкорыстнаго убійцы. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рецидивистовъ, преступающихъ естественное право, которыхъ всякая преступная секта насчитываетъ въ своихъ рядахъ. „Многіе анархисты, говоритъ Бераръ, были осуждены за воровство:

² Въ началѣ революціи 1848 года трупъ одного мятежника, который провели ночью по парижскимъ улицамъ, послужилъ однимъ изъ главныхъ толчковъ къ народному возстанію.

Борда, Равашоль, Франсуа, виновникъ взрыва въ Вери“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что даже при обыкновенномъ воровствѣ и убійствѣ, которое совершаютъ анархисты, проявляется рѣдкое свойство воли или особый своеобразный стимулъ. Какая печальная энергія обнаружена Равашолемъ при оскорбленіи могилы! Если при убійствѣ отшельника онъ убилъ для того, чтобы красть, то правильнѣе, можетъ-быть, было бы сказать, что онъ воровалъ для того, чтобы убивать, съ цѣлью доставить своимъ сотоварищамъ деньги, необходимыя для существованія ихъ кровавыхъ плановъ. Равашолемъ въ данномъ случаѣ руководила пагубная логика: этотъ старый отшельникъ-капиталистъ, всякій капиталистъ—воръ, доводящій до голода и убивающій трудящагося человѣка; будемъ убивать капиталистовъ, отнимемъ у нихъ свое имущество¹; возьмемъ ихъ золото, употребимъ его на то, чтобы уничтожить палачей народа и разрушить всѣ ихъ сооруженія: соборы, музеи, библіотеки, рудники, заводы, желѣзныя дороги, эти многообразныя формы, въ которыя воплотился или нарядился гнусный капиталъ.

Чудовищная логика такого рода еще сильнѣе обнаруживается у Равашоля, чѣмъ у Фіески, съ которымъ, впрочемъ, онъ имѣетъ не мало общаго; и въ этомъ отношеніи, такъ же какъ и въ отношеніи пущенныхъ въ дѣло средствъ совершался прогрессъ отъ перваго ко второму. Та же театральная рисовка, безразсудная у обоихъ²; та же сила духа. Фіески также былъ рецидивистомъ: онъ еще на родинѣ своей, Корсикѣ, воровалъ животныхъ и поддѣлалъ печати меріи—впрочемъ, у этихъ островитянъ это были небольшіе грѣхи.

¹ Такую рѣчь произнесъ анархистъ Зевако предъ парижскимъ судомъ присяжныхъ въ 1891 году: „Буржуа убиваютъ насъ посредствомъ голода; будемъ воровать, убивать, производить динамитные взрывы; всѣ средства хороши, чтобы избавить насъ отъ этой гнили“.

² „Если бы я разсказалъ, что я совершилъ,—говорилъ Равашоль Комартену,—мой портретъ появился бы во всѣхъ газетахъ“.

Но если въ этомъ корсиканскомъ ткачѣ было очень мало логики, если въ этой грубой натурѣ не было все съ такой ужасной послѣдовательностью направлено къ определенной цѣли, то взаимѣнъ этого въ немъ было больше той мрачной и жестокой красоты, которая является лучомъ à la Рембрандтъ этихъ великихъ преступниковъ. Онъ сознался во всемъ „для того, чтобы его не сочли лжецомъ“¹. Онъ стыдился лгать, этотъ бывший поддѣлыватель! Смѣлость и кровожадность являются обыкновенно лицевой и обратной сторонами одной и той же древней медали; подобно столькимъ древнимъ римлянамъ, онъ былъ храбръ и жестокъ своей храбростью. Это презрѣніе къ чужой жизни, которое заставляетъ приносить въ жертву десятки постороннихъ людей ради того, чтобы добраться до одного, если не искупается, то становится нѣсколько болѣе понятнымъ благодаря тому, что оно соединяется съ презрѣніемъ къ смерти.

Онъ оставилъ намъ изображеніе своего душевнаго состоянія въ моментъ своего покушенія. Это изображеніе слишкомъ ярко для того, чтобы быть живымъ; впрочемъ, культъ правды былъ для него, благодаря его гордости, такъ же обязателенъ, какъ и культъ благодарности. Вотъ онъ въ палатѣ позади двадцати четырехъ орудій, приспособленныхъ къ моменту слѣдованія короля. Онъ поклялся исполнить свое роковое рѣшеніе; онъ обѣщалъ это — Пепину и Морею, и онъ сдѣлаетъ это, во что бы то ни стало... Но онъ замѣчаетъ въ толпѣ Ладвоката „своего благодѣтеля“. При видѣ его, онъ измѣняетъ направленіе своихъ ружей, потому что онъ не можетъ покуситься на эту священную для него жизнь. Но Ладвокатъ исчезаетъ. Появляется король въ сопровожденіи полка солдатъ. Снова сомнѣнія: убить столько генераловъ, офицеровъ, „заслужившихъ свои чины на поляхъ сраженій, въ битвахъ за родину, подъ командой великаго Наполеона“,

¹ См. *Mémoires de Gisquet*, т. IV.

великаго корсиканца! У него не хватаетъ рѣшимости; но вотъ онъ вспоминаетъ, что далъ слово Пепину и Морею, и онъ говоритъ себѣ: „Лучше умереть — и даже убить — чѣмъ пережить подобный позоръ: давъ обѣщаніе, оказаться затѣмъ трусомъ“³... И онъ нажимаетъ курокъ. Можно ли утверждать, что люди такого рода — даже сами Фіески и Равашоль — были неизбѣжно предназначены для преступленія? Покушеніе перваго также не было простымъ дѣломъ. Для того, чтобы совершить его, нужно было, чтобы хитрость, Морея, холодная и безмолвная, финансовыя и интеллектуальныя средства, нѣсколько болѣе крупныя, чѣмъ у Пепина, соединились съ непреклонной энергіей Фіески; кромѣ того было необходимо, чтобы фанатизмъ всѣхъ троихъ ежедневно возбуждали и подогрѣвали мятежныя статьи нѣсколькихъ журналистовъ, которыхъ въ свою очередь подбодряли тысячи читателей, озлобленныхъ или развѣсившихъ уши. Уничтожьте одинъ изъ этихъ пяти „факторовъ“ — публику, газеты, мысль, деньги, смѣлость — ужаснаго взрыва не было бы. По поводу cadaго взрыва бомбы — и cadaго скандала, финансоваго или парламентскаго или другого, волнующаго общественное мнѣніе — мы всѣ въ большей или меньшей степени можемъ сказать *теа culpa*; мы всѣ болѣе или менѣе повинны въ самыхъ причинахъ нашего смятенія. Это наша общая вина, если эти могущественныя оргазизаціи получаютъ дурное направленіе. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно оправдывать этихъ преступниковъ. Зараженіе, которому мы подвергаемся, еще больше открываетъ насъ другимъ и часто намъ самимъ, чѣмъ овладѣваетъ нами; это зараженіе не освобождаетъ насъ отъ отвѣтственности. Когда кровожадная толпа съ остерве-

³ Онъ сильно заботился о томъ, что говорилось о немъ на Корсикѣ. Это господствующее вниманіе къ маленькому обществу и это пренебреженіе къ большому характерны, Равашоль также заботился только о томъ впечатлѣніи, которое его преступленія производили на группу его „сотоварищей“.

нѣніемъ набрасывается на мученика, нѣкоторыхъ зрителей увлекаетъ она, другихъ — онъ. Скажемъ ли мы, что эти послѣдніе, герои изъ подраженія, не заслуживаютъ, благодаря дѣйствію этого увлеченія, никакой похвалы? Это было бы столь же справедливо, какъ еслибы мы освободили отъ поношенія первыхъ только за то, что ихъ кровожадность является отраженной. Но оставимъ теперь эти тонкіе вопросы объ отвѣтственности. Приведенныя выше разсужденія и документы имѣли цѣлью изслѣдованіе сравнительной психологіи и патологіи толпъ и преступныхъ ассоціацій, а не изученіе ихъ карательной терапείтики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1
Публика и толпа	56
Мнѣніе	73
Разговоръ	141
Толпы и преступныя секты	141

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ—Апостолъ религіи кра-

СОТЫ. Этюдъ В. Богдановича, М. 1900 г. Ц. 20. к.

Т. КАРЛЕЙЛЬ.—Новалисъ. Перев. съ англійскаго В. Лазурскаго. М. 1901 г. Ц. 50 к.

ЭМ. ФАГЕ. Членъ Парижской Академіи. **Девятнадцатый вѣкъ.**

Литературные этюды (Шатобрианъ.—Ламартинъ.—Альфредъ де Виньи.—Викторъ Гюго.—А. Де Мюссе.—Теофиль Готье.—П. Мериме.—Мишле.—Жоржъ Зандъ.—Бальзакъ); Переводъ съ 19 французскаго изданія подъ редакціей П. Канчаловскаго. Съ 10 портретами. М. 1901 г. Ц. 2 рубля.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ.—Европа. (The regina geographical

Reader). Переводъ съ англійскаго, съ 50 рисунками и 30 географическими картами въ текетъ. Изящное изданіе. М. 1901 г. ц. 50 к. Допущена М. Н. П. въ ученическія библиот. низшихъ и ср. учеб. зав. и народныхъ читаленъ.

Э. ЛАВИССЪ. Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исто-

рин среднихъ вѣкахъ и новой исторіи, 10 картъ, 6 рисунковъ. Переводъ съ 12 французскаго изданія Е. П. Канчаловской. М. 1900 года. Ц. 35 коп. Уч. Ком. М. Н. П. одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста библиотекъ сред. уч. заведеній.

ЭД. БЕРНШТЕЙНЪ. Соціальныя проблемы.

Переводъ съ нѣмецкаго П. С. Когана. М. 1901 г. Ц. 80 к.

Ф. О. ГЕРТЦЪ. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецк. подъ

редакціей и съ предисловіемъ профессора моск. унив. А. А. Мануилова. М. 1900 г. Ц. 80 коп.

О. и Ф. ПЕЛЛУТЬЕ. Жизнь рабочихъ во

Франціи. Переводъ съ французскаго подъ редакціею проф. Моск. унив. А. А. Мануилова. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

В. КЕННИНГЕМЪ. Западная цивилизація съ

экономической точки зрѣнія. Переводъ съ англійскаго П. С. Когана. М. 1902 г.

Т. I. Ц. 1 р. 20 к. Второй томъ печатается и въ концѣ мая поступитъ въ продажу.

Ш. СЕНЪБОСЪ. Историческій методъ въ

примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею П. С. Когана. М. 1902 г. Ц. 1 р.

ВУНДТЪ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецк. подъ

редакц. проф. Московскаго университета кн. С. Н. Трубецкаго. (Печатается и въ маѣ поступитъ въ продажу).

Цѣна одинъ рубль.

СКЛАДЪ у Петра Петровича Канчаловскаго, Москва, Остоженка,
Чудовская улица, домъ Троицкой.